

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

КИОСЕ Оксана Афанасьевна
ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА ШАРОВА

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Научный руководитель:
Доктор филологических наук, профессор
Марина Петровна Абашева

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Формирование историософских взглядов Владимира Шарова.	20
1.1. Начало пути: научные исследования	20
1.2. Эссеистика: развитие идей	29
1.3. Авторская историософия в ранних романах	44
1.4. Проблема художественного метода	48
Глава 2. Русская религиозная философия в творчестве Владимира Шарова.	59
2.1. О «Русской идее»	59
2.2. Идеи Николая Бердяева в историософии Владимира Шарова	65
2.3. «Философия общего дела» Николая Федорова в творчестве Владимира Шарова	75
Глава 3. Метаисториософский роман В. Шарова «Возвращение в Египет»	91
3.1. «Возвращение в Египет» как романная модель В. Шарова	91
3.2. Дискурсивная организация	93
3.3. Нарративная организация	107
3.4. Повествовательные интриги	119
3.5. Функционирование романной модели В. Шарова	138
Заключение	147
Библиографический список	155

Введение

Владимир Александрович Шаров – писатель, историк. Родился в 1952 году в семье известного писателя, автора сказок Александра Шарова. В 1977 году окончил исторический факультет Воронежского университета, в 1984 году защитил диссертацию по опричнине и Смутному времени в России, кандидат исторических наук. Умер в 2018 году.

Творческую деятельность начинал в качестве поэта: первая публикация в журнале «Новый мир» (1979 г), позднее изданы два сборника «Стихи» (1996) и «Рама воды» (2016). Первый роман «След в след: Хроника одного рода в мыслях, комментариях и основных датах» был опубликован в 1991 году в журнале «Урал». В дальнейшем выходят романы «Репетиции» (1992), «До и во время» (1993), «Мне ли не пожалеть...» (1995), «Старая девочка (1998), «Воскрешение Лазаря» (2002), «Будьте как дети» (2008), «Возвращение в Египет» (2013), «Царство Агамемнона» (2018).

Владимир Шаров является автором сборников публицистических статей «Искушение революцией (русская верховная власть)» (2009) и «Перекрестное опыление (время, место, люди)» (2018). В работах Владимира Шарова, таким образом, мы видим постоянное соприкосновение литературы и исторического знания.

Романы Владимира Шарова не раз были удостоены литературных премий. Четыре раза это была премия журнала «Знамя» (1998, 2002, 2008, 2013). В 2008 году роман «Будьте как дети» входит в шорт-лист Премии «Русский Букер» и номинирован на премию «Большая книга», в 2013 году роман «Возвращение в Египет» становится лауреатом премий Союза писателей Москвы «Венец», а в 2014 – «Русский Букер» и «Студенческий Букер», в этом же году роману присуждена премия «Большая книга».

Творчество В. Шарова активно изучалось исследователями. Анализ его творчества включен в вузовские учебники. Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий в рамках монографических учебных пособий, посвященных исследованию литературного процесса 1990-х и 2000-х годов, рассматривают

фигуру Шарова в контексте русского постмодернизма и определяют главную составляющую романов Шарова – создание мифов для заполнения «пустоты истории», мифов, которые сочиняются и тут же сбываются в текстах автора» [Лейдерман, Липовецкий 2003: 421]. В учебнике для вузов «История русской литературы XX—XXI веков» В.А. Мескин пишет о романах Шарова как постмодернистских романах, создающих метафоры, «обнажающие алогизм» исторической достоверности [Мескин 2024: 294]. В учебном пособии «Пути новейшей русской прозы» А.В. Татаринов определяет историософию (в частности, Шарова) в качестве «ключевого уровня современной русской словесности» [Татаринов 2015: 242] и обозначает значимую для текстов Шарова составляющую – «идею взаимопроникновения религии и революции» [Татаринов 2015: 23]. Творчество Шарова изучает Н.Е. Лихина в учебном пособии «Актуальные проблемы современной русской литературы: “Постмодернизм”» (1997). Изучаются произведения Шарова и в монографии о русской литературе М.Н. Липовецкого «Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики)» (1997).

По творчеству В. Шарова защищены диссертации. В большинстве своем это не монографические исследования произведений писателя, а работы, посвященные проблемам русской литературы, в которых Шаров изучается в ряду других писателей. Так его романы рассмотрены в докторской диссертации Т.Е. Сорокиной «Художественная историософия современного русского романа» (2011), Т.Н. Бреевой «Концептуализация национального в русском историософском романе ситуации рубежности» (2010). В кандидатской диссертации С.С. Пахомовой «Повествовательные стратегии в современной прозе (П. Крусанов, В. Шаров, А. Королев)» (2012), А.И. Пантюхиной «Художественные версии национальной истории в романах о современности (Ф. Горенштейн, В. Шаров, М. Шишкин)» (2020). В диссертации Ю.В. Меладшиной «Гоголевский текст в романе В.А. Шарова “Возвращение в Египет. Выбранные места из переписки Николая Васильевича Гоголя (Второго)”» изучаются гоголевские реминисценции (2019).

Одним из важнейших событий в изучении творчества Шарова стал выход в 2020 году сборника статей и материалов «Владимир Шаров: По ту сторону истории» (под ред. М. Липовецкого, А. де ля Фортель), посвященных исследованию публицистики и художественных текстов автора. Можно сказать, что этот сборник стал первой исследовательской монографической работой о Шарове. В сборнике представлен анализ основных проблемных вопросов творчества Владимира Шарова, некоторые из них обсуждаются впервые.

Сборник включает четыре раздела: воспоминания; исследования философии и политики в творчестве; исследования поэтики и эстетики творчества автора; впервые публикуемые интервью.

Таким образом, Шаров – один из самых значительных писателей современной России и его творчество нуждается в изучении.

Актуальность настоящей работы в обращении к наследию Владимира Шарова в аспекте, который представляется нам наиболее важным в его творчестве: историософская концепция, ее формирование и репрезентация в художественных текстах. Тексты В. Шарова – составляющие единой авторской историософской концепции, что отмечают и исследователи: «писатель сознательно формирует индивидуальную историософию, проявляющуюся как в художественном дискурсе романов, так и в публицистическом дискурсе статей и эссе» [Ащеулова 2013: 72].

История вопроса.

Для понимания характера историософской концепции Владимира Шарова нам необходимо разделить и определить понятия «история», «философия» и «историософия». Термин «историософия» в «Большом толковом словаре русского языка» определяют следующим образом: «понимание, истолкование и т.п. каких-либо исторических явлений с определенных мировоззренческих позиций» [Кузнецов 2000: 404]. В Оксфордском словаре историософия – это «философская интерпретация хода истории и исторических событий; историческая интерпретация, основанная на частном, особенном мнении»

[Proffitt]. Применительно к русской мысли, по определению ее исследователей, историософия представляет собой «целостную концепцию исторического процесса или попытку ее создания на основе определенного миропонимания» [Кузнецов 2000: 404]. Термин впервые был использован А. Чешковским в докторской диссертации «Пролегомена в историософии» (1838) в контексте изучения гегелевской концепции мировой истории. Историософия «становится эффективным, объективным осуществлением осознанной истины» [Cieszkowski 1973: 22].

В.А. Кошелев в работе, посвященной А.С. Хомякову (2000), определил различие историософии и философии истории. Философия истории, в отличие от историософии, занимается «выяснением логики мирового исторического процесса, причинно-следственным сцеплением событий, рациональным объяснением их существа» [Кошелев 2000: 195]. Здесь же автор дает определение и историософии, понимая её как интуитивное переживание: «Историософия – это интуитивное переживание судеб народов, эстетическое и этическое осмысление основ их исторического бытия, отыскание “корней” и прозрение будущей “судьбы”» [Кошелев 2000: 196].

Н.В. Зайцева в диссертации «Историософия как метафизика истории: опыт эпистемологической рефлексии» (2005) определяет историософию как авторский синтез исторических явлений и выработку авторского видения: «Можно утверждать, что любая историософия в качестве концептуальной модели объяснения представляет собой неповторимый авторский синтез всех исторических явлений и, в конечном счете, регулятивную идею Истории как таковой» [Зайцева 2005: 3]. Целью историософии, по Зайцевой, является обнаружение «в событиях прошлого общих схем, структур и закономерностей, выявление в них общего “смысла”, “цели”, “назначения”» [Зайцева 2005: 11].

А.М. Лобин в докторской диссертации «Концепции истории и формы их художественной репрезентации в русской литературе начала XXI века» (2018) обращается к историософии как концепции истории, формируемой в художественном историческом сознании автора. Автор определяет

историософию как целостную систему, в которой есть модель мира и целостная версия истории: «В историософской концепции движущей силой исторического процесса является человек, мотивируемый внутренними прозрениями, откровениями свыше и т.д.» [Лобин 2018: 61]. Лобин определяет в ходе анализа художественных репрезентаций авторских концепций истории четыре формы: художественно-историческую (романы «Князь Святослав» Б. Васильева, «Сердце Пармы» А. Иванова, «Вечера с Петром Великим» Д. Гранина), историософскую (вслед за Т.Н. Бреевой и Т.Е. Сорокиной относит романы «Кысь» Т. Толстой, «Репетиции» В. Шарова, «Укус ангела» П. Крусанова), антиутопическую («День опричника» В. Сорокина, «Маскавская Мекка» А. Волоса, «S.N.U.F.F.» В. Пелевина), историко-беллетристическую (Б. Акунина, В. Рыбакова, «Мы из будущего» В. Швецова).

Прежде чем перейти к выявлению особенностей жанра историософского романа, необходимо обозначить различия между историософским романом и романом историческим, активно развивающимся с XIX века в русской литературе.

Исследовательница исторического романа рубежа XX – XXI веков Т.Е. Сорокина сопоставляя исторический роман и историософский текст, приходит к выводу о четырех важных принципах, которые различают эти типы текстов [Сорокина 2011: 43-44]. Для большей наглядности приведем сопоставление Т.Е. Сорокиной в виде таблицы ниже.

<i>Исторический роман</i>	<i>Историософский текст</i>
Требует правдивого изображения реально происшедших событий, зафиксированных народной памятью	Литературная свобода по отношению к факту, независимость от того, что исторический роман считает «правдой»
Необходимость биографизма как естественной формы следования за состоявшейся судьбой человека, ставшего героем исторического романа	Трансформация исторических имен и судеб, игровые технологии, позволяющие автору обращаться к логике судьбы человека, «не замечая» исторически достоверных деталей

Обязательное обращение автора к документам, позволяющим реконструировать реальность прошлого	Независимость от источников, возможность литературной работы с мифом об истории
Исторический роман остается относительно устойчивым эпическим жанром	Художественная историософия вне исторического романа оформляется в разных жанровых формах

Т.Е. Сорокина в диссертации «Художественная историософия современного русского романа» (2011) исследует романы, в которых «историософия – значимый уровень сюжета и речевого пространства, без анализа которых невозможно адекватное прочтение произведения» [Сорокина 2011: 28]. К таким текстам относятся и произведения Владимира Шарова. Т.Е. Сорокина выделяет свойства историософского романа: 1. Фабула, включающая узнаваемые события прошлого и настоящего; 2. Присутствие героя, которого интересуют сверхличностные проблемы, относящиеся к становлению социума и этноса; 3. Речевая сфера произведения представляет собой монологи и диалоги персонажей, актуализирующие концепты «судьбы России», «смысл национальной истории», «типология разных периодов национальной истории, их сближение на основе сохраняющихся архетипов»; 4. Особая активность автора, который в контексте общения с потенциальным читателем начинает ставить перед собой и дидактические задачи [Сорокина 2011: 30].

Одним из значимых исследований в вопросе воплощения историософских концепций в современной литературе и в творчестве Владимира Шарова является докторская диссертация Т.Н. Бреевой «Концептуализация национального в русском историософском романе ситуации рубежности» (2011). Изучение специфики концептуализации национального в русском историософском романе XX века ситуации рубежности показало, что историософский роман в конце XX – начале XXI веков стал одним из центральных способов отражения национального самопознания. Т.Н. Бреева

считает, что специфика историософского романа характеризуется соотношением интеллектуальной, исторической и романной составляющих [Бреева 2011: 52].

Обозначим характер каждой составляющей историософского романа рубежа XX – XXI веков.

1. Интеллектуализация отражается идеологичностью историософского романа и выражается особой авторской позицией. «Историософский роман характеризуется абсолютизацией позиции автора-идеолога» [Бреева 2011: 54].

Выражается в следующих чертах:

- Игра с повествовательными (А. Белый «Петербург», А. Аксенов «Вольтерьянцы и вольтерьянки») и жанровыми стратегиями (Т. Толстая «Кысь», В. Аксенов «Остров Крым»);

- Концептуализация авторской историософии, выражающейся в трансляции уже сложившихся концепций и их продуцировании. «Индивидуально-историософская концепция, составляющая содержательную доминанту историософского романа, формируется в контексте философско-религиозных поисков в начале XXв. и в романах философско-цивилизационных изысканий конца XX – начала XXI веков» [Бреева 2011: 56]. Реализуется эксплицитно: на уровне заглавия (В. Шаров «Будьте как дети»), на уровне сюжета (Т. Толстая «Кысь»), на уровне номинаций (Хольм ван Зайчик «Евразийская симфония»), на уровне эмблематики (П. Курсанов «Укус ангела») и т.д. [Бреева 2011: 57]. А также выражается имплицитно (В. Аксенов «Остров Крым», В. Рыбаков «Гравилет “Цесаревич”») [Бреева 2011: 57].

2. Историческая и романная составляющая позволяют дифференцировать историософский и исторический роман.

История в историософском романе воспринимается как жанровая стратегия и предполагает «свободное манипулирование не только фактами истории, но и историческими концепциями» [Бреева 2011: 65]. История утрачивает самостоятельную ценность и становится формой репрезентации национального мифа, таким образом происходит процесс десемантизации

истории, это происходит вследствие нарративизации истории. «Текст истории начинает складываться из “кода истории” и “мифа истории”» [Бреева 2011: 66].

«Исторический код» понимается как «мифологизированное осмысление линейной концепции истории, демонстрирующее её фикциональный характер» [Бреева 2011: 66]. Репрезентируется посредством дискурса истории, позволяющим «демонстрировать фикциональность теологии истории. Дискурс истории подвергается карнавализации, формируя палимпсест истории» [Бреева 2011: 71].

«Миф истории» выводит на «гиперисторический уровень, который, не являясь простой экстраполяцией исторического кода, обуславливает проективный характер данного мифа. Гиперисторический уровень моделируется либо национальным мифом в абсолютном большинстве произведений, либо гораздо реже культурным мифом» [Бреева 2011: 66]. «Миф истории утрачивает характер сакральности и абсолютности» [Бреева 2011: 74].

В историософском романе в рамках национального нарратива моделируется и репрезентируется национальный миф. «Нарративизации подвергаются доминантные национальные концепции, широко тиражируемые философским, политическим и другими дискурсами. Можно говорить о существовании трех основных вариантов – цивилизационного, мессианского и культурного нарративов» [Бреева 2011: 76].

Т.Н. Бреева выделяет сюжеты, которые реализуются в историософском романе: эсхатологический и апокалиптический сюжеты. Эсхатологический миф в романе позволяет авторам «решать проблему выбранной/ложной идентичности России», а апокалиптический миф воплощает в себе «подлинную символическую сущность России» [Бреева 2011: 69].

К числу историософских романов Т.Н. Бреева относит и фикциональные тексты В. Шарова. В романах В. Шарова Бреева ставит акцент на мессианском нарративе. В первую очередь прослеживается тип мессианского сознания, а не мессианского предназначения в целом, мессианское сознание становится в

конце XX века признаком «русскости» [Бреева 2011: 337]. Т.Н. Бреева анализирует реализацию мессианского нарратива в романах «Репетиции» и «Будьте как дети» В. Шарова. Основная составляющая мессианского нарратива у Шарова, по мнению исследовательницы, – эсхатологическая направленность.

Автор диссертации о В. Шарове А.И. Пантюхина в основе модели историософской концепции Шарова видит метафизику родовой памяти как основу национального сознания. В диссертации «Художественные версии национальной истории в романах о современности (Ф. Горенштейн, В. Шаров, М. Шишкин)» (2020) ею было проведено исследование репрезентации метафизических моделей истории в художественных текстах авторов рубежей XX – XXI веков. Были изучены романы В. Шарова первой половины творческого периода автора («След в след» (1991) и «Воскрешение Лазаря» (2003)) и определены черты метафизики русской истории: «от текстовой метафизики родовой памяти как модели национальной истории до мифологической (метафизической) основы национального сознания, объясняющей антиномичность метафизической исторической модели, – богоборчество и мученичество» [Пантюхина 2020: 14].

Структурные составляющие авторской историософской концепции, выраженной в художественных текстах, становятся предметом изучения в работах Т.Е. Сорокиной (2009 и 2011), Т.В. Рыжикова (2006), С. Emerson (2020), И.В. Ащеуловой (2015). Прежде всего исследователи выявляют идеи и свойства российского сознания, которые становятся предметом рефлексии В. Шарова – в центре находится эсхатологическая идея. Мессианскую идею вслед за Т.Н. Бреевой выявляют в прозе Шарова М.В. Ларина (2021), А.И. Пантюхина (2016), Т.Е. Сорокина (2013).

В рамках историософской концепции Шаровым обобщаются существующие в национальном сознании мифы, создаются авторские мифы о национальной истории. Они воссоздаются аналитически в публицистике, а художественно – в фикциональных текстах автора.

А. Габриэловой (2015) и М.В. Кирчановым (2020) выделена и ещё одна важная черта концепции истории Владимира Шарова – представление о цикличности русской истории. Русская история находится в постоянном движении, но каждый раз возвращается к началу, пусть и в другой форме (тюрьмы и лагеря в советский период, повторяющиеся революции и т.д. выступают альтернативой постоянного ожидания прихода Спасителя, а раскулачивание, аресты становятся альтернативой заселения Земли Обетованной святыми мучениками).

Особое внимание к проблеме историософии Шарова очевидно в упомянутом нами сборнике статей и материалов «Владимир Шаров: По ту сторону истории» (под ред. М. Липовецкого, А. де ля Фортель) (2020). У Шарова свой собственный взгляд на историю. Он писал: «все мои романы так или иначе о столкновении этой, условно светской жизни и логики, с логикой, целиком и полностью обращенной к Богу. Но в этой борьбе ненадолго объединяются люди, совсем по-разному понимающие суть происходящих событий. Как бы ни велика была их роль, большинство позже так и уйдут в небытие, ничего или почти ничего после себя не оставив. И вот я стараюсь по возможности вернуть им место в истории, понять и восстановить их представления о жизни, о мире, в котором они жили, их понимание добра и зла» [Липовецкий 2008].

М. Липовецким, М. Эпштейном, А. Эткиндо¹ рассмотрены следующие составляющие историософской концепции автора: русские – избранный Богом народ, Россия – святая земля; Революция – человеческая попытка приблизить Второе Пришествие; террор и насилие – это способ Спасения, очищения от греха.

Не менее значимы для понимания историософии Владимира Шарова и его публицистические работы. В работе «Авторская историософия в эссеистике В. Шарова» (2015) И.В. Ащеулова обнаруживает значимость

¹ Включен в реестр иностранных агентов в соответствии с Федеральным законом от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием».

публицистических работ для понимания историософской концепции Шарова, обозначает элементы историософии Шарова: идею, цель и смысл исторического процесса, движущие силы истории, вектор движения, роль человека в истории. «В историософии Шарова фиксируется сложность и многомерность русской истории, её заикленность на утопических мессианских идеях, ведущую к внутреннему расколу, в котором, потеряв единство и надежду, народ оказывается в замкнутом трагическом круге» [Ащеулова 2015].

Исследователи обращаются к проблеме зависимости жанровой природы романов Шарова от его историософской концепции. И.В. Ащеулова обозначает романы как постмодернистский псевдоисторический роман, в котором проявляются яркие черты национального характера (2012), или постмодернистскую историческую прозу, формирующую варианты русской истории (2013). Е.А. Добренко определяет романы Шарова как пост-классические романы, в которых создается параллельная реальность (2020). О.А. Аксеновой романы Шарова были отнесены к историографической метапрозе, в которой смешивается миф и история и достигается абсолютная неразделимость вымысла и факта, домысла и реальных черт прототипа (2007).

То есть **степень изученности** центрального для мировоззрения Шарова вопроса о его философии истории довольно высока, существует множество работ о концепции истории у Шарова. Но мы считаем необходимым изучить *истоки формирования* этой концепции. На необходимость такого изучения, в частности, указала А. Габриэлова: «историософия начала формироваться в ходе его [Шарова] занятий русской историей XVI – XVII веков» [Габриэлова 2020: 331]. И А. Эткинд² также отмечает значение научного опыта Шарова для его творчества: «Поняв прошлое, которое “не на поверхности”, историк, ставший писателем, сможет внести вклад в просвещение настоящего, а иногда – и в прорицание будущего» [Эткинд³ 2020: 164].

² Включен в реестр иностранных агентов в соответствии с Федеральным законом от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием».

³ Указанный материал произведен иностранным агентом А.Н. Эткиндром.

Кроме того, мы полагаем необходимым обратить пристальное внимание на связь научных концепций Шарова с его идеями, сформулированными в публицистике, и уже с этим знанием подойти к интерпретации его романов.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые вводится в научный оборот диссертационное исследование В. Шарова. Впервые выстраивается последовательность формирования историсофской концепции автора в научных, эссеистических и художественных работах писателя. Определена модель национальной идентичности в авторском осмыслении, основанная на совмещении тематических дискурсов национального сознания и культуры (о роли русской литературы, о цикличности русской истории, о значении раскола в ней, о природе русских революций и др.), которые претворяются в авторский романский дискурс.

Цель диссертационной работы – определить содержание историсофской концепции Владимира Шарова, проследить ее в разных авторских дискурсах – научном, эссеистическом, художественном; определить нарративные стратегии романов писателя (в особенности – романа «Возвращение в Египет»).

Для достижения обозначенной цели в работе решаются следующие **задачи**:

- Выявить истоки идей писателя, проследить процесс формирования его историсофской концепции через исследование его работ как историка. Для этого рассмотрены научные статьи и кандидатская диссертация автора.
- Охарактеризовать историсофские и метаисторисофские концепции Шарова, сформулированные в его эссеистике, – «Психология русской истории» (1990), «Опричнина» (1991), «Это я: я прожил жизнь» (2000), «Между двух революций» (2005), «Октябрь семнадцатого и конец истории» (2018) и др.
- Исследовать формы реализации историсофской концепции В. Шарова в художественных текстах.

В качестве **объекта** исследования в настоящей работе выступают научные, эссеистические и художественные тексты Владимира Шарова.

Предметом изучения стала историософская концепция, формируемая Владимиром Шаровым в научных, эссеистических и художественных текстах под влиянием важных для писателя философских концепций (Н. Федорова, Н. Бердяева, Н. Гоголя и др.).

Материалы исследования – все романы В. Шарова в качестве общего контекста. Для анализа историософской концепции писателя проанализированы романы, в которых наиболее целостно выражены историософские идеи писателя: это «Репетиции» (1992), «До и во время» (1993), «Воскрешение Лазаря» (2002), «Будьте как дети» (2002), «Царство Агамемнона» (2018). Наиболее подробно – текстуально – исследуется поэтика романа «Возвращение в Египет». В этом романе воплощены все составляющие историософской концепции писателя. Важными материалами для исследования стали кандидатская диссертация автора «Проблемы социальной и политической истории России второй половины XVI — начала XVII веков в трудах С.Ф. Платонова» (1984), сборники эссе В. Шарова «Искушение революцией (русская верховная власть)» (2009) и «Перекрестное опыление (время, место, люди)» (2018).

Для понимания историософской концепции Шарова необходимы были работы русских религиозных философов, на которые, по нашим наблюдениям, опирался писатель, – В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова, Н.А. Бердяева.

Теоретической основой исследования являются работы М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Р. Барта, в которых разработаны философско-методологические принципы исследования художественного текста, работы В. Шмида, П. Рикёра, Х. Уайта, раскрывающие основы нарратологического подхода в исследовании художественных текстов. Исследования А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского, О.М. Фрейденберг, Н.А. Бердяева необходимы для истолкования понятия мифа в истории и художественных текстах.

В работе мы опирались на теоретические положения работ Н.В. Зайцевой («Историософия как метафизика истории: опыт эпистемиологической рефлексии» (2005)), Т.Е. Сорокиной («Художественная историософия

современного русского романа» (2011)), Т.Н. Бреевой («Концептуализация национального в русском историософском романе ситуации рубежности» (2011)).

Методология исследования складывается из нескольких подходов: это историко-культурный, биографический методы – в анализе ранних научных работ Шарова, структурно-семиотический и нарратологический – в анализе текстов писателя. В ходе нарратологического анализа художественных текстов с опорой на работы П. Рикера, В. Шмида, В.И. Тюпы, Г.А. Жиличевой, О.А. Гримовой и др. изучается статус автора в романе, характер нарраторов и нарративной организации текста, определяются сюжетно- и смыслообразующие повествовательные интриги и инструменты их организации в романном тексте.

В анализе текстов мы опираемся на труды о теории романа М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, на работы о поэтике постмодернистских текстов М.Н. Эпштейна, М.Н. Липовецкого.

Теоретическое значение работы связано с научной новизной исследования, в котором прослеживаются этапы формирования концепции истории Владимира Шарова. На примере творчества Шарова в работе определены особенности формирования историософских концепций в современной русской литературе XXI века. Представлена модель историософского романа В. Шарова, применимая для анализа романов его современников.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования её материалов в дальнейшем изучении творчества В. Шарова, в изучении философии истории в художественных текстах, а также возможности использования результатов исследования в преподавании истории современной русской литературы конца XX – начала XXI веков в соответствующих учебных пособиях.

Основные положения, выносимые на защиту

1. В основе творчества Владимира Шарова лежит авторская историософия, система представлений об истории и ментальности России, определяющая проблематику и поэтику его художественного и

научного творчества. Основные концепты историософии по Шарову – циклическая повторяемость событий в истории России, маркированная «смутами» – революциями, которые, в свою очередь, детерминированы расколом, начавшимся в XVII в и прошедшим через всю последующую историю России. Религиозный характер русской культуры определил ее основные культурные мифы – эсхатологический и мессианский.

2. Историософские представления Шарова изначально выросли из опыта его научных исследований: кандидатская диссертация о взглядах историка С.Ф. Платонова (1860–1933) на проблемы социальной и политической истории России эпохи Ивана Грозного задала основные темы будущих книг писателя и акцентировала внимание к частному документу. В эссеистике Шарова эти темы получили глубокое субъективно авторское осмысление, были вписаны в обширный контекст национальной истории и литературы. В прозе писателя историософская проблематика воплотилась в поэтике вторичной мифологизации, фантастических допущений, метафорических обобщений.

3. Историософия Шарова в его фикциональных произведениях, как показал анализ, опирается на множество философских, исторических, литературных источников. Писатель использует концепции русских религиозных философов – Н. Бердяева, В. Соловьева, Н. Федорова (последний даже становится героем романов) – поэтому романы Шарова можно назвать метаисториософскими, основанными на других историософских системах.

4. Историософская проблематика романов В. Шарова предопределила сложную организацию романов писателя: в них репрезентируются крупные национально-исторические дискурсы русской культуры (в романе «Возвращение в Египет» это библейский, исторический, литературный дискурсы), переосмысленные в авторском метанарративе.

5. Повествовательная организация метаисториософского романа Шарова строится как иерархия разного рода нарраторов, документов и квазидокументов, вступающих в сложные смысловые отношения друг с другом. Читательский интерес поддерживается нарративной интригой: писатель чаще всего использует преимущественно энигматическую интригу тайны и откровения.

6. Повествовательная модель романов В. Шарова уникальна, но в некоторых аспектах миропонимание и взгляды писателя соотносятся с моделями других современных авторов – М. Шишкина, В. Сорокина, Ю. Буйды, Е. Водолазкина и др.

Структура исследования определена его целями и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка. Первая глава посвящена анализу этапов формирования историософской концепции В. Шарова в научном, эссеистическом и фикциональном (романном) дискурсах. Во второй главе представлены результаты изучения взаимодействия В. Шарова с идеями русской религиозной философии. В третьей главе представлен результат исследования романа «Возвращение в Египет» как романной модели. В Заключении сформулированы основные выводы, описан литературный контекст творчества В. Шарова.

Апробация работы. Основные положения работы изложены в докладах на 10 конференциях различного уровня: Межрегиональная конференция молодых ученых «Молодая филология – 2017. Язык и литература: актуальные исследования» (Пермь, ПГГПУ, 2017), Межрегиональная конференция молодых ученых «Молодая филология – 2018. Человек, культура, социум» (Пермь, ПГГПУ, 2018), Межрегиональная конференция молодых ученых «Молодая филология – 2019: Лингвистика, литературоведение, методика преподавания филологических дисциплин» (Пермь, ПГГПУ, 2019), Межрегиональная конференция молодых ученых: «Молодая филология – 2021: лингвистика, литературоведение, методика преподавания филологических дисциплин» (Пермь, ПГГПУ, 2021), Межрегиональная конференция молодых

ученых «Молодая филология – 2023: лингвистика, литературоведение, методика преподавания филологических дисциплин» (Пермь, ПГГПУ, 2023), Международный научный форум «Обучение и воспитание: опыт, традиции и трансформации» конференция «Филология в пространстве гуманитарно-педагогических исследований: традиции и перспективы» (Пермь, ПГГПУ, 2021), XIII Всероссийская научно-методическая конференция с международным участием «Литература в контексте современности» (Челябинск, 2021), XII Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) (Пермь, ПГИК, 2022), Международная научная конференция «Русская литература в меняющемся мире 2023» (Армения, Российско-Армянский университет Институт гуманитарных наук, 2023), VII Международная научная конференция молодых ученых «Пространство и время в русской литературе и философии: К 225-летию А.С. Пушкина и 150-летию Н.А. Бердяева» (Москва, ИМЛИ РАН, 2024).

По теме исследования опубликовано 10 работ, 3 из них – в изданиях, рекомендованных ВАК.

Глава 1. Формирование историософских взглядов Владимира Шарова.

1.1. Начало пути: научные исследования

В формировании художественной концепции Владимира Шарова большое значение имеет то обстоятельство, что Шаров – профессиональный историк. Еще не будучи писателем, Шаров окончил исторический факультет Воронежского университета, в это время Шаров писал стихи и даже публиковал несколько сказок (в сборнике «Сказки без подсказки» в 1981г. опубликованы «Истории со Щеном»), после окончил аспирантуру в Московском государственном историко-архивном институте, написал кандидатскую диссертацию «Проблемы социальной и политической истории России второй половины XVI — начала XVII веков в трудах С.Ф. Платонова» в 1984 году. Писатель говорил о себе: «По образованию я историк, много лет занимался русской медиевистикой – опричниной и Смутным временем, то есть второй половиной XVI – началом XVII века» [Березин 2020: 142].

О роли профессионального знания в художественных текстах Шарова писали некоторые исследователи его творчества. «Сложная, многоступенчатая форма его нарративов воссоздаёт философский поиск истины, работу историка, собирающего свидетельства и постепенно, шаг за шагом достигающего понимания», – анализирует способ работы писателя с материалом М. Липовецкий [Липовецкий 2020: 177].

А. Эткинд⁴ в статье «Владимир Шаров как историк» сопоставляет художественные тексты автора с его научными взглядами. Простое и важное наблюдение исследователя о том, что большинство рассказчиков у Шарова – историки, подчеркивает характер нарратора в романах Шарова и общую направленность его историографического нарратива. Заметим, что на деле этот нарратив оказывается, как правило, квазиисторическим, поскольку в романах Шарова всегда сосуществует множество нарраторов, часть из которых можно

⁴ Включен в реестр иностранных агентов в соответствии с Федеральным законом от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием».

считать, скорее, ненадежными. А. Эткинд⁵ исследовал также истоки интереса Шарова к истории: влияние учителя историка Александра Немировского, судьбы семьи Шарова, попавшей в жернова сталинского террора, опыта отца писателя, прошедшего лагерь. Исследователь отмечает и роль академических занятий писателя историей: «В замысловатых сюжетах Шарова переплетаются несколько повторяющихся линий, которые, будто в кандидатской диссертации по истории, соединяют источники, метод, предмет и содержание» [Эткинд⁶ 2020: 170]. Это замечание много говорит о близости научного и художественного методов Владимира Шарова.

Исследователь Александр Дмитриев тоже рассматривает занятия Шарова историографией С.Ф. Платонова как фактор, формирующий взгляды писателя. Автор статьи отмечает, что одной из самых главных идей, влияющих на творчество Шарова, была концепция понимания истории России, впервые сформулированная именно С.Ф. Платоновым. Платонов одним из первых построил Смуту в логику истории России и показал, что этот период не был привязан к Ивану Грозному, а случился бы и при другом правителе. Кроме того, Платонов утверждал, что Смута повлияла на весь ход последующей истории страны. [Дмитриев 2020: 201]

В настоящей главе диссертация Шарова становится предметом нашего исследования.

В 1984 году Владимир Шаров защитил диссертацию «Проблемы социальной и политической истории России второй половины XVI – начала XVII вв. в трудах С.Ф. Платонова» под руководством доктора исторических наук (с 1989), советского историка, специалиста по истории исторической науки В.А. Муравьева. Выбор темы, при всей академичности, был отчасти новаторским. А. Дмитриев отметил, что в 1980-е годы имя Платонова, не обласканного советской властью, было почти забыто: «Обращение к Платонову было выбором нетривиальным и отчасти рискованным. Хотя

⁵ Включен в реестр иностранных агентов в соответствии с Федеральным законом от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием».

⁶ Указанный материал произведен иностранным агентом А.Н. Эткингом.

главную книгу опального академика о Смутном времени переиздали в 1937 году(!), сам историк оставался для советских историографов авторитетом весьма сомнительным» [Дмитриев 2020: 201].

Диссертация Владимира Шарова историографического характера. Она посвящена анализу работ Сергея Федоровича Платонова. С.Ф. Платонов (1860–1933) – профессор, член Академии наук, директор Археологического института, глава Петроградского отделения Главархива (1918–1923). Главным научным интересом С.Ф. Платонова был период Смутного времени в России. В 1890г. он был награжден Уваровской премией за работу «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник» (1888). Главным научным интересом С.Ф. Платонова был период Смутного времени в России. Основные труды С.Ф. Платонова – уже названная кандидатская диссертация «Древнерусские сказания...» (1888), «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв.» (докторская диссертация, 1899), «Лекции по русской истории» (1917), «Иван Грозный» (1923), «Москва и Запад в XVI-XVII вв.» (1925). [Баринов, Ростовцев]. Известный российский ученый С.О. Шмидт отмечал влияние работ С.Ф. Платонова на исследования современных историков: «докторская диссертация Платонова и по сей день остается первоосновой знаний о России второй половины XVI – начала XVII вв.» [Шмидт 2000: 109].

Наиболее значимым для В. Шарова оказался сам факт обращения к истории Смутного времени. В воспоминаниях, опубликованных в сборнике «Перекрестное опыление» (2018), писатель признавался, что интерес к Опричнине и Смутному времени у него возник именно в период работы над диссертацией и в дальнейшем она наложила отпечаток на все его творчество: «Двенадцать лет Смуты, когда все, от первого до последнего, бесчисленное число раз продавали, предавали друг друга, прошли по русской истории огнем и мечом, и я понимал, что страна, которая вышла из Смуты, была совсем не той, что в нее вошла» [Шаров 2018m: 43] Жена Шарова, филолог Ольга Дунаевская, в воспоминаниях подтверждает, что именно аспирантура

повлияла на дальнейшие интересы Шарова, которая, по ее мнению, дала «новаторскую теорию причины Ивана Грозного, основной массив исторических идей, саму возможность сосредоточиться на прозе и романы “След в след” и “Репетиции”» [Дунаевская 2020: 10].

Об отдельных аспектах диссертационного исследования В. Шаров писал и в научных статьях в Институте научной информации по общественным наукам: «С.Ф. Платонов (1860-1933). Обзор фонда» (1984), «К вопросу об исторических взглядах С.Ф. Платонова (на материале пяти монографий С.Ф. Платонова, опубликованных в послереволюционный период)» (1984), «К вопросу об общем подходе дореволюционной историографии к правлению Ивана Грозного» (1985). Эти статьи отражают положения диссертации.

Шаров, судя по тексту диссертации, исследовал большой объем архивных материалов: это воспоминания С.Ф. Платонова (журнал «Дела и дни» 1921), автобиография историка (журнал «Огонёк» 1927), фонд писем С.Ф. Платонова (24000 писем, 300 из которых были от него, а не от корреспондентов), монографические работы автора, статьи, учебники, курсы лекций, доклады и тексты выступлений, рецензии, отзывы и др. [Шаров 1984].

Но важнее всего те источники, к которым обращается Шаров вслед за Платоновым. Базой источников С.Ф. Платонова были литературные памятники XVI – XVII вв. В их число вошло около 112 текстов из архивных материалов (например, «Иное сказание» состоит из «Повести о времени Бориса Годунова и первого самозванца», «Собрания правительственных грамот о свержении самозванца и воцарении Шуйского», «Повествование о движениях во первое время царствования Шуйского, преимущественно же о движении Болотникова», «Повесть о видении, бывшем в Успенском соборе в Москве в 1606 году» и др.). Платонов разделил источники на 3 группы по времени создания: литературные произведения великорусской письменности XVIIв., посвященные изображению и обсуждению событий Смутного времени; написанные в период Смутного времени; созданные сразу после Смутного времени, и произведения периода правления Михаила Федоровича Романова.

«Историку древнерусские сказания о смуте могут служить или своею фактической стороною, или теми взглядами на события, какие в них высказаны», – писал Платонов [Платонов 1888: 343].

Нам представляется, что Шаров усвоил сам **подход** Платонова (нетривиальный для того времени) **к изучению исторических событий**. Этот подход состоял в тщательном сборе и анализе не только исторических документов, но и литературных произведений.

Еще один важный момент – внимание Шарова к эпистолярно изучаемого ученого. В процессе исследования биографии и мировоззрения С.Ф. Платонова Шаров обращается к архиву переписки историка. Большинство писем из архива представляют собой деловую переписку и являются письмами Платонову, а не от него. Но именно из характера этих писем исследователь восстанавливает облик ученого, как его видели современники: «Для воссоздания личности С.Ф. Платонова более важны не его собственные письма, а письма его корреспондентов. Характер обращения корреспондентов к Платонову, характер просьб, общий тон писем, объем переписки, посвященный решению конкретного вопроса, позволяют достаточно четко уловить то, как воспринимали Платонова его современники» [Шаров 1984: 49].

Усвоенный в процессе научной работы подход к изучению исторических событий через призму взглядов современников, внимание к переписке и жанрам научного исследования продолжили влиять и на последующее творчество Владимира Шарова. Все романы Шарова представляют собой подчеркнута нарративные конструкции с обозначением нарраторов.

В романе «Будьте как дети» (2008) основной нарратор Дмитрий (он страдает эпилепсией и повествование о своей жизни начинается в сумасшедшем доме), далее читателю представлена диссертация другого героя – профессора Фарабина, затем следует биография Владимира Ленина, в роман включены дневники Н.К. Крупской, переписка В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. Кроме того, в роман включены небольшие нарративы – рассказ поэта-песенника Сергея о

проповеднике Е.Х. Перегудове (проповедовал энциан христианство) и записи лекций о жизни В.И. Ленина учителя истории Ищенко. Часто мы видим в произведениях Шарова следы интереса к тем фигурам истории, которые интересовали С.Ф. Платонова. Например, патриарх Никон интересует как С.Ф. Платонова, так и Владимира Шарова – в романе «Репетиции» он становится одним из главных героев.

Однако самое важное, что получил Шаров-писатель от Шарова-историка, - это то, что изучение Смутного времени дало Шарову универсальную метафору, которая легла в основу его понимания русской истории. Уже в диссертации тридцатидвухлетний Шаров характеризует эпоху Смуты как ключевую в истории России: «Эта эпоха была переломной в истории феодальной России. Это время – узел русской истории» [Шаров 1984: 9]. «Смутное время» в понимании Шарова как бы сжато, ретроспективно повторило всю историю России: разрушение государственного порядка, иноземное иго, восстановление государственного порядка [Шаров 1984: 10].

Примечательно, что само **понятие «узел истории»** встречается у С.Ф. Платонова в работе «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени»: «Мне представляется, что это время (“смутное время”) является историческим узлом, связывающем старую Русь с новой Россией. Естественно казалось взяться прежде всего за этот узел и потом, держась за путеводные нити, расходящиеся из этого узла, или восходить к древнейшей эпохе, или спускаться в новые времена» [Платонов 1888: 17]. До С.Ф. Платонова исследователи Смутного времени определяли этот период только как последствия власти Ивана Грозного. С.Ф. Платонову удалось встроить Смутное время в историю страны и отделить Смуту от исторических личностей (И. Грозного, Б. Годунова, М. Болотникова и др.). Платонов анализирует особенности борьбы за власть: «Знакомясь с причинами Смуты, мы назвали её последним выражением того двустороннего кризиса, который переживало Московское государство в XVI веке. Политическая сторона этого кризиса имела вид борьбы между верховною властью и родовой

аристократией. Борьба привела ещё до Смуты к полному разгрому княжеского боярства и к образованию дворцовой знати. В первом периоде Смуты новая дворцовая знать сама истощила свои силы в борьбе за престол и стала жертвою внутреннего междоусобия и т.д. Другая сторона кризиса XVI века представляла собой очень сложный процесс борьбы за землю и рабочие руки» [Платонов 1901: 432].

Детальный анализ социально-экономической и политической ситуации в стране позволил С.Ф. Платонову обнаружить цели, которые преследовало каждое сословие в «смуте» в России. Также С.Ф. Платонов показывает, как повлияли события «смуты» на дальнейшее правление династии Романовых: «В Смуте уничтожилось старое боярство и было поражено казачество. Верх и низ московского общества проиграли игру, а выиграла её средние общественные слои... Произошла, словом, смена господствующего класса, и исчезли последние остатки старого социального режима... В этом факте истории находит свое объяснение внутренняя политика новой династии в первое время после Смуты» [Платонов 1901: 433]. В «Лекциях об истории России» Сергей Федорович определяет всю политику Руси XVII века, как последствия Смутного времени, тем самым не отделяет Смуту от общей истории страны: «Знакомясь с внутренней историей Руси в XVII в., мы каждую крупную реформу XVII века должны будем возводить к смуте, обуславливать ею. Не рискуя много ошибиться, можно сказать, что смута обусловила почти всю нашу историю в XVII веке» [Платонов 1993: 317].

Собственно, задачу поиска «путеводных нитей» выполнил и Шаров, но уже в эссеистике и романах. В диссертации же он, вслед за С.Ф. Платоновым, связывает события Смутного времени и недавнее прошлое: «События “смутного времени” были чрезвычайно актуальны для рубежа XIX-XX вв. Назревающая в России революция рассматривалась многими буржуазными историками как “смутное время”. “Смута” понималась как политический и социальный катаклизм» [Шаров 1984: 10].

Первая работа, «Опричнина», написанная Шаровым ещё в процессе научной деятельности, но не вошедшая в текст диссертации, посвящена опричнине Ивана Грозного и впервые была опубликована в журнале «Родина» в 1991г. (позже вошла в сборник эссе «Искушение революцией» под названием «Опричнина Ивана Грозного: что это такое?»). Шаров, вслед за С.Ф. Платоновым, приводит доказательства того, что и опричнина не просто была исторически обусловлена (ослаблением в военных кампаниях, большим влиянием бояр в стране), но имела исторически-религиозное обоснование: «Введение – начиная с Ивана IV – в церемониал поставления на царство наряду с коронацией миропомазания уподобляет царя Христу»[Шаров 1991а: 23].

Здесь Шаров впервые обращается к **ветхозаветному образу Святой земли**, в контексте истории России показывает, что организация жизни в Александровской слободе стала подобием создания рукотворной Святой Земли в России. «Религиозные ордена должны были показаться Грозному прекрасным решением всех стоящих перед ним проблем, идеальным способом организации военного сословия новой Святой земли – России. Воинство, в свое время созданное исключительно для защиты и распространения истинной веры, было именно тем, в чем нуждалась Россия» [Шаров 1991а: 24].

Первая статья становится переходной для писателя, она оказывается на грани между научным и эссеистическим жанром. В «Опричнине» Шаров впервые дополняет обоснование опричнины её **религиозным характером**: «Грозный пытается придать своим отношениям с поданными строго религиозный облик, воспринимая свою власть, как и власть Бога, неподсудной и не нуждающейся в защите и обосновании. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским свидетельствует о “вымывании” светской составляющей верховной власти. Иван IV склонен трактовать измену Курбского не как измену вассала сюзерену, а как измену Богу и вере» [Шаров 1991а: 23]. Отметим, что у В. Шарова есть отдельная работа, посвященная анализу переписки И. Грозного с А. Курбским, она была опубликована в сборнике эссе

«Перекрестное опыление» (2018). Обращение же к этой переписке не было напрямую связано с диссертационным исследованием, а стало уже отдельным интересом Шарова после защиты кандидатской диссертации.

Трактовка эпохи Грозного Шаровым, на наш взгляд, основывались в том числе на выводах, сделанных С.Ф. Платоновом об опричнине. Платонов писал: «Грозный грозил оставить совсем свое царство из-за боярской измены и остался во власти, по усердному молению москвичей, только под условием, что ему не будут перечить на изменников “опала своя класти, а иных казнити, и животы их и статки (имущество) имати, а учинити ему на своем государстве себе опричнину: двор ему себе и на весь свой обиход учинити особой”. Таким образом, борьба с “изменою” была целью; опричнина же являлась средством» [Платонов 1923: 121].

В. Шаров отмечает не только религиозный характер организации опричнины, но и особенность государственного устройства жизни опричнины: «Во все время существования опричнины для Грозного было характерно стремление к очень резкому разделению опричнины и “обычного” мира. Это проявлялось не только в дублировании большинства приказов и служб, отдельно и самостоятельно управляющих опричниной и земщиной, но, главное, в четко различимых и последовательных попытках Грозного изъять всю опричнину из общего порядка вещей» [Шаров 1991а: 24].

С.Ф. Платонов о форме реализации опричнины высказывается мало, скорее вскользь, его больше интересует состояние всей страны в этот период, а не отдельно Александровской слободы, где находился в это время царь и его Опричники: «Для содержания нового двора царь с самого начала отобрал некоторое число дворцовых сел и волостей, приписал к новому двору некоторые улицы и слободы в самой Москве, взял “в опричнину” более десятка городов с их уездами и перевел из государственных касс в свое ведение доходы с волостей и городов, выбрав для того крупные и доходные торговые центры. Первоначальное ведомство нового “особного двора”,

образованное в 1565 году, непрерывно росло до самого конца царствования Грозного» [Платонов 1923: 128].

Подход, выработанный В. Шаровым на основе работ С.Ф. Платонова, к пониманию целостности русской истории, обнаружению предпосылок появления «опричнины» и «смутного» времени в России, лег в основу дальнейшего выявления писателем логики произошедших революций в России XX века. В публицистических работах Шаров формулирует обнаруженные социальные и политические предпосылки происходящих событий в истории России XX века. Отдельные публицистические работы («Между двух революций» (2005), «Столица и провинция: два пути понимания жизни» (2000), «Верховые революции» (1990), «Октябрь семнадцатого года и конец истории» (2018)) и сборники статей Шарова основаны на подходе С.Ф. Платонова к изучению исторических явлений. Для воплощения представлений о целостности русской истории писатель обращается к документам (дневникам, корреспонденции, текстам допросов, архивным делам), в фикциональных текстах автор их преобразует в соответствии с историософской концепцией; в тех местах, где документов становится недостаточно, создает их. Этот метод становится основным для воплощения историософских идей В. Шарова в его художественных текстах (эссеистике и романах).

1.2. Эссеистика: развитие идей

После защиты диссертации Владимир Шаров продолжает заниматься историей и публикует статьи с теми представлениями о русской истории и русской власти, которые сформировались в процессе работы над диссертацией, но не могли войти в научную работу. Он автор более двадцати эссе, которые публикуются отдельно в журналах «Знамя», «Неприкосновенный запас» и др. Автор писал о регулярном возвращении к эссеистике: «стоит основному занятию [прозе] зайти в тупик – история вдруг приходила на помощь» [Шаров 2009d: 7]. Это значит, что рациональное и художественное мышление являются для Шарова взаимодополняющими.

Исследованию эссеистики Шарова посвящено немного отдельных исследований, но И.В. Ащеулова в статье «Авторская историософия в эссеистике В. Шарова» (2015) исследует составляющие историософской концепции автора, сформулированной в эссеистике, вошедшей в первый сборник «Искушение революцией», и приходит к выводу, что именно в формате эссе автор формулирует основные компоненты концепции истории, которые в дальнейшем воплощаются в фикциональных текстах: «В историософии Шарова фиксируется сложность и многомерность русской истории... спасение Шаровым обнаруживается в воскрешении памяти, воссоздании текстов, исчезнувших в бездне истории людей, которые пытались рассказывать свою правду и обрести смысл в абсурдной исторической реальности» [Ащеулова 2015: 83].

Эссеистика Шарова находится на границе между научными и фикциональными текстами. М. Эпштейн в ходе определения жанровых особенностей эссе сопоставляет его с романом и приходит к выводу, что эссе, в отличие от романа, ориентируется на подлинную жизнь, на настоящее: «эссе никуда не уводит, а, напротив, приводит любой самый смелый вымысел, головокружительную фантазию, ошеломительную гипотезу, далеко идущую концепцию – внутрь той действительности, откуда они изошли, в подлинное время и незавершенную ситуацию авторской жизни» [Эпштейн 1988: 341].

Для В. Шарова эссеистика стала инструментом личностного освоения исторических фактов и научных идей.

В 2009 году автор собирает первый сборник «Искушение революцией», включающий девять статей и эссе автора, в том числе и «Опричнина Ивана Грозного: что это такое?» («Опричнина» в первой версии была написана в ходе работы над диссертацией). Сборник эссе вышел в издании ArsisBooks и стал второй книгой в серии «Избранная проза в трех книгах В. Шарова». В эту же серию вошли романы «Репетиции» и «До и во время». В предисловии автор дает комментарий о причине объединения работ в сборник: «Есть вещи, которые с течением времени сами собой соединяются. Друг для друга они

делаются чем-то вроде комментариев, толкований, и ты вдруг начинаешь понимать, что в жизни и впрямь есть смысл, случайного в ней не так уж много» [Шаров 2009d: 41].

Сборники эссе писателя воспринимаются как его целостная концепция истории. Исследовательница творчества Шарова Caryl Emerson, например, видит в сборниках эссе писателя «точку зрения Шарова на русскую историю как <...> околдовывающую людей своей “повторяемостью, предсказуемостью, необратимостью, закономерностью”» [Emerson 2019: 598].

Сборник «Искушение революцией» посвящен исследованию «смутных» периодов в России. Шаров понимает под «смутными» периодами в России все революции: это опричнина И. Грозного, «Смутное время», реформа патриарха Никона, реформы Петра I, революции начала XX века и репрессии И. Сталина. По мнению автора, революция в России становится некоторым «искушением» на трудном пути к построению государства и преодолению раздробленности страны: «Известно, что строить на пустом месте куда проще и быстрее, чем предварительно в пыли и грязи разбирать завалы» [Шаров 2009f: 237]. Революция становится «быстрым и простым» способом решения проблем в государстве и возможностью начать заново. Именно изучению причин происходящих революций, пониманию их логики посвящен первый сборник эссе.

Немаловажно для представления о развитии идей Шарова учитывать даты первопубликаций эссеистики автора.

В сборник вошли следующие работы: «Между двух революций (Андрей Платонов и русская история)» (впервые представлена в 2004г. на конференции, посвященной творчеству А. Платонова, опубликована в журнале «Знамя» в 2005г.), «О “Записных книжках” Андрея Платонова» (впервые опубликовано в «Дружба народов» в 2000г. под названием «Это я: я прожил жизнь»), «Столица и провинция: два пути понимания жизни» (впервые опубликовано в 2000г. в «Москва: территория 2000»), «Икона Святого Георгия Победоносца с клеймами» (впервые опубликовано в сокращенном виде в 2003г. в «World Art

Музей)), «Верховые революции» (впервые опубликовано в романе «След в след» в 1991г. под названием «Психология русской истории»), «Записи деда» (впервые опубликовано в романе «След в след» в 1991г.), «Опричнина Ивана Грозного: что это такое?» (впервые опубликована в «Родина» в 1991г. в сокращенной версии), «Конфликт цивилизаций: подводная часть» (впервые опубликовано в «Знамя» в 2003г.), «О прошлом настоящего и будущего» (публикуется впервые).

Таким образом, часть работ существовало в виде журнальных статей, а часть – в виде фрагментов романов. Что, конечно же, свидетельствует о близости эссеистического и художественного дискурсов Шарова. Проанализируем конкретный случай такого тесного взаимодействия.

Первая статья В. Шарова «Психология русской истории» (1990) вошла в сборник под названием «Верховые революции». Изначально текст статьи был опубликован в романе «След в след», который писался с 1983 года (в годы работы над диссертацией) и был издан только в 1991 году. Авторство работы в романе отдано деду рассказчика, бывшему революционеру, позже «отъявленному скептику» (рассказчик говорит: «дед едва ли не профессионально занимался русской историей...» [Шаров 1991b: 43]). В эссе Шаров проводит параллели между правлением Ивана Грозного, Петра I, Ленина и Сталина. Автор определяет главную характеристику власти в России, начиная с XII века с правления Андрея Боголюбского: «для политической системы характерна абсолютная власть и абсолютная мобильность власти» [Шаров 2009a: 104]. Шаров выделяет пять формальных признаков политической системы в России, на которые опиралась власть совершая революцию (в том числе и реформы).

Самое главное в том, что в эссе Шаров описывает власть Грозного и его преобразования как модель всех последующих смут и революций в России, вплоть до XX века.

Власть в начале правления разделяет государство на две части: подчиняющуюся только власти и подчиняющуюся традициям. После этого

старается завоевать и ту часть государства, которая управляется традициями: «Разделение государства на две части, одной из которых источником верховной власти является традиция, а другой – сама власть. Власть стремится к территориальной экспансии» [Шаров 2009а: 105]. Шаров все время оперирует историческими фактами: в данном случае это пример Андрея Боголюбского и разделения на Владимиро-Суздальское княжество и Киевский престол; Иван Грозный разделил государство на опричнину и земщину.

Власть считает себя богоизбранной и выстраивает отношения с подданными именно из этой позиции. Шаров подтверждает это не только политическими и социальными доказательствами устройства страны, но и цитатами из текстов современников и самих правителей. Иван Грозный писал А. Курбскому: «истина и свет для народа в познании Бога и от Бога данного государя» [Шаров 2009а: 128].

Только богоизбранная власть может определять, кто будет вместе с ней руководить государством. Традиционные представления о наследовании «места при дворе» нарушаются властью. Иван Грозный ввел систему опричнины, на его усмотрение была перераспределена власть между боярством и дворянством, а также он активно привозил иностранцев и формировал из них ближайшее окружение. При Петре I был сформирован Табель о рангах, который также определял новую систему руководства страны.

Чтобы укрепить позиции, а также отстраниться от традиционных представлений, абсолютная власть обязательно должна была перенести столицу и создать новую резиденцию. Например, при Петре I была построена новая столица – Петербург, а в советский период столица была вновь перенесена в Москву.

И последний, самый важный для Шарова признак абсолютной власти – власть принадлежит только одному человеку, она не распространяется на других, не передается по наследству. Со смертью Ивана Грозного прекратилась династия Калиты, у В. Ленина наследников не было, а дети И. Сталина умерли. То есть после смерти правителя в государстве каждый раз

наступало «смутное» время. Была борьба идеологов за власть, множественность реформ непременно влекло наличие противников и последователей.

Представленная работа В. Шарова позволила ему проследить логику действий власти в процессе государственного устройства, начиная не с правления Ивана Грозного, а раньше – с XII по XX века.

Вторая работа, опубликованная в составе романа «След в след» и в сборнике «Искушение революцией», представляет собой несколько отдельных заметок о понимании истории России и имеет характерное название «Записи деда» (или «Заметки деда», они принадлежат в романе тому же герою, которому принадлежит работа «Психология русской истории»). В «Записях деда» Шаров впервые обозначает религиозный характер русского народа и государства. По Шарову, убеждения и представления русской власти формируются на основании христианских представлений о богоизбранности и необходимости очищения от грехов: «Русское государство – некое искажение, подмена Божьей воли, которая может и должна сама защищать избранный народ» [Шаров 2009b: 160]. В работе «Заметки деда» в романной публикации Шаров пишет: «Россия – хранитель истинной веры (**мессианская идея**): особый путь развития России, особые качества русского народа; Россия – носитель коммунизма – истинной веры (центр мирового христианства (Третий Рим), центр мирового революционного движения переместился в Россию); патриотизм – высшее достоинство в период кризиса понимания смысла русской истории; смысл “обратномессианский”, нигилистический – Россия показала, как не надо жить. Обобщенный смысл русской истории: мы одни против всех – отсюда страх» [Шаров 1991b: 55].

Обобщающей взгляды В. Шарова на момент публикации сборника «Искушение революцией» (2009) стала работа «Между двух революций (Андрей Платонов и русская история)» (впервые опубликована в 2005г.).

В эссе Шаров продолжает изучать религиозную составляющую русской истории и обозначает второй после мессианского миф, формирующий

историю страны, – **эсхатологический миф**. «Первые поколения христиан, видя, что чаша человеческих грехов давно переполнена, верили, что второй раз Христос ступит на землю уже при их жизни, уже при них придет время Страшного суда и торжества праведных» [Шаров 2009d: 13]. Шаров показывает, что именно из-за доктрины «Москва – Третий Рим» старца Елеазорова монастыря Филофея 1520 – 1530гг. (утвердила мессианскую идею в России) и «Сказании о князьях Владимирских» тверского монаха Спиридона – Саввы примерно 1523г. (поддержало эсхатологический характер христианства и обещало каждому князю, вступившему на престол, обязательную встречу с Творцом после смерти), страна разделилась и двигалась в разных направлениях. Два мифа – мессианский и эсхатологический – тесно переплетаются и формируют отношение к государству и всей истории страны: «монастырские книжники поставили русскую историю в центр мира. Это был взгляд, с одной стороны, совершенно очевидно обращенный к концу, а с другой – неслыханно, к самому престолу Господню возносивший и русскую землю – новую Святую землю, и русский народ – единственный независимый народ, сохранивший истинную веру, новый народ Божий, а также русских царей – его наместников на Земле» [Шаров 2009d: 17].

Разные понимания доктрины Филофея, по Шарову, усугубили ситуацию и страна, движущаяся в ожидании Страшного суда и желающая достичь Святой земли, раскололась на две части. Одна видела, что Антихрист уже на земле – царь, а вторая была уверена, что царь – наместник Божий, так как территория страны постоянно расширяется. Этот раскол определил историю России.

Мессианский и эсхатологический мифы влияют на устройство государства, по Шарову, вплоть до периода правления И. Сталина. Именно в этой работе автор впервые говорит о **революциях «сверху»** (от верховной власти) и «снизу» (от народа): «Филофей и Савва вольно или невольно соблазнили, искусили верховную власть революцией. Именно после них в России революция “сверху” навсегда вошла в арсенал верховной власти, ими были

оправданы, получили высшую санкцию новые и новые перевороты» [Шаров 2009d: 19].

В работе «Между двух революций (Андрей Платонов и русская история)» Шаров пишет не только о событиях истории, о власти, но и о людях, повлиявших на ход истории: старец Филофей, монах Спиридон, философ Николай Федоров. К работам Федорова и Платонова Шаров обращается в связи с изучением революций XX века (Ленинской и Сталинской). Он изучает тексты современников зарождения и развития идеи революции и самих событий революций, как делал и С.Ф. Платонов для понимания периода «смутного» времени. Эссе было написано, по комментариям Шарова, в связи с «попытками понять судьбу автора» [Шаров 2009d: 12] и создавалось после участия в платоновской конференции в 2004г.

Первый сборник публицистики Шарова объединил работы, продолжающие выводы, сделанные в процессе научной работы и изучения трудов С.Ф. Платонова. В продолжение подхода Платонова, Шаров встроил в историю России не только И. Грозного, но и периоды и характер правления А. Боголюбского, Петра I, В. Ленина и И. Сталина. Оттолкнувшись от темы научной работы, автор пришел к выводу о том, что «смутное» время и опричинина обоснованы не только политическими, социальными и экономическими причинами, по С.Ф. Платонову, но и религиозным характером организации русской жизни. В первых эссе формируется представление Шарова о влиянии мессианского и эсхатологического мифов на историю России.

Второй сборник «Перекрестное опыление (время, место, люди)» вышел в 2018 году уже после смерти автора, в него вошли эссе-воспоминания о людях, окружавших Шарова, а также статьи, опубликованные ранее в различных журналах. Но сборник был собран ещё при жизни Владимира Шарова и содержит ряд комментариев к издаваемым работам: «В эссе и зарисовках, составивших эту книгу, речь пойдет о людях, среди которых я жил и живу до сегодняшнего дня» [Шаров 2018b: 6]. Сборник эссе представляет собой

формирование образа рода, который играет важную роль в историософии Шарова. Автор формирует «контекст», показывая влияние каждого человека или места на историю личной жизни и его творческого пути.

Михаил Эпштейн пишет послесловие к сборнику «Перекрестное опыление» и дает комментарий о значении эссеистики для понимания историсофской концепции Шарова: «Эссеистика Шарова – это лично-биографическое осмысление того опыта, который художественно воплощен в его романах; это ироническая игра ума, наблюдающего в жизни близких людей действие той “теории невероятности”, которая опрокидывает любые расчеты и предвидения» [Эпштейн 2018: 107].

Сборник «Перекрестное опыление (время, место, люди)» состоит из 13 эссе с авторскими комментариями и воспоминаниями. Работы в сборнике можно поделить на две части. Первая – воспоминания: «Когда Шера в форме» (впервые опубликовано в «Знамя» в 2010г., цикл коротких зарисовок об отце писателя – Александре Израилевиче Шарове), «Ходынка» (впервые опубликовано в «Москва. Место встречи» в 2016г.), «Школьный учитель» (впервые опубликовано в «Памяти Анатолия Якобсона» в 2010г., посвящено учителю истории писателя – Анатолию Якобсону), «Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож» (впервые опубликовано в «Знамя» в 2018г., посвящено Александру Иосифовичу Немировскому и Наталье Евгеньевне Штемпель), «Игорь Вулох» (впервые опубликовано в сборнике стихов В. Шарова «Рама воды»), «О Геке Комарове» (впервые опубликовано в «Звезда» в 2014г.), «Как я писал “Репетиции”» (впервые опубликовано в альманахе «Текст и традиции» в 2015г.), «Александр Горелик» (опубликовано впервые), «Я прожил жизнь...» (в этой редакции впервые опубликовано в «Большая книга победителей» в 2015г.).

Первая группа эссе – своего рода «ключ» к пониманию подхода В. Шарова к истории страны и отдельных людей. Писатель считал, что история – это не цепочка фактов и событий, а **история идей**, которые приводят или не приводят к случившимся событиям. Шаров в предисловии к сборнику пишет о

том, как формируется человек и его взгляды: «Теми, кто мы есть, нас делает генетика и контекст. Его, прорастая друг в друга, на равных строят время, в которое живешь, территория, на которой обитаешь, и люди, в орбите которых повезло оказаться» [Шаров 2018b: 7]. Впервые о том, что любая идея есть компиляция других идей, Шаров писал в эссе «Заметки деда», опубликованном в романе «След в след» в 1991г. В интервью О. Андреевой в 2016г. Шаров говорит о роли идей каждого человека: «есть какие-то идеи, которые живут в определенных людях. И вот в какие-то совсем жуткие и бурные периоды идеи уходят от людей. Люди гибнут. А идеи остаются и начинают жить своей жизнью. Идеи соединяются» [Андреева 2018]. Идеи, сформулированные Шаровым в приведенных эссе, воплотились в публицистических и художественных текстах автора.

Вторая группа эссе представляет собой работы об истории России: «Переписка Ивана Грозного (1530-1584) с Андреем Курбским (1528-1583)» (впервые опубликовано в «Литературная матрица» в 2014г.), «Бал у сатаны (его эстетика и этика)» (впервые опубликовано в «Prime Russian Magazine» в 2014г., в 2018г. опубликовано в романе «Царство Агамемнона»), «Октябрь семнадцатого года и конец истории» (впервые опубликовано в «Знамя» в 2018г.) и др. И мы снова видим «перетекание» текстов из публицистического дискурса в художественный, и обратно.

В эссе «Переписка Ивана Грозного (1530-1584) с Андреем Курбским (1528-1583)» Шаров продолжает исследование причин опричнины и «смутного» времени в России при Иване Грозном, начатое ещё в процессе работы над кандидатской диссертацией. Он тщательно работает с источниками: подвергает анализу переписку царя Ивана IV и боярина Андрея Курбского, бывшего воеводы русской армии, сбежавшего в момент командования русскими войсками в Ливонии в Речь Посполитую к королю Сигизмунду-Августу. Отметим, что сама переписка не сохранилась и историки работают со списками начала XVII века. «Это не просто обмен посланиями двух частных лиц, а письма, без которых невозможно понять очень многое в истории

России» [Шаров 2018k: 139], – так комментирует Шаров значимость этого источника. Мы не будем проводить подробный анализ эссе, а выделим только те идеи, которые впервые появляются в этой работе автора.

Переписка Грозного и Курбского во многом состоит из цитат и интерпретаций Священного Писания, это некоторый **теологический спор** о том, кто угоден Богу, а кто еретик: «То, что они практически никогда не выходят за пределы Писания и фехтуют, наносят уколы теми или иными библейскими цитатами, превращает всю схватку в чисто теологический спор...: кто из них и чей именно путь угоден Богу, а кто еретик и изменник православной вере» [Шаров 2018k: 148]. Священное Писание было главной книгой, историей всей жизни, историей «многотысячных скитаний человека» [Шаров 2018k: 168]: «Вне Священного Писания люди даже не пытались себя понять, о себе думать» [Шаров 2018k: 168]. Переписка царя и бывшего подданного воплощает вечные споры в России о правильности православной веры, это пример споров двух частей расколовшейся страны, понимавших доктрину Филофея «Москва – Третий Рим» по-разному.

В этом же эссе Шаров продолжает исследование характера абсолютной власти в России, которое начал в статье «Психология русской истории», написанной ещё в процессе подготовки диссертации. Автор показывает, что власть «искушается» революцией не только из-за простоты и скорости постройки нового «на пустом месте» (см. эссе «О прошлом настоящего и будущего»), но это обосновано и характером воспитания абсолютных правителей в России. По мнению В. Шарова, абсолютная **власть делает правителей «сущим младенцем»** [Шаров 2018k: 157]. «Они по-детски жестоки, потому что не знают цену жизни, и по-детски импульсивны, обидчивы» [Шаров 2018k: 157], – характеризует Шаров людей абсолютной власти, так он пишет об Иване Грозном, Петре I, В. Ленине, И. Сталине. Детский характер абсолютной власти вызывает и легкость в принятии решений о войнах, революциях, казнях: «оставаясь детьми на троне, они так

же, как ребятня, больше другого любят играть в войну. Такие монархи-дети, что понятно, и самые отчаянные реформаторы» [Шаров 2018k: 158].

Шаров описывает тоталитарную систему власти, абсолютную власть, **игровой**. В качестве примера рассматривает опричнину И. Грозного, в которой сам царь играл игумена, не будучи им, а дворяне стали монахами. И то же было в реформах Петра I, он играл роль плотника или «пыточных дел мастера». Для монархии войны, революции, реформы становятся игрой, так как она не умеет ценить жизнь людей и знает, что в любой момент можно потерять интерес к одной теме и начать другую: «в этой “игроцкости” верховной власти корень и всеохватной, эшелонированной экспериментальности жизни, которую она порождает» [Шаров 2018k: 161]. Обе идеи (о царе-младенце, игровом отношении к революциям) Шаров реализовал в фантасмагорических сюжетах романов (например, в «Будьте как дети» (2008) В. Ленин заболевает, становится ребенком и понимает, что именно в этой роли он может принимать правильные для страны решения).

Во втором сборнике нам важна ещё одна работа, последняя публицистическая работа Шарова, «Октябрь семнадцатого года и конец истории» (2018). Здесь автор собирает все составляющие концепции истории России (обращение к первоисточникам изучаемого периода или человека, религиозный характер истории, основанный на эсхатологическом и мессианском мифах, о преемственности между монархами И. Грозным, Петром I, И. Сталиным, о влиянии различных идей друг на друга и образовании новой идеи на базе имеющихся). Но в этой работе Шаров анализирует, как следует и из названия, причины и последствия не всех революций, а именно революции 1917 года в России, этот период интересует Шарова во всех романах.

В эссе «Октябрь семнадцатого года и конец истории» Шаров в первую очередь обращается к тому, что знания об истории России начала XX века схожи по характеру и объему с представлениями о периоде И. Грозного и «смутного времени»: **отрывисты, частичны и много материалов**

уничтожено: «что касается собственной родни и первых сорока лет советской власти, я представлял отрывисто, пятнами, в цельную картинку мало что складывалось» [Шаров 2018i: 190]. Причина этого – в большом объеме засекреченных материалов, «переписывании истории» новой властью и, в первую очередь, в сжигании архивов, дневников, записей, чтобы обезопасить себя от арестов в 1920-40хх.

Здесь же, анализируя советскую историю, автор сближает **теорию К. Маркса и Священное Писание**. Шаров уже показывал в предыдущих эссе, что вся история России строится на Священном Писании, постоянном его комментировании. Так и XX век стал комментарием к Бытию, но по Марксу: «Маркс учил о конце света и о будущей, уже потусторонней жизни <...> он не просто сохранил, ученически повторил все библейские представления людей о мире, в котором им довелось жить, и о грядущей судьбе» [Шаров 2018j: 209]. Мир до грехопадения (Бытие) – первобытнообщинный строй (Маркс), земная жизнь есть юдоль страданий (христианство) – земная жизнь есть зло, нескончаемые бедствия и боль (Маркс), в Библии есть два избранных народа (Ветхого и Нового Завета) – пролетариат избранный народ, по Марксу и т.д. [Шаров 2018j: 210]. То есть Шаров показывает, что советская история не вышла из привычного цикла русской истории, она все так же продолжает жить по Священному Писанию, пусть и с небольшими изменениями.

Здесь Шаров явно движется к художественному мышлению и стилю письма (мысль о том, что и Маркс комментирует Священное писание, близка его романским ходам писателя), но эти множасьщиеся параллели и метафоры основаны на размышлении над историческими законами русской истории, на изучении и сопоставлении этих законов.

Любопытно изучить такое перерастание эссеистики в художественный дискурс на примере одной из важнейших тем Шарова – темы русского раскола.

Шаров приходит к выводу, что самым «серьезным, какой знала Россия, возможно, и не исключая революцию октября 1917г.» [Шаров 2018j: 224], стал Церковный раскол XVIIв.⁷

Реформы патриарха Никона, поддержанные царем Алексеем Романовым, привели к непреодолимому разделению русского общества, и после этого «религиозное возрождение взяли себе староверы» [Шаров 2018j: 225]. Советская власть приняла на себя роль той, кто сможет соединить, спустя три века, две части России, став центром революционного движения во всем мире. «Само соседство в одной фразе [Ленина о том, что центр мирового революционного движения переместился в Россию] России и революции стало высочайшим указом о начале скрещивания двух избранных народов – бывшего (русских) и нынешнего (рабочих и крестьян)» [Шаров 2018j: 242]. Эта идея была принята страной, и в процессе реализации пятилетних планов раньше срока выражалась поддержка власти.

Изучая историю России, Владимир Шаров, писатель-историк, отмечает ещё одну важную особенность русской исторической памяти. Страна часто готова вычеркнуть происходящее, постараться забыть и жить так, будто ничего не было. Так страна старалась вычеркнуть Ивана Грозного и опричнину, вычеркнуть военные неудачи и вычеркнуть писателей, мыслителей, вывезя их из страны. Так пытались забыть и любимого писателя Шарова Андрея Платонова и его романы: «нелюбовь к Платонову и к языку его прозы сделалась у нас эвфемизмом даже не нелюбви к революции, а надеждой и попыткой выстроить жизнь так, будто революции вообще не было» [Шаров 2018j: 206]. В 1980-90е гг. в стране зародилась идея, что можно забыть всю советскую историю, «свернуть, как старый ковер, и отправить в чулан, а дальше, прямо из предвоенного 1913г. перескочить в 90-е годы и продолжать

⁷ В эссе, опубликованном в этом же сборнике, «Как я писал роман “Репетиции”» автор рассказывает, что расколом он заинтересовался благодаря Олегу Федоровичу Козлову (руководитель сектора археографии во ВНИИДАД (Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела)). Именно он передал писателю архив, посвященный истории раскола, готовившийся для неудавшейся в советское время докторской диссертации Козлова.

жить, будто ни октября 1917г., ни всего, что за ним последовало, не было» [Шаров 2018j: 206]. Для писателя в этом взгляде на историю таится та ошибка, которая не дает стране усвоить уроки истории, позволяет каждый раз смотреть на новую идею так, будто ничего похожего не было, она уникальна. И страна вновь и вновь проходит один и тот же путь, каждый раз забывая историю, сжигая её, чтобы все отстроить заново. «Мы готовы переступить через них [беды и страдания] и, будто ничего не случилось, идти дальше. Ясно, что подобный вариант спокойнее, но никакие уроки не усвоишь. Потому что просто отказ от истории, попытка забыть, что понимание своего прошлого есть именно что понимание, а не оценка» [Шаров 2018j: 207].

Эссеистические работы Шарова дают возможность проследить формирование историософских идей автора и выделить значимые, повторяющиеся составляющие модели русской истории, которые писатель-историк формулирует в процессе исследовательского пути. Вслед за историком С.Ф. Платоновым и в публицистике, автор продолжает использовать центральный метод историка – обращение к первоисточникам, документам изучаемого периода, а также Шаров, можно сказать, продолжает работу С.Ф. Платонова и показывает связь периода правления Ивана Грозного уже с советским периодом. Шаров, начиная с первых эссе, переплетает эссеистические и фикциональные тексты, публикуя их то внутри романов, то как отдельные эссе. В эссеистике писатель обозначает характерные черты русской истории, которые формируют и взгляды героев романов Шарова на события в стране XX века. Первопричина всех «смутных» периодов в истории – Церковный раскол XVII в., его последствия с каждой «смутой», революцией только усугубляются и две части общества расходятся все дальше, движимые религиозными мессианской и эсхатологической идеей.

Сборники эссе позволяют не только проследить составляющие историософской концепции Шарова, но и установить периоды формирования взглядов автора. В работах первого сборника «Искушение революцией» (2009) писатель ещё близок к проблемам своей диссертации. Поздний сборник

«Перекрестное опыление» (2018) объединяет результаты творческого пути автора, он более биографичен и оказывается наиболее близок к фикциональным текстам автора и идеям, выраженным в них.

1.3. Авторская историософия в ранних романах

Разумеется, наиболее важный аспект изучения авторской историософии Шарова – изучение ее воплощения в фикциональных текстах, в прозе писателя. Подробному анализу авторской историософии в романе «Возвращение в Египет» посвящена последняя глава настоящей работы. Здесь же имеет смысл проследить воплощение идей Шарова-историка и Шарова-публициста в ранних его романах – в них отчетливее видны сходства и различия авторских дискурсов.

Во время обучения в аспирантуре и подготовки диссертации Владимир Шаров написал два романа: «След в след» (1991) и «Репетиции» (1992).

Обратимся к роману «Репетиции» в поисках «следов» подхода Шарова-профессионального историка и его публицистических идей. В фикциональном тексте были воплощены те идеи, которые Шаров не высказал в первых эссеистических работах: история страны циклична, она повторяется из века в век, иногда и чаще, русский народ живет, давая комментарий к Священному Писанию, в ожидании Страшного Суда и достижения Земли Обетованной.

Второй роман «Репетиции» является более показательным с точки зрения понимания историософской концепции писателя. В нем ярче всего идея «узла» русской истории (Церковного раскола XVII века) и неизбежно циклический характер русской истории.

Сюжет романа представляет собой цепь событий, фантастичность которых «маскируется» у Шарова, кроме прочего, излюбленной им формой «свидетельств» – воспоминаний-дневников. Роман основан на дневниках Жака де Сертана (французского комедиографа и владельца кочевой театральной труппы, постановщика мистерий), взятого в плен во Франции в XVII и привезенного в Россию. Шаровский Сертан живет на попечении патриарха

Никона в его Новом Иерусалиме, который строился вблизи Москвы по образу Иерусалимского храма, где родился Иисус Христос. Задача строительства – подготовить место для прихода Христа, задача Сертана – поставить мистерию о жизни Христа, чтобы все были готовы к его явлению. Жители Нового Иерусалима играют под руководством Сертана мистерию, участвуют в репетициях с четким распределением ролей. Не занята только роль Христа – он должен был, по задумке Никона, сам прийти в нужный момент, когда все подготовлено – и Новый Иерусалим достроен, и ритуал встречи отрепетирован. Однако Никон попадает в немилость царю Алексею, и после смерти Никона Сертан и его труппа сосланы в Сибирь, а Новый Иерусалим остается недостроенным.

Заметим, что идея Нового Иерусалима, его строительства имеет укорененность и в биографических обстоятельствах автора: отец писателя А.И. Шаров в 1982 г. получил от литфонда участок в районе Алехново около Истринского водохранилища, как позже выяснилось, участок находился под холмом, на котором патриарх Никон строил русскую версию Иерусалима, Новый Иерусалим – копию Храма Гроба Господня в Иерусалиме [Шаров 2018g: 105 – 108]. Жена писателя Ольга Дунаевская рассказывала в воспоминаниях, что именно досками для ремонта копии Храма Гроба Господня была покрыта крыша их дачи на этом участке [Дунаевская 2020: 11].

Вернемся к роману. В течение столетий вся труппа, участвующая в репетициях будущей мистерии, привыкла жить по законам мистерии, все уверены, что Христос придет, а им нужно всегда быть готовыми: «Для них это и не роли, а их жизнь, их миссия, то, что им суждено и предназначено. [Шаров 1992: 51]. По настоянию апостолов (то есть тех, кто исполнял роли апостолов Симона, Петра, Андрея, Иакова-старшего, Иоанна, Иакова Воанергеса, Филиппа, Варфоломея, Матфея Левия, Фомы Близнеца, Симона Зилота, Иуды Искариота) Сертан подряд, без изъятий, переводил и диктовал им дневниковые записи, касающиеся постановки, чтобы, если он умрет, они и без

него могли продолжить репетиции и, когда придет время, сыграть сделанную им постановку такой, какой он ее задумал» [Шаров 1992: 73].

В романе рассказывается, как все новые поколения живущих вокруг Нового Иерусалима год за годом, век за веком разучивают роли в мистерии о явлении Христа. Однако случается так, что те, кто играл христиан, ссорятся с теми, кто играл роли иудеев. Первые уничтожают вторых. В деревне основывают лагерь ГУЛАГа, «апостолы» становятся его комендантами и продолжают репетиции под видом атеистической пропаганды.

Мистерия игралась в течение нескольких веков – до середины XX века, пока не изменилось понимание слова Христа и не были убиты все наследники тех, кто начинал играть в спектакле-мистерии. Исполнители ролей в XX веке продолжали привычное занятие и на этапе, и в лагерях каждый выполнял свою роль: евреи, римляне, волхвы, ученики Христа и т.д. Апостолы стали начальниками лагерей, христиане – охранниками лагеря, евреи, авелиты и римляне – лагерными заключенными. Репетиции продолжались, евреи раз в 40 лет уходили из лагерей, часть из них возвращалась, а часть погибала в пути.

Репетиции завершились только тогда, когда христиане во главе с апостолами – руководителями лагерей – признали, что Христос не придет к ним, пока живы евреи: «Так было всегда, и проходило немало лет, прежде чем апостолы, день за днем повторяющие слова, которыми они встретят мессию, понимали, что Христу надо от них другого, репетиции – зряшний труд, никому они не нужны: Христос не придет к ним, сколько бы они их ни повторяли» [Шаров 1992: 114]. Евреям удавалось каждый раз вымалывать жизнь и спасение у Христа. В итоге обманом участники мистерии все же убивают евреев, но остается в живых один маленький мальчик, которому удается спастись. Иисус так и не приходит на землю, а мальчик-еврей и есть тот, кто передает повествователю дневник Сертана и его продолжение от участников постановок.

Таким образом, один из первых романов Шарова демонстрирует его художественный метод и основные идеи, которые будут прорабатываться в

следующих текстах. «Русский узел» смутного времени автор знает со времен своей диссертации, но рассматривает его как инвариант будущих смутных времен. Смысл разыгрывания мистерии близ Нового Иерусалима – в том, чтобы основать Новый Израиль, новый Орден, подобно ливонскому, утвердить русских как новый богоизбранный народ. Политика здесь сращена с религией, библейские сюжеты прочитываются с поправкой на национальную специфику. У Шарова средневековая мистерия, воплощенный ритуал, воссоздает «вечное возвращение», эффект повторяемости и цикличности русской истории. Ритуал поглощает различия эпох и порождает содержание новых – оно покорно принимается народом. Эти идеи у Шарова поданы как (квази)исторические свидетельства. Повествование строится на нескольких крупных текстах: воспоминаниях-дневниках участников постановок мистерий из Священного Писания (истории от Рождества Христа до Его крестной муки и Воскресения), а также на дневнике Жака де Сертана.

Позиция Шарова-исследователя далека от позиции Шарова-писателя, однако вторая, как мы убедились, является продолжением первой во многих значимых аспектах.

Роман «Репетиции», кроме того, продемонстрировал смещение интереса писателя к современности. Средневековье осталось для Шарова предметом научного интереса, писательский же интерес связан с более близким к нам временем. «Писать прозу, так или иначе касающуюся того времени, меня в общем и целом не тянет. От тех лет если кто до нас и дошел живым, то лишь сильные мира сего, а так осталась одна "канва"; настоящая же "вышивка" со всеми своими деталями и подробностями, со всеми своими человеческими судьбами канула в небытие. В общем, мое время – это последние полтора века нашей жизни, и о древних русичах я писать не дерзаю» [Шаров 2018d: 129].

«Вышивку» жизни героев с их деталями Шаров при помощи документов восстанавливает в каждом романе. Первый опубликованный роман Шарова называется «След в след» (1991). Главный герой Сергей Колоухов – историк и

исследует архивные папки с дневниками своей семьи, стараясь восстановить историю своего рода.

Слиянность разных жанров творчества Шарова, их нераздельность очень выразительно иллюстрируют стихи Владимира Шарова, написанные в 1988-1989гг. Здесь лирически переживается та же тема «следов»:

Каждый оставляет следы. Каждого
Можно найти по следам. Листья – это
Следы дерева. Летом дерево ходит по
Небу. Осенью дерево ходит по земле.
Осенью дерево не знает, куда идти.
Осенью дерево кружит на одном месте.
Все истоптано. Лист ложится на лист.
Дерево двоит и троит след. Я ничего не
Могу понять. Я тоже кружусь на одном
Месте. До снега мне не найти дерева. [Шаров 2016а: 54]

Итак, можно говорить о том, что ключевые особенности мышления и поэтики Шарова во многом обусловлены началом его пути. Пребывание аспиранта в библиотеках и архивах, помимо знания конкретного исторического материала, породило формы композиционной организации произведений: в романе «След в след» (1991).

Но главное, что дал прозе Шарова опыт Шарова-историка, – это понимание Смутного времени как узла, движущего русскую историю в разные ее периоды по одной логике (это понимание выработано в ходе работы над диссертацией о С.Ф. Платонове). Именно эта концепция подтолкнула писателя к обобщающим идеям его эссеистики, а далее – к поиску универсальных историософских концепций, воплотившихся в романах.

1.4. Проблема художественного метода

Историософская концепция Шарова и её воплощение в фикциональных текстах не сразу были приняты читателями и критиками. После публикации

романа «До и во время» (1993) в журнале «Новый мир» (номера 3 и 4) разгорелся скандал, художественная картина истории Шарова для многих показалась шокирующей.

В романе герой, ненадежный рассказчик (переживший потрясения и травмы), собирает истории других рассказчиков, насельников геронтологической клиники. Главная тема рассказов – русская революция и ее истоки. Главная героиня Жермена де Сталь живет вторую и третью жизнь не во Франции, а в России. Героиня использует секрет продления жизни, перерождаясь в собственных детях несколько раз. Жермена продолжает революционную деятельность в России. Вместе с Федоровым они создают кружок революционеров, в которых входят Толстой, Скрябин, Соловьев и другие. После смерти Н.Федорова, а точнее, розыгрыша смерти, который спланировала Жермена де Сталь, и неудачной попытки организовать революцию с композитором Скрябиным, Жермена в третьей жизни планирует следующую революцию, но уже с помощью Сталина. Псевдоним «Сталин» и образован от ее имени. В этом романе Шаров опробует основные темы своей историософии: о корнях русской революции, о терроре, о христианской эсхатологии и др.

В пятом номере журнала «Новый мир» 1993г. вышла статья Ирины Роднянской и Сергея Костырко «Сор из избы», в ней И. Роднянская обвиняет Шарова, автора на тот момент трех романов («След в след» (1991), «Репетиции» (1992) и «До и во время» (1993)), в «изнасиловании русской да и священной истории», основанном на «злоумышлении автора», в использовании «б/у философом» [Роднянская 1993: 189]. По мнению И. Роднянской и С. Костырко, авторское «невежество» было прикрыто «безмятежной “постмодернистской” наклейкой на крышке» [Роднянская 1993: 189].

В 1993, 1994гг. литературоведы и критики продолжали споры о романе В. Шарова. В «Вопросы литературы» (1994) появилась статья А. Машевского с отрицательной оценкой Шарова, в «Литературной газете» (1993) вышла

заметка Г. Померанца с поддержкой романов писателя, также поддержали автора и в журнале «Знамя», и в «Комсомольской правде». Писатель, философ Г. Померанц в заметке «Кривизны творчества» очень точно понял природу его фантастических допущений: «Писатель, схваченный за шиворот историей, пытается осознать её фантастику. Сама жизнь стала страшной сказкой, притчей о страшном суде. И литература, не слушаясь критиков, оторвалась от бытового правдоподобия» [Померанц 1993].

Конфликт, случившийся на фоне выхода третьего романа В. Шарова «До и во время», стал симптомом перемен в литературе в целом. «Обвинения» И. Роднянской и С. Костырко впоследствии стали маркерами литературы постмодернизма.

М. Эпштейн в работе «Постмодерн в России. Литература и теория» (2000) скандал, случившийся после публикации романа «До и во время», толкует как пример неготовности даже профессионального сообщества к восприятию постмодернистского текста: «Роман “До и во время” вызвал оживленную дискуссию в прессе как образец постмодернистского романа, предлагающий фантазмагорическую версию русско-советской истории» [Эпштейн 2000: 317]. В этом романе впервые явно и ярко проявился метод В. Шарова, заключающийся в выражении историософских идей через фантазмагорическую игру с историей и её фактами. В романе явно воплощены принципы историософского текста (обратимся к принципам, названным Т.Е. Сорокиной): свобода по отношению к историческому факту, автор играет с историческими именами и судьбами и создает литературный миф об истории.

В романе «Репетиции» (1992) писатель использует те же подходы – играет с образами патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. В романе «До и во время» писатель создает мифы вокруг образов И. Сталина, Н. Федорова, В. Соловьева, А. Скрябина, Л. Толстого и др. «Б/у философемы», как их называли критики, – это и есть те философские концепции (Н. Бердяева, Н. Федорова и др.), что сознательно использует Шаров для построения национальной логики истории в своих романах.

Интертекстуальность постмодернизма и предполагает использование «б/у». Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий отмечают, что «интертекстуальность – то есть соотнесенность текста с другими литературными источниками – приобретает в постмодернизме значение центрального принципа моделирования. Каждое событие, каждый факт, изображаемый писателем-постмодернистом, оказывается скрытой, а чаще явной цитатой» [Лейдерман, Липовецкий 2003: 378]. На интертекстуальность в романе Шарова делала акцент И. Роднянская: «автор горделиво уверен, что ингредиенты он позаимствовал со стола Г. Маркеса, Т. Манна, Г. Гессе и А. Платонова» [Роднянская 1993: 188].

В романе «До и во время» Шаров обращается к работе Н. Федорова «Философия общего дела» (1906), к произведениям А. Скрябина, в том числе не написанной «Мистерии», работы В. Ленина «Государство и революция», «О кооперации», «Письма к съезду», заимствует идеи, сюжеты и характеры он и у других писателей, философов, например у А. Платонова. Как пишут Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий, текст постмодернизма не представляет истину, а дает множество интерпретаций истин, уже имеющих в мире: «В мире-тексте, а точнее, хаотическом конгломерате множества текстов – мифологий, идеологий, традиций, стереотипов – не может быть единой правды о мире. Её заменяет множественность интерпретаций, и, шире, множественность одновременно существующих “правд”» [Лейдерман, Липовецкий 2003: 378].

Отметим, что обращение к уже имеющимся текстам не является чертой, характерной только для постмодернизма. Русская литература изначально складывалась в диалоге с европейскими текстами, однако текстам постмодернизма более всего свойственна вторичность и цитатность. Именно интертекстуальность позволяет представить множественность «правд» в художественном тексте.

То, что Роднянская назвала незнанием истории, «вождением за нос» и «явной намеренной путаницей сведений и дат» есть в литературе

постмодернизма – деконструкция. «Деконструкция, согласно Деррида, – операция, применяющаяся к традиционной структуре или архитектуре основных понятий западной онтологии или метафизики и предполагающей её разложение на части, расслоение, дабы понять, как некий ансамбль был сконструирован, реконструировать его для этого» [Скоропанова 2007: 17].

В основе деконструкции, в том числе у Шарова, лежит «децентрирование дискурса», то есть смещение акцента с основного дискурса на периферийные. Сам Шаров в интервью не раз говорил, что его не интересуют центральные линии истории, его волнуют «боковые ответвления».

Писатели-постмодернисты «исследуют вопрос об абсурдности истории и исторического сознания вообще и о возможности “исторической правды” как таковой» [Лейдерман, Липовецкий 2003: 478]. История воспринимается писателем как история фрагментарная, с большим количеством потерянных частей (официальная история переписывается, документы уничтожались или скрывались под грифом «секретно», а личные дневники и переписки сжигались). История, по Лейдерману и Липовецкому, начинает восприниматься как пустота, которую каждый по-своему заполняет своими представлениями. «Эти представления носят мифологический характер, но это мифы, знающие о своей созданности, о своей, так сказать, литературной (а не божественной) природе. Мы получаем возможность увидеть, как они на наших глазах сочиняются – для того, чтобы немедленно сбываться» [Лейдерман, Липовецкий 2003: 484].

Роднянская и Костырко как раз обращают внимание на беспрецедентную игру с историческими реалиями, пишут, что это не просто игра, а «китч» [Костырко 1993: 186]. Но, как дальше объясняет сама Роднянская, этот «китч» превращается, «в согласии с новой модой в “новый национальный миф”» [Роднянская 1993: 189]. И это правда. Такие мифы Шаров создает в каждом романе.

В «До и во время» мифы образуются вокруг каждого из персонажей. Например, по мнению толстовцев в романе, изменения в творчестве

Л.Н. Толстого в конце жизни связаны с тем, что он оставил свои концепции раннего творчества для брата-близнеца Льва Львовича Толстого. Толстовцы рассказывают повествователю, что жена Л.Н. Толстого настолько любила его материнской любовью, что первым ребенком родила не сына Льва Николаевича, а его брата близнеца Льва Львовича. И далее всю жизнь два Льва были вынуждены состязаться за первенство, пока не разъехались: Лев Львович в Швейцарию, а Лев Николаевич – из Ясной Поляны.

Лейдерман и Липовецкий писали о необходимости подобных мифов истории, о их постоянном переплетении и споре в романах Шарова: «Шаров убеждается, что создание таких мифологий – как бы ни были они нелепы и фантастичны – есть единственный способ существования личности в истории, и что история и есть сложное переплетение порождающих друг друга и спорящих друг с другом мифологий истории» [Лейдерман, Липовецкий 2003: 486].

Во многих романах Шарова рассказчиком переплетающихся мифологий становится сумасшедший, что было отмечено в романе «До и во время» (1993) (повествователь записывает истории о Федорове, Толстом, Скрыбине, Сталине и др. в сумасшедшем доме), в романе «Будьте как дети» (2008) историю своего «рода» и свою рассказывает повествователь, лежащий в психиатрической больнице с эпилепсией. Ж. Делез и Ф. Гваттари считают «шизофрению» одним из инструментов выявления «бессознательного либидо социально-исторического процесса, не зависящего от его рационального содержания» [Маньковская 1995: 61]. Именно искусство, связанное с шизофренией, шизофрениками, «выводит иррационально-бессознательное на поверхность, воссоздает групповые фантазмы, выявляющие господствующие в обществе импульсы коллективного бессознательного» [Скоропанова 2007: 39].

Главным способом организации фикциональных текстов Шарова стало обращение к различным типам документов. Но в фикциональных текстах он использует не документы как таковые, реально существующие, а легко сочиняет тексты, наделяемые статусом документа.

И. Каспэ в работе «Когда говорят вещи: документ и документность» (2010) определила причины обращения писателей-постмодернистов к «документности» в фикциональных текстах. Документность, по Каспэ, формирует «специфическую модель построения нарратива (фрагментарность, коллажность, монтажность)» [Каспэ 2010: 13], а также позволяет авторам дать «слово» различным персонажам, «апелляции к документу, к представлениям о документности, к процедуре и метафорике документирования оказывается тесно связана с образом литературы, призванной “давать слово” множеству своих персонажей, более того – “воскрешать мертвых”, даровать им бессмертие» [Каспэ 2010: 44].

Образ документа в литературе, как отмечает И. Каспэ, выполняет сразу несколько функций: он одновременно адресован «всем и никому», это инструмент «властного контроля» и инструмент для «разоблачения», это может быть «правдивое и сильное по своему воздействию свидетельство, апеллирующее к предельным значениям (катастрофа, боль, любовь, смерть etc.), как «живой голос реальности», лишенный какой бы то ни было «искусственности», свойственной (в рамках этого режима восприятия) литературному ремеслу» или «бюрократическая формализованность («бездушность»), в противоположность персоналистичной, эмоциональной, суггестивной, спонтанной («живой») литературе» [Каспэ 2010: 10].

Каспэ приходит к выводу, что документ в разных литературных текстах может брать на себя различные функции, но чаще всего они сводятся к следующим: «можно сказать, что литературный текст подражает существующим в культуре конструкциям документа, или даже пытается их имитировать, или же тематизирует документ и создает его мифологию, или использует документы в качестве «рабочего материала», или, наконец, сам приобретает статус документа в глазах своих читателей. Все эти формы взаимодействия с культурными представлениями о документе могут являться частью более или менее продуманной авторской стратегии, но могут и

вменяться тексту литературным сообществом, критикой, читателями (чаще, конечно, одновременно происходит и то, и другое)» [Каспэ 2010: 14].

В. Шаров насыщает романы документностью. В интервью он отмечал, что использует документ и документность: «Зато я с наслаждением цитирую выдуманные и подлинные дневники, рукописи, документы» [Бойко 2008].

Автор имитирует документы (в романе «Возвращение в Египет» (2013) переписка героев представлена отрывками из отдельных писем, даны комментарии о периоде написания и месте отправки писем, а также о месте хранения писем в момент создания романа), подражает конструкции документа (в романе «След в след» (1991) Шаров оформляет эссе «Заметки деда» в качестве размышлений героя романа, записанных в тетради), и создает мифологию документа (в романе «До и во время» (1992) читателю представлена история обретения идеи труда «Философия общего дела» Н. Федоровым и произведения «Мистерия» А. Скрябиным). Автор использует документы в качестве рабочего материала: в романе «Будьте как дети» (2008) рассказывается история болезни В. Ленина, созданная учителем истории на основании переписки В. Ленина и Л. Троцкого, а также дневников и писем Н. Крупской.

На наш взгляд, приведенные примеры использования Шаровым постмодернистских инструментов доказывают, что его романы не являются абсурдом, прикрытым «постмодернистской наклейкой», как были восприняты в 1993г., они являются текстами постмодернизма.

Однако В. Шаров с этим не соглашался. Он никогда не принимал на себя роль постмодерниста: «себе кажусь реалистом. Никаким постмодернистом я себя не считаю и никогда не считал» [Березин 1996: 176]. Хотя и не отрицал влияния постмодернизма. В постмодернизме он отрицал вторичность, невозможность создания нового. Приведем часть диалога из интервью Е. Иваницкой с В. Шаровым в 2002 году:

«Владимир Александрович, поскольку о вас в учебниках пишут, позвольте процитировать: «Постмодернистская философия истории, устраняющая

субъекта, в романах Шарова поворачивается к конкретному человеческому сознанию. Эта тенденция ведет к синтезу постмодернистской эстетики с опытом старого реализма». Вы с этим согласны?

– Пожалуй, согласен. Хотя постмодернизм и базируется на непонятной для меня мысли, что ничего нового сделать нельзя. Не могу с ней согласиться по своей природе, которая наделила меня такой плохой памятью, что я не имею возможности играть с созданным предшественниками. Бездна всего, в первую очередь тот поразительный по ужасу и трагизму опыт, который Россия пережила в XX веке, – цельный опыт, от начала его и до конца, по сути еще не написан» [Иваницкая 2002].

Шаров называет себя реалистом: «Я реалист, и жизнь, какая она у меня есть, вполне адекватна настоящей. Я пишу совершенно реальную историю помыслов, намерений, вер. Это та страна, которая была. Это наше собственное безумие, собственный наш абсурд. Миллионы людей гибли в тюрьмах и лагерях, просто от голода, а мы умели внушить миру, и главное – себе, что живем в раю» [Иваницкая 2002].

Таким образом, Шаров мыслит свой метод как серьезный реалистический разговор не о предметных, а о ментальных реалиях (идеях), которые для него более важны и достоверны, чем физические, бытовые.

Исследователи также не сходятся во взглядах в отнесении писателя к определенному литературному направлению и причисляют его к постмодернизму, реализму, постреализму. Последний М. Липовецкий определяет как «тенденцию, направленную на поиски диалога постмодернизма с реалистической традицией, это принцип относительности, диалогического постижения непрерывно меняющегося мира и открытости авторской позиции по отношению к нему» [Липовецкий 2003: 487]). Есть точка зрения о принадлежности прозы Шарова к фантастическому реализму. О. Реди понимает его как «реализм в высшем смысле», то есть выход «за рамки идеологических клише, изложенных в учебниках истории, и проникновение в более глубокие слои прошлого [Реди 2020: 398]).

Не дают исследователи и однозначного определения жанру романов Шарова. И. Роднянская и С. Костырко определили в 1993 году как «роман-миф, философская мистерия». А. Габриэлова называет романы Шарова квазиисторическими, А. Горбенко романами палимпсестами, Д. Бавильский определяет как романы параллельной истории.

Подводя некоторые итоги этой полемики, заметим: как бы автор ни отрицал наличие постмодернистских тенденций в романах, выражаясь словами самого Шарова, постмодернизм нельзя «свернуть, как старый ковер, и отправить в чулан» [Шаров 2018j: 206], он все равно, как любое историческое событие, оставит свой след. Сегодня романы Шарова понимаются как характерные образцы постмодернистского романа (М. Эпштейном, М. Липовецким, Н. Лейдерманом, И. Скоропановой, Т. Марковой, Т. Бреевой и др.). В них используются многие инструменты, характерные для литературы этого периода: интертекстуальность, цитатность, деконструкция, игра следов, фрагментарность, ирония, пародия, многокультурность и т.д. Именно эти инструменты помогают В. Шарову в воплощении историософских идей. Реалистическое миропонимание и модернистское по природе мифотворчество Шарова не исключают использования постмодернистских инструментов.

Выводы по главе.

Историософские взгляды В. Шарова формировались на протяжении всей его жизни. Нам представлялось важным проследить процесс развития историософских воззрений писателя, начиная с его кандидатской диссертации.

Диссертационное исследование Шарова дало ему материалы для продолжения изучения опричнины и после получения им степени кандидата исторических наук.

Последующая работа над «опричниной» и обращение к другим «узловым» периодам в истории России (к революции Петра I, к революциям В. Ленина и И. Сталина) позволило Шарову определить ещё одну важную черту русской истории – религиозный характер отношений власти и народа, позволило

выявить два образующих эти отношения мифа: мессианский и эсхатологический.

Идеи, усвоенные Шаровым-писателем от Шарова-историка, сформировали его историософскую концепцию, выраженную в большей степени в фикциональных текстах автора. В романах писателя «узлом истории становится не период «смутного» времени, а Церковный раскол XVII века, окончательно закрепивший расхождение власти и народа, и обосновавший вечное движение страны в разные стороны (старообрядцы и одну сторону, никонианцы – в другую). В романах писателя XX век в России с его постоянными революциями представляется одним из ярких и сильных последствий религиозного раскола в стране.

Историософская концепция выражается писателем на разных уровнях фикционального текста. Результаты анализа и сопоставления фикциональных текстов В. Шарова с научной диссертацией, а также с эссеистическими работами позволили определить центральные элементы историософской концепции Владимира Шарова. Смысл русской истории сформирован эсхатологическим и мессианским мифами, движущей силой истории стал вечный раскол русского общества, а основным принципом движения становится цикличность.

В своих взглядах на русскую историю Шаров опирался на множество источников, которые были названы в работе. Однако историософская модель (воплощенная и в романах) Владимира Шарова имеет логику, опирающуюся на тот пласт истории русской культуры, который нельзя обойти при изучении историософии Владимира Шарова. Это русская религиозная философия.

Глава 2. Русская религиозная философия в творчестве Владимира

Шарова.

2.1. О «Русской идее»

В настоящей главе предпринят опыт сопоставления историософских идей Шарова с концепциями, существовавшими в российской философии, публицистике – теми, что отозвались в его творчестве.

Русская религиозная философия XIX – XX веков (философы В. Соловьев, С. Булгаков, Н. Лосский, Н. Бердяев и др.) – занималась в первую очередь осмыслением истории России, которая во многом определялась православием. Владимир Шаров тоже обращается и к истории философской мысли в России, но в большей степени – к этой истории, уже пропущенной через призму восприятия русских религиозных философов XX века.

История русской философской мысли восходит к произведениям XI и XVI веков: «Слову о законе и благодати» киевского митрополита Иллариона (XI век), «Сказании о князьях Владимирских» (XVI век, автор неизвестен) и учению «Москва – третий Рим» старца Елезарова монастыря Филофея (XVI век).

Шаров полагает идею богоизбранности едва ли не основной в самосознании России: «Убеждение, что Русь находится под “покровом Божиим”, “Господней благодатью” и “великой милостью”, “является землей богоизбранной”, сформировалось еще до Ферраро-Флорентийского собора (1438—1439) и падения Константинополя» [Шаров 1991а: 23].

Русская религиозная философия оформилась в конце XIX – начале XX века. И уже на стадии зарождения – деятельности славянофилов – в ней был важен религиозный аспект. В конце XX и начале XXI веков отношение к русской религиозной философии неоднозначно. С одной стороны, в советской и постсоветской философии она воспринимается как связанная «с христианством <...> сложная система, в которой переплетены культовые и мировоззренческие элементы» [Марчевская 2004: 8]. С другой стороны, она понимается как тупик русской философии, так как «философская мысль всегда

заклучена в определенные рамки, за которые она не смеет выйти. Для него всегда существует набор положений, в правильности которых он не имеет права усомниться» [Семенов 1997: 9].

Сквозными в русской религиозной философии стали следующие проблемы: «философский антропологизм; идея прогресса; проблема природы сознания; проблема сельской общины; проблема народа и национальности, а также проблема интеллигенции и русской культуры и ее место в системе культур Запада и Востока. Как как глубочайшее основание всей и всякой деятельности, как потребность каждой отдельной личности, как то, в жертву чему должно быть принесено решительно все, понимается идея соборности» [Марчевская 2004:11].

Эти константы русской мысли в разных интерпретациях фигурируют в статьях Шарова («Между двух революций», «Октябрь семнадцатого года и конец истории»), в его романах («Будьте как дети», «Возвращение в Египет», «Царство Агамемнона»).

Однако эти идеи можно считать *изображенными* в творчестве Шарова, воплощенными и в художественных образах. Оценка этих идей, их интерпретация в работах Шарова и его романах соотносится, как нам представляется, с интерпретацией их в русской религиозной философии XX века – в том комплексе проблем, что обобщенно назван «русской идеей».

Систематизированное философское обоснование русской идеи было впервые сделано русским философом Владимиром Соловьевым. Философия Соловьева была первой системной христианской философией. Владимир Сергеевич Соловьев (1853-1900), автор работ «Кризис западной философии» (1874), «Философские начала цельного знания» (1877), «Чтения о Богочеловечности» (1878), «Критика отвлеченных начал» (1880), «Три разговора» (1900).

Для соотнесения с творчеством Шарова нас в первую очередь интересует доклад, сделанный В.Соловьевым в Париже в 1888г. «Русская идея». В России этот доклад был опубликован только в 1900 году в переводе Г.А. Рачинского.

В этой работе впервые была сформулирована «русская идея». В.Соловьев в работе ставит вопрос «о смысле существования России во всемирной истории» [Соловьев 1911]. Владимир Соловьев отвечает на вопрос следующим образом: «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [Соловьев 1911: 3].

Впоследствии концепцию русской идеи Соловьева продолжили философы В. Розанов, Н. Бердяев, С. Булгаков и др.

Русская идея, по Соловьеву, заключается в признании связи со вселенской Церковью, с народом Христа. По Соловьеву, России необходимо направить всю мощь империи на достижение единства «социальной троицы, где каждое из трех главных органических единств, церковь, государство и общество» [Соловьев 1911: 6-7] будут находиться в безусловной внутренней связи друг с другом. России необходимо восстановить это триединство не только на своей территории, но и на всей земле.

К трудам В. Соловьева Шаров напрямую не обращается в публицистике, мы видим Соловьева только в романе «До и во время» в качестве ученика и последователя идей Н.Ф. Федорова.

Русская идея, как ее представляли философы Серебряного века, развивалась прежде всего писателями – быть может, в большей степени, чем философами. Н. Бердяев, например, в работе «Русская идея», множество глав посвятил философии и взглядам Толстого, Достоевского, Гоголя и др. В XIX веке историсофские идеи обсуждались А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским, Ф.И. Тютчевым, А.П. Чеховым, Л.Н. Толстым и др. В XX веке вопрос о предназначении стал ещё активнее разрабатываться писателями и поэтами, они вступали в философские кружки и выпускали отдельные работы, например, Андрей Белый, Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, А.А. Блок.

Н.А. Бердяев в работе «Русская идея» писал о значении идей Гоголя для русской философии и литературы: «С Гоголя начинается религиозно-

нравственный характер русской литературы, её мессианства. В этом большое значение Гоголя, помимо его значения как художника» [Бердяев 2015: 97].

Мы не будем останавливаться в настоящей работе на подробном анализе идей русских писателей в шаровском творчестве. Это тема неисчерпаемая, но в ней уже немало сделано литературоведением. Изучению отражения философских идей Н.В. Гоголя в произведениях В. Шарова посвящены работы Ю.В. Меладшиной, Б. Горски, В.Ю. Баль, А. Габриэловой. Исследователи выделяют ключевые идеи Н.В. Гоголя, которые осмысляет в фикциональных текстах В. Шаров: мессианская идея писателя: «особой критике подвергается несостоявшаяся роль спасителя, которую пытался примерить на себя Гоголь» [Баль 2015: 45], характерные для Гоголя и его героев самозванство и странничество (Ю.В. Меладшина, А. Габриэлова).

К произведениям Н.В. Гоголя Владимир Шаров обращается в нескольких романах: «След в след» (1991), «Репетиции» (1992), «Возвращение в Египет» (2013), «Царство Агамемнона» (2018). Б. Горски в статье «Шаров и правда, или Путь Гоголя» (2020) прослеживает эволюцию включения идей Гоголя в фикциональные тексты В. Шарова. Обозначим центральные философские идеи писателя Н.В. Гоголя, воплощенные в романах В. Шарова.

Гоголь верил в избранность русского народа, в то, что именно в России случится воскресение Христа, именно Россия сможет спасти христиан, в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь писал: «Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее -- и праздник Светлого Воскресенья воспряднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов!» [Гоголь 1847: 285]

По мнению героев романа «Возвращение в Египет», Гоголь верил, что спастись сможет каждый, каждый является избранным: «Сам Гоголь за избранный народ держал всех, кто готов обратиться к Богу» [Шаров 2013: 420].

Некоторые литературоведы, занимающиеся литературой XIX века, считают, что Л. Толстым и Ф. Достоевским была перенята идея Н. Гоголя о возможности «воскресения» русского человека и его души для жизни в Раю, но по-разному воплощена: «Она получила свое дальнейшее развитие в “Войне и мире” и “Воскресении”, так же как в великих романах Достоевского от “Преступления и наказания” до “Братьев Карамазовых”» [Фридендер 1996: 19].

В. Шаров в романах обращается к идеям Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого тоже в связи с осмыслением идей Н.В. Гоголя. О влиянии философии Л.Н. Толстого на творчество В. Шарова писала С.Emerson, ею были обнаружены связи с идеями Толстого не только в романах, в которых Шаров явно обращался к образу писателя («До и во время» (1993), «Воскрешение Лазаря» (2002)), но и интертекстуальные связи в романах «Будьте как дети» (2008), и в эссеистике писателя. Центральными для Шарова стали идеи Л.Н. Толстого о семье, как «среды, противостоящей злу» [Emerson 2020: 238], и представления о развитии нации, которую «Власть апроприирует с помощью Идеи» [Emerson 2020: 221].

О влиянии философских взглядов Ф.М. Достоевского на представления В. Шарова писал М. Эпштейн в статье «Сатанодицея: Религиозный смысл русской истории по Владимиру Шарову» (2020). М. Эпштейн анализирует последний роман В. Шарова «Царство Агамемнона» (2018), в котором воплотились идеи разных героев произведений Ф.М. Достоевского. В виде палимпсеста, по мнению ученого, воплощается идея теоретика революции Шигалева («Бесы») у героев Шарова: «они начинают с безграничного деспотизма и приходят к вечной благодати» [Эпштейн 2020: 261]. Переворачивается в романе Шарова и формула Великого Инквизитора: «нет Царствия Небесного, но во имя счастья людей должно быть построено земное царство сытости, всеобщего благополучия и довольства» [Эпштейн 2020: 266]: герои Шарова верят в Небесное Царство, но, чтобы в него попасть,

необходимо преодолеть как можно больше страданий, помочь множеству людей стать мучениками. Реализуется идея через репрессии в советское время.

Шаров и его герои пребывают в непрерывном диалоге с Достоевским. XX век разочаровал главного героя романа «Царство Агамемнона» Н. Жестовского, поскольку показал: идеальная правда Алеши Карамазова не стала бы правдой для русского человека, «была бы еще одной полуправдой, потому что настоящая правда – она у Смердякова» [Шаров 2018m: 361]. По мнению Н.Жестовского, именно род Карамазовых являет собой реальных идеологов, а не скромный и тихий Алеша или Моисей. «Сначала они искусно нас тормозят, отворачивают от Святой Земли, а потом, сковырнув нового Моисея (Ленина), устанавливают над народом полную власть» [Шаров 2018m: 311]. Жестовский делает главным героем романа Смердякова (его роль в романе занимает царубийца Гавриил Мясников). Жестовский и его дочь видят, что советская Россия становится буквально калькой смердяковского тома «Братьев Карамазовых», который пишет Н. Жестовский: «Какую советскую газету тех лет ни возьми, везде сотни имен вредителей. И среди них не только Карамазовы, случаются и другие фамилии. Скопом они вредят, гадят исподтишка, подличают. В общем, мешают нам идти в светлое будущее» [Шаров 2018m: 312].

В последнем романе отражаются и представления Ф.М. Достоевского о характерных чертах русской истории: влияние последствий церковного раскола, самозванство. Советское время показывает и доказывает Н. Жестовскому, что путь в Небесный Иерусалим невозможно преодолеть, всегда есть те, кто поддастся власти Антихриста, будет обижен на остальных, будет отвергать их идеи (воплощение идеи раскола), кто возомнит себя Моисеем и свергнет истинного (идея самозванства), и приведет народ обратно в рабство, в царство Антихриста, далекое от Святой Земли.

В романе Жестовского, начатого как история об Алеше, Смердяков вновь победил: «И вот пятый отцовский том «Карамазовых» не о младшем из братьев – Алеше, как предполагал Достоевский; он есть книга несчастного, вся

жизнь которого от – зачат в канаве дурочкой, убогой идиоткой, изнасилованной наплевавшим на все мыслимые законы мерзавцем – до слуги этого самого мерзавца – есть прямое обвинение, прямое свидетельство преступности нашего мира. Она книга презренного смерда, который, будто античный герой, восстал, поднялся против нашей общей неправды. Готов извести ее под корень» [Шаров 2018: 214].

Именно Смердяковы в итоге правили Советской Россией, в понимании героев романа «Царство Агамемнона», свергнув царскую власть, идущую за Алешей Карамазовым.

Философские воззрения русских писателей стали одним из оснований в процессе формирования представлений о русской идее. Это ярко выражено в философских работах Н. Бердяева. Одной из первых работ о революции стала «Духи русской революции» (1918), в которых философ начал формулировать составляющие русской идеи, была посвящена осмыслению идей великих русских писателей Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Концепции Бердяева во многом схожи с философскими взглядами В. Шарова на логику истории России, поэтому на их анализе следует остановиться подробнее.

2.2. Идеи Николая Бердяева в историософии Владимира Шарова

Николай Бердяев посвятил пониманию «русской идеи» работы «Душа России» (1915), «Духи русской революции» (1918), «Судьба России (опыт по психологии войны и национальности)» (1918), «Духовные основы русской революции» (1918), «Смысл истории» (1923), «Истоки и смысл русского коммунизма» (1938), «Русская идея» (1946) и др.

В Н. Бердяев начале работы «Русская идея» (1946) определяет свою задачу словами, близкими тем, что сказал В. Соловьев: «Меня будет интересовать не столько вопрос о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостигаемый образ русского народа, его идея» [Бердяев 2015: 290]. А.Л. Андреев, автор работ о философии Н.Бердяева,

в комментарии к работе «Истоки и смысл русского коммунизма» писал: «Постичь внутреннюю закономерность русской истории, по Бердяеву, значит понять “русскую идею”» [Андреев 1990: 187]. На наш взгляд, именно «русскую идею» на протяжении всего творческого периода Владимир Шаров старался понять.

В работе «Записи деда» (впервые опубликованной в первом романе «След в след» в 1991г.) Шаров пишет: «Страна не может жить без цели и смысла, без самооправдания. Смысл истории твоего народа – это и есть божественная санкция на его существование» [Шаров 2009b: 169].

Первое эссе Владимира Шарова, посвященное осмыслению истории России, даже названы в духе глав работы Н. Бердяева «Судьба России» (опыт по психологии войны и национальности)» (1918): «Психология русской истории» (1991).

Работа Шарова «Психология русской истории» посвящена анализу и обнаружению закономерностей революций в России: «я с некоторым изумлением обнаружил, что те очень яркие детали отечественной истории, на самом деле суть, корень, законная часть несущей конструкции. Подобная несообразность наводила на размышления, и я захотел проверить, не фантом ли это, не обман ли зрения» [Шаров 2009a: 100].

В основе логики русской истории у Владимира Шарова лежит не объективная история, а **история идей**, «боковых ответвлений», об этом он часто говорил в интервью: «Мне кажется, что история намного более сложна, чем та, какой она попадает в монографии, а тем более в учебники. Элиты не любят ошибаться, поэтому из памяти выбрасываются, безжалостно выкорчевываются все боковые ветви, ходы, по которым мы шли, но которые никуда не привели, оказались тупиком» [Борисов 2020: 668].

Н. Бердяев понимал историю как историю мифов, то есть историю человеческих представлений о мире. «Миф же не есть вымысел, а реальность, но реальность иного порядка, чем реальность так называемой объективной эмпирической данности. <...> Мы не можем понять исключительно объективной

истории. Нам нужна внутренняя, глубинная, таинственная связь с историческим объектом» [Бердяев 2016: 28].

Бердяев в работах показывает, что история России, русский народ сформирован двумя главными религиозными идеями: мессианской и эсхатологической. «Доктрина о Москве, как Третьем Риме», стала идеологическим базисом образования московского царства. Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи» [Бердяев 1990: 9]. И также важен для России, по Бердяеву, эсхатологический миф, миф ожидания конца: «Есть два преобладающих мифа, которые могут стать динамическими в жизни народов, – миф о происхождении и миф о конце. У русских преобладает второй миф – миф эсхатологический» [Бердяев 2015: 41].

Владимир Шаров также видит **мессианский и эсхатологический характер** как основу понимания истории России. В работе «"О записных книжках"» Андрея Платонова» он пишет: «Известно, что христианство, каким оно появилось на свет Божий, было религией "конца"» [Шаров 2009d: 13]. И в статье «Между двух революций» читаем о мессианской идее: «Церковные литераторы XV века сказали московским князьям, что именно им суждено возглавить поход к добру, сыграть главную роль в спасении и распространении истинной веры <...> Монастырские книжники поставили русскую историю в центр мира» [Шаров 2009d: 17].

Расхождение мессианской и эсхатологической идей было усугублено **Церковным расколом XVII века**. Н. Бердяев писал: «В XVII веке произошло одно из самых важных событий русской истории – религиозный раскол старообрядчества <...> В расколе была и более глубокая, историософская тема. Вопрос шел о том, исполняет ли русский народ своё мессианское призвание <...> В народе проснулось подозрение, что православное царство, Третий Рим, повредилось, произошла измена истинной веры. Государственной властью и высшей церковной иерархией овладел антихрист» [Бердяев 1990: 10].

В. Шаров пишет о расколе следующее: «Во время этого раскола две половины общества очень честно и очень страшно поделили между собой все

то понимание Бога и мира, которые Россия успела накопить за шесть с половиной веков после крещения» [Шаров 2018j: 224].

Революции в России, особенно революции XX века, оба автора рассматривают как последствие Церковного раскола. Н. Бердяев: «Русские ортодоксы и апокалиптики и тогда, когда они в XVIIв. были раскольниками-старообрядцами, и тогда, когда в XIXв. они стали революционерами, нигилистами, коммунистами» [Бердяев 1990: 9]. В. Шаров: «Корень русской революции – в разных, друг другу бесконечно враждебных толкованиях учения Филофея. Впоследствии они на века разделили русский народ» [Шаров 2009d: 19].

Николай Бердяев не только связывает революции с Церковным расколом, но и отмечает, что раскольников (революционеры у него – те же раскольники) является одной из важных констант русской истории. И именно раскольников становится той чертой, которая каждый раз все больше отдаляет Россию от реализации мессианской идеи. Именно раскол показал, что Россия свернула с пути Третьего Рима: «Русские – раскольники, это глубокая черта нашего народного характера <...> Наибольшее значение имел наш церковный раскол. С него начинается глубокое раздвоение в русской жизни и русской истории, внутренняя расколотость, которая будет продолжаться до революции <...> Это кризис русской мессианской идеи» [Бердяев 2015: 17]. «Раскол нанес первый удар идее Москвы, как Третьего Рима. Он означал неблагополучие русского мессианского сознания. Второй удар нанесен реформой Петра Великого» [Бердяев 1990: 11].

Раскол – одна из основных тем Шарова - как в публицистике, так и в романах. Рассмотрим, как в художественных текстах В. Шарова претворяется история России в ее связи с толкованиями раскола авторами «русской идеи».

В фикциональных текстах В. Шаров развивает и преобразует в жизни героев взгляд на революции как последствие раскола. Герой романа «Царство Агамемнона» (2018) и вставного одноименного романа (автор произведения в романе Николай Жестовский) Гавриил Мясников руководит революционной

борьбой рабочих Мотовилихинских заводов. Романый Мясников – выходец из семьи раскольников: «Мясников – потомственный уральский пролетарий, предки, кажется, из раскольников, и что с 1904 года он член РСДРП. Активный участник революции 1905 года, причем занимался не пропагандой – бомбист и экспроприатор» [Шаров 2018m: 184].

Герои Шарова видят вину советской власти, греховность произошедших изменений в духе бердяевских оценок. Н. Бердяев писал: «Русский коммунизм, если взглянуть на него глубже, в свете русской исторической судьбы, есть деформация русской идеи, русского мессианизма и универсализма, русского искания царства правды, русской идеи, принявшей в атмосфере войны и разложения уродливые формы» [Бердяев 1990: 126]. Николай Жестовский в романе «Царство Агамемнона» пишет о советском времени: «церковь – захвачена сатанинским отродьем обновленцев (оттого и таинства безблагодатны), царство – ныне антихристова власть большевиков, которая разоряет храмы, монастыри и режет священников, будто скот; миром правят доносы, предательства, карающий невинных суд. Дети в царстве антихриста публично отрекаются от родителей, а родители от детей» [Шаров 2018m: 215].

Опорой коммунизма в России, по Бердяеву, стала мессианская идея, поэтому именно в России он смог победить: «Вместо Третьего Рима, в России удалось осуществить Третий Интернационал и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство и оно тоже основано на ортодоксальной вере... Это есть трансформация русского мессианизма» [Бердяев 1990: 118].

Поддержал такой взгляд на советский строй и шаровский герой Николай Жестовский. Он был четырежды арестован и каждый раз сидел весь положенный ему срок, считая, что вождь делает все, чтобы избавить страну и народ от власти антихриста: «Думал, что вот он, Сталин, соорудил огромный алтарь и, очищая нас, приносит жертву за жертвой, что необходимы гекатомбы очистительных жертв, чтобы искупить наши грехи. И я не знаю, получится у

Сталина или не получится, в любом случае, он делает всё, чтобы нас спасти» [Шаров 2018m: 155].

Жестовский считает, что историю можно понять только благодаря другой власти, человек сам не поймет и должен доверять правителю, он сможет объяснить, что к чему: «[Н. Жестовский] объяснял нашему соседу в Ухте, что единственные, чьим мнением на их счет мы можем доверять, это другие правители. И не важно, о чем речь: о планах или о том, что в итоге из них проистекло, вылупилось на свет божий. Вышеупомянутого царя Ивана IV Васильевича Грозного, повторял отец, вправе судить лишь император Петр I да наш Иосиф Сталин. Оценки остальных (неважно, оправдывают они Грозного или клеймят) не стоят ломаного гроша. А вот за то, что Сталин думает об Иване IV, не жалко полновесного червонца. И суть не в том, что у нас на царя Ивана теперь раскроются глаза. Оно, конечно, имеет место, но так, побочный продукт. Главное же – тебе со всей возможной прямоотой объясняют, что творится вокруг» [Шаров 2018m: 105].

Понимание «русской идеи» лежит не только в определении логики русской истории, но и в понимании **характера, ментальности русского народа**. Н.Бердяев пишет о русском человеке: «Русскому народу свойственно философствовать. Русский безграмотный мужик ставит вопросы философского характера – о смысле жизни, о Боге, о вечной жизни, о зле и неправде, о том, как осуществить Царство Божие» [Бердяев 2015: 37]. В романе «Царство Агамемнона» чуть ли не каждый герой занят осмыслением хода русской истории, задается вопросами о спасении и приближении Царства Небесного. Дочь Жестовского задается вопросами о смысле истории, её муж Телегин вместе с Жестовским изучает «Философию убийства» Г. Мясникова, обсуждая вместе с Жестовским смысл «Философии» и революции вообще.

О мессианской и эсхатологической идеях, о церковном расколе герои романов В. Шарова размышляют в переписке, в диалогах. А черты характера русского народа, обозначенные и Н. Бердяевым, проявляются в жизни самих героев фикциональных текстов В. Шарова.

Все герои романов Шарова живут семьями, для самого В. Шарова **род** - центральное понятие в истории России, писатель считает, что род формирует человека, от семьи нельзя отказаться. Но в романах чаще всего род представляет собой не кровных родственников, а группу людей, объединенных общими задачами или идеями, то есть некоторую общину или коммуны. Для русского человека род, семья есть способ организации жизни. Н. Бердяев отмечает, что несмотря на раскольничий характер народа, «раскольники обнаружили огромную способность к общинному устройству и самоуправлению» [Бердяев 2015: 19].

В эссе, входившем и в первый роман «След в след» (1991), В. Шаров также пишет о родовых отношениях как основе организации сообществ в России: «Секты и партии можно рассматривать как возвращение к реликтовым родовым отношениям (отсюда и вожди), которые единственные могут обеспечить поддержку своим членам в смутное время. Похожи они на род и по структуре своей, и по духу (глава рода, культ предков и т.д.). В обществе, пораженном кризисом, выгоднее иметь немногих надежных соратников и многочисленных, но раздробленных противников, нежели не иметь ни тех, ни других» [Шаров 2009b: 158].

В романах история героев так или иначе организована вокруг рода. В романе «След в след» (1991) приемный сын изучает историю рода отца и так погружается в род, в романе «Репетиции» (1993) актеры мистерии становятся общиной, живут в ней на протяжении нескольких веков и каждый раз передают роли по наследству, не нарушая традиций и систему власти. В романе «Будьте как дети» (2008) несколько семей из соседних коммунальных квартир живут коммуной под руководством юридической, в романе «Возвращение в Египет» (2013) потомки Н.В. Гоголя, их друзья и товарищи ведут несмолкаемую переписку, обсуждают одни темы и считают себя единым родом Гоголей с Н.В. Гоголем во главе.

Ещё одна черта, характеризующая русский народ, – это склонность к **странничеству** Н. Бердяев пишет: «Русские – бегуны и разбойники. И русские

– странники, ищущие Божьей правды. Странники отказываются повиноваться властям. Путь земной представляется русскому народу путем бегства и странничества» [Бердяев 2015: 10].

Странники едва ли не все герои Шарова. Дети-сироты отправляются в Крестовый поход в романе «Будьте как дети» (2008), семья с детьми живут на карусели, постоянно «убегая» в процессе вращения карусели, ежедневно убирают все нажитые вещи с карусели и не оставляют следы на одном месте в романе «След в след» (1991).

И Бердяева, и Шарова занимает еще один феномен русской истории со времени правления Рюриковичей, – **самозванство**. Н. Бердяев писал: «Очень характерно для русского народа появление самозванных царей из народа и пророков-целителей. Самозванство – чисто русское явление» [Бердяев 2015: 19]. В. Шаров в исторических эссе формулирует несколько объяснений явлению самозванства в России. Первое связано со склонностью к отказу от прошлого, традиций: «Это был не путь, а разрыв с прошлым, его отрицание. У их власти не было самого главного – воспитания. Волею судеб они стали нуворишами и самозванцами и такими же нуворишами и самозванцами стремились окружить себя» [Шаров 2009а: 140]. Вторая причина связана с территориальной особенностью русского государства, с его масштабами: «Русское самозванство – от огромности территории, от раздробленности, от отсутствия связи и верных известий: только вера и только слухи – ничего достоверного» [Шаров 2009б: 168].

Главным романом В. Шарова о самозванцах стал последний роман автора «Царство Агамемнона» (2018). Повествование в романе начинается с истории, опубликованной в журнале «Эсквайр» о самозванце – внуке великого князя Михаила Романова – Евгении, который, как к концу романа выясняется, является внуком самозванца Михаила Романова, в образе которого скитался по стране главный герой романа – Николай Жестовский. «Внук великого князя Михаила Романова Евгений – возможно, бастард – законных детей у князя

Михаила не было, однако куда вероятнее, обыкновенный самозванец – в 1967 году бежит из советской Венгрии в Австрию» [Шаров 2018m: 7].

В романе все герои, так или иначе, являются самозванцами и вся история России начинает представляться как история мессий-самозванцев. Главный герой Николай Жестовский, автор одноименного романа «Царство Агамемнона», в молодости скитается по Уралу и Сибири в образе выжившего Михаила Романова: «На станции Пермь-Сортировочная, когда из меня стала уходить жизнь, она ведь не сразу из человека уходит: у тебя сначала одно отнимается, умирает, затем – другое, я чем-то глянулся великому князю Михаилу. Может статься, что раньше он жил в тех людях, которые его помнили, или в самозванцах, которые им, великим князем Михаилом, представлялись. Ведь самозванец, если вдуматься, он кто? Человек, который по собственному побуждению и тут же – по требованию народа – отказывается от своей жизни, освобождает себя для другого. Некий местоблюститель престола <...> Многие годы, – продолжал отец, – бал правил Михаил, тут сомнений нет. Я и кочевал по стране как великий князь. Конечно, главное, что действовало, что люди были готовы за мной на смерть пойти» [Шаров 2018m: 419].

В процессе создания романа и одновременно в процессе следствия над Г. Мясниковым (инициатором убийства Михаила Романова) Н. Жестовский изучает рукопись его исповеди «Философия убийства, или почему и как я убил Михаила Романова». Задача Жестовского состояла в том, чтобы помочь следствию по поручению Сталина «сломать» Мясникова перед расстрелом. Мясников в исповеди предстает триумфатором, он «на манер Троцкого решил переписать историю революции <...> Это доказательство, что русская революция Сталина просто не заметила. Потому что не убей, он, Мясников, Михаила Романова, а следом за ним не убили бы других великих князей в Алапаевске и Николая II в Екатеринбурге, Гражданская война длилась бы годы и годы, и неизвестно, чем бы закончилась. Получается, что Сталина в революции нет и никогда не было» [Шаров 2018m: 202].

Жестовский в «Философии убийства» Мясникова обнаружил главный страх автора книги – страх оказаться самозванцем, страх, что его подчиненные тогда не убили Михаила Романова, трусили и обманули его, и вновь сыграв Михаила Романова, как в раньше, Николай Жестовский вместе со следователем ломают Мясникова: «ведь тогда нет никакой роли Мясникова ни в революции, ни в Гражданской войне; во всем этом и в том, что было дальше, с начала и до конца, то есть, может быть, во веки веков победитель именно Сталин, а он, Мясников, как был, так и останется обыкновенным самозванцем» [Шаров 2018m: 205].

В конце романа Шарова герой-рассказчик Глеб находит письма от старца отца Никифора (в конце жизни им стал Н. Жестовский) отцу Игнатию. Письма, как оказалось, много лет писались не отцом Никифором (Николаем Жестовским в миру), а дочерью Жестовского и рассказчицей всей истории Глебу – Галиной Николаевной. «Мне было очень страшно, что из-за меня всё погибнет, и, значит, отец и думал и писал зря... я дала себе слово, что, сколько смогу, не дам ничему пропасть. Вот я и решила, что ещё лет пять, а то и больше, никому, что отец скончался, говорить не стану. Как и раньше, буду привозить письма» [Шаров 2018m: 654].

Так роман В. Шарова начинается с истории самозванца (внука Н. Жестовского), продолжается историей о самозванцах (Н. Жестовском в роли Михаила Романова) и завершается историей о самозванцах (о дочери Жестовского, писавшей письма за отца Никодима). И роман главного героя Н. Жестовского «Царство Агамемнона» завершает история Г. Мясникова, самозванца. Отец Н. Жестовский пишет греческий роман «Царство Агамемнона» и себя считает царем Агамемноном, дочь считает себя Электрой, свою мать Клитемнестрой, а брата Зорика – Орестом.

Свой роман Н. Жестовский видел как пятый том «Братьев Карамазовых»: «В итоге пятый, смердяковский том «Карамазовых» оказался очень сложным и страшным романом. Вместо положенного по всем правилам катарсиса его

финальную главу составило расследование дела Мясникова, завершившееся сломом самозванца» [Шаров 2018m: 205].

В ходе сопоставления философских размышлений Н. Бердяева и эссеистических работ В. Шарова мы увидели, что представления об основных движущих мифах (мессианском и эсхатологическом) у авторов совпадают, как и понимание Церковного раскола XVII как «узла» русской истории, определивших весь дальнейший путь России.

Другие представления Н. Бердяева о характере русского народа В. Шаровым фантазмагорически преобразовываются уже в романных текстах. Герои романов писателя (С. Колоухов в романе «След в след» (1991), В. Ленин (персонаж, только именем и общей ролью вождя соответствующий прототипу) в романе «Будьте как дети» (2008) и др.) проживают жизнь в соответствии с «русской идеей», распознанной и обозначенной Н. Бердяевым. Герои Шарова находятся в поисках пути к спасению, к Царствию Божьему. «Русская идея» есть понимание закономерностей русской истории, которые герои пытаются сломать, выйти за пределы вечного повтора истории, но вместо этого у них выходит только снова и снова следовать по пути «русской идеи».

2.3. «Философия общего дела» Николая Федорова в творчестве Владимира Шарова

Обратимся к автору, чьи работы Владимир Шаров подробно разбирает в эссеистике и чьи философские идеи воплощает в художественных работах, – к Николаю Федорову. Николай Федоров, на наш взгляд, оказал особенно важное воздействие на Владимира Шарова, следы его облика и идей присутствуют едва ли не во всех текстах писателя. О значении философии Федорова для Шарова пишет М. Эпштейн в работе «Сатанодицея. Религиозный смысл русской истории по Владимиру Шарову»: «Федоровская тематика столь важна для Шарова оттого, что вписана в священную русскую историю, и особенно конкретно – в советский период» [Эпштейн 2020: 151].

В статье «Октябрь семнадцатого и конец истории» (2018) Владимир Шаров и сам писал о значимости философии Федорова для всей истории России XX века: «То, как оно, это общество, будет строиться и каким в итоге должно оказаться, наверное, наиболее полно, не упуская даже мелких деталей, объяснил оригинальнейший русский философ-космист, автор «Философии общего дела» Николай Федоров. Для нас его учение важно по многим обстоятельствам, в частности, и потому, что Федоров оказал огромное влияние на всю русскую культуру и политическую мысль конца XIX – первой половины XX века. Под обаянием его личности и того, как он представлял себе дальнейший ход человеческой жизни, находились Толстой, Достоевский и Владимир Соловьев, Хлебников, Маяковский и Платонов, Циолковский, Филонов и Петров-Водкин. Чаще через них, а не напрямую, идеи Федорова и расходились по стране» [Шаров 2018j: 229].

Учение Николая Федоровича Федорова (1828 – 1903) тесно связано с христианством, с православием, в котором придается особая ценность идее воскресения и вечности жизни. Его идеи легли в основу направления, которое называют русским космизмом. С.Г. Семенова в работе «Философ будущего века: Николай Федоров» (2004) пишет о значении трудов Федорова для истории русской мысли: «Федорова недаром называют синкретическим родоначальником направления, получившего название русского космизма» [Семенова 2004: 465]. Борис Гройс в эссе «Русский космизм: биополитика бессмертия», предваряющем антологию текстов отечественных биоутопистов «Русский космизм» (2015), представляет обзор идей русского космизма. «Мир видится Федорову и другим русским космистам не Хаосом, а Космосом, т. е. не угрозой жизни, а ее домом. Эстетизация человека означает его музеелизацию — искусство становится технологией бессмертия. Да, человек есть всего лишь часть мира — он не стоит над миром и не владеет им. Но именно поэтому человеческая мысль провозглашается русскими космистами силой, которая может преобразовать мир. У Федорова, Муравьева, Циолковского и других авторов русского космизма центральным понятием

является «проект», или «план». Любые планы и проекты суть всего лишь мысли или даже скорее мечты. А в реальном мире мысль как таковая бессильна» [Гройс 2015].

Идеалом Федорова было осуществление Царства Божия в земном мире. Путь к Царству Божию Федоров видел в необходимости человеку научиться управлять природой для преодоления голода, удовлетворения всех жизненных потребностей и искоренению тем самым источника человеческой вражды. Также людям необходимо будет сосредоточить силы на науке, чтобы не только управлять природой на Земле, но и иметь возможность развиваться на других планетах вселенной. Все эти шаги должны были привести человечество к главной цели – воскрешению предков, Федоров считал аморальной позитивистскую теорию прогресса с её бессердечным отношением к поколениям прошлого и стремлением создать благополучение живущего поколения на трупах и страданиях предков. «Нужно жить не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а с каждым и для каждого; это союз живущих (сыновей) для воскрешения мертвых (отцов)» [Федоров 1997: 76].

Владимир Шаров обращается к работе Н. Федорова в каждой статье, посвященной истории России в XX веке, – «Это я: я прожил жизнь» (2000), «Между двух революций» (2005), «Памяти Пролетарской силы» (2009), «Октябрь семнадцатого года и конец истории» (2018) и др. В одном из интервью болгарскому журналисту и писателю Георги Борисову Шаров так определяет значение философии Федорова для русской религиозной философии: «Надо сказать, что Николай Федоров перестроил всю русскую эсхатологию в крайне оптимистическом духе. Если вкратце, то он сказал, что, подчинив русской короне земной шар, человек сам и уже сегодня, сейчас может разрушить тот насквозь греховный мир, в котором он живет, и построить на земле рай. Больше того, он может тоже сам, не дожидаясь Спасителя, начать воскрешение всех когда-либо живших на земле людей. То есть необязательны ни антихрист, ни Страшный суд, ни Второе пришествие» [Борисов 2020: 372].

Это толкование федоровских идей очень симптоматично, поскольку воплотилось и в романах Шарова. Так, во втором романе Шарова «Репетиции» (1992), деятельность сотрудников НКВД понимается этими сотрудниками как попытка увеличить количество новых мучеников, которых в дальнейшем воскресят: «Мы, чекисты, хотим и спасаем вас, таких же, как вы... Мы, чекисты, спасаем этих обреченных. Все те, кто пройдет через наши руки, спасутся. Мы воскресим и многих из уже погибших» [Шаров 1992: 13].

К работе «Философия общего дела» Федорова Шаров обращается в контексте понимания политики большевиков, понимания причин революции XX века в России. Революции в России Владимир Шаров вслед за С.Ф. Платоновым понимает как событие Смуты, а в основе всех революций лежит то различное понимание концепции Филофея «Москва – третий Рим» и Никонианские реформы XVII века, повлекшие Церковный раскол. Учение Николая Федорова в понимании Шарова дает тот шанс, который ждала вся страна, – возможность соединиться вновь, зарастить рану, созданную расколом: «Он был из первых, кто понял, что старое основание русского государственного порядка себя исчерпало. Оно треснуло и больше не держит нагрузки. Окончательное разделение святого народа, разное в нем понимание, куда и как должна идти страна, зашло слишком далеко, лишило его силы. И вот Федорову, давшему новый комментарий к Евангелиям Христа, пусть пока только на бумаге, но удалось преодолеть прежний раскол. Прочно скрепить обе враждебные части — имперскую и народную, сектантскую. Соединило их его “Общее дело”» [Шаров 2009d: 19].

В учении Федорова писатель видел оптимистичный и понятный для современников комментарий в Бытию, хотя и относился к его идеям настороженно, в интервью Шаров говорил: «Федоров дал самую оптимистическую, бесконечно светлую версию. Он считал, что человечеству по силам избежать смерти и Страшного суда» [Бойко 2008].

По Шарову, философские идеи Федорова были восприняты советской властью по нескольким причинам:

1. Философия Федорова основана на концепции «Москва – Третий Рим», сохраняет мессианский характер истории России: «Не просто сохранив — бесконечно усилив обе трактовки Москвы как Третьего Рима, он нашел точку, где они наконец сошлись. <...> Идущее от XV века русское понимание сути жизни было обновлено, на равных усилено, с одной стороны, учением Федорова, что святой народ, вновь став заодно, сможет без помощи Христа спасти весь человеческий род, а с другой — коммунизмом, с его идеей всемирного пролетарского государства и построения рая на земле» [Шаров 2009d: 19].

2. Федоров освободил избранный русский народ от «греха» и приравнял каждого человека к Христу: «Он сказал им, что причина засух и неурожаев, голодных лет и эпидемий не в невезении — корень всех бед куда глубже. Он в несовершенстве мира, который Бог создал и отдал людям. Кроме всего прочего, этими словами он оправдал человеческий род, очистил его от многих грехов» [Шаров 2009d: 20]. «Но цель, смысл и назначение этого федоровского мира — не умалить человека до не имеющего никаких прав солдата, а, наоборот, неизмеримо его возвысить, сделать каждого равным Христу, дав ему в руки дар воскрешения, а значит, и спасения всех когда-либо живших на земле людей» [Шаров 2000].

3. Атеизм большевиков также был оправдан «Философией общего дела»: «даже церковная политика коммунистов почти что напрашивается из его учения. У Федорова, конечно, был отказ от Бога (от Его помощи) во имя Бога, но так или иначе это было началом удаления Господа из нашего мира, из-под юрисдикции которого было изъято даже воскрешение мертвых. Так что деятельный, жизнеутверждающий атеизм большевиков с не меньшим основанием, чем из Маркса, я бы выводил и из федоровской “Философии общего дела”. И впрямь, если ждать Христа больше не нужно, все необходимое для спасения человеческого рода Он уже дал — остальное мы можем и должны сделать сами, своими руками, зачем тогда ходить в храм,

что-то по-прежнему бесконечно вымаливая. Надо работать, денно и нощно работать, а не ждать милости ни от Бога, ни от природы» [Шаров 2009d: 25].

4. Верховная власть получила путь, по которому она беспрепятственно продолжит путь по присоединению новых земель под свое царство: «Политическую карту грядущего Федоров представлял единой империей, она же – семья, законный отец которой наместник Царя Небесного на земле – русский царь. <...> верховная власть, по Федорову, должна была быть отдана и остаться навсегда за русским царем, на его прерогативы никто не только не посягает, наоборот, он – царь – основа и фундамент всего земного мироустройства» [Шаров 2018j: 230].

Федоровская «Философия общего дела» стала в конце XIX в. для России, ожидающей и приближающей приход Христа на протяжении многих веков, страдающей от революций, войн и голода, оправданием и новым маршрутом для спасения, который, по Шарову, усвоила и власть в XX веке.

Интересно, что Владимир Шаров видит воплощение федоровских идей в литературе – в частности, в творчестве Андрея Платонова. В концепции Федорова, после уравнивания всех неровностей поверхности земли (сравнения холмов и гор, корректировки русел рек, сравнения городов и деревень и т.д.) все люди должны были переехать жить на кладбище, где их основной задачей было бы воскрешение предков. Шаров в статье «Октябрь семнадцатого и конец истории» (2018) приводит в качестве примера воплощения идеи в произведениях последователей Федорова. Герои А. Платонова в «Чевенгуре» создают Мюнстерскую коммуну на кладбище [Шаров 2018j]: «Копенкин медленно прочитал громадную малиновую вывеску над воротами кладбища: «Совет социального человечества Чевенгурского освобожденного района» [Платонов 2009: 173].

Шаров заметил, что само мироустройство Чевенгура стало воплощением и концепции Маркса, и концепции Федорова в понимании большевиков с созданным руками коммунистов раем :

«– А раньше кто тут жил?

– Раньше буржуи жили. Для них мы с Чепурным второе пришествие организовали...» [Платонов 2009: 171]

«– Чевенгур от Новоселовска недалеко? – спросил Дванов.

– Конечно, недалеко. Только там гамаи живут и к нам не ходят, а у нас всему конец.

– Чему ж конец-то? – недоверчиво спрашивал Гопнер.

– Да всей всемирной истории – на что она нам нужна?» [Платонов 2009: 151]

Андрей Платонов изучал «Философию общего дела» Н. Федорова, об этом в воспоминаниях писала и его жена М.А Платонова: «“Философия общего дела” с многочисленными пометами хранилась в домашней библиотеке» [Семенова 1990: 364].

Мы видим, что «Философия общего дела» Н. Федорова, по мнению Шарова, стала, наряду с концепцией Маркса, основой для идей коммунизма в России и определила всю российскую историю XX века.

Шаров обращается к «Философии общего дела» Н. Федорова не только в публицистике, но и в романах. В раннем романе Шарова «До и во время» (1993) Николай Федоров становится одним из главных героев. Федоров, воплощение авторской фантазии, молодым знакомится с главной героиней – Жерменой де Сталь, проживающей свою вторую жизнь уже в России, а не во Франции, благодаря секрету продления жизни. Философия Федорова формируется в ходе монологов с Жерменой де Сталь (именуемой в России Евгенией Францевной). Целью «общения» Федорова и де Сталь были не отношения, а попытка «воскрешения Девы Марии», именно так воспринял Федоров Жермену де Сталь, когда впервые встретил её в прозрачном стеклянном коробе. И все 5 лет их отношений Жермена де Сталь продолжала встречать его лежа в коробе и молча слушая размышления философа: «Ведь он сам с первого мгновения, как увидел ее на проселочной дороге, пошел за ней потому, что знал, верил, что сможет ее воскресить» [Шаров 2022: 183].

Роман «До и во время» был самым «скандальным» романом Шарова. Скандал, начатый в журнале «Новый мир» в 1993 году, повлек большое

количество отзывов критиков, как положительных, так и отрицательных. И именно образ героя Н. Федорова в романе вызвал множество критики, связанной с недостоверностью биографии философа. Однако важно помнить, что Федоров в романе – фикциональный образ, имеющий схожие идеи с философом Н. Федоровым. В 1993г. в «Независимой газете» вышли две статьи, «защищающие» роман Шарова, в которых критики разбирают, как сделан фикциональный текст автора. В них, конечно, особое внимание уделено и образу Н. Федорова. С. Кайдаш пишет об «исторической» оправданности связи Федорова и Ленина в романе: «Ленин у Шарова – последователь Федорова, который, как известно, хотел воскресить мертвых, а сама эта идея напоминает автору “Синодик” Ивана Грозного, заносившего туда всех убиенных им. Роковая связь между “Синодиком” И.Грозного и мечтой философа Федорова побуждает героя романа и его автора надорваться на мысли, что Воскресение в православие есть разрешение “убивать себе подобных сколько тебе заблагорассудится”» [Кайдаш 1993]. В том же выпуске опубликовано интервью и с самим писателем Шаровым, в котором он также дает комментарий к образу героя Федорова в романе: «У меня Федоров – Ной, святой, самый святой человек из всех живущих на земле» [Шохина 1993].

Основные идеи «Философии общего дела» воплощены в романе достаточно полно: задача человечества – осознать, что различия природные и классовые – это то, что мешает человеку прийти к Царствию Небесному. Рассказчик истории Федорова и де Сталь в романе – Николай Семенович Ифраимов – так понимает философию Федорова: «Человек вырубит леса и превратит их в пашню, оросит пустыни и тоже сделает из них пашню, и вот, когда вся земля станет одним огромным ровным полем и уже никто не будет голодать, никто изо дня в день не будет думать лишь о хлебе насущном, человек сможет заняться главным делом – делом воскрешения своего рода, высоким делом преобразования земного, смертного по своей природе мира в мир без смерти – Царствие Небесное» [Шаров 2022: 178].

Людам необходимо признать, что Бог дал силу человеку самому создать на земле Царствие и самому воскрешать людей. Федоров говорит Жермене де Сталь: «в Евангелиях всё это уже есть – дело спасения человека завещано Господом самому человеку; Христос дал нам лишь начатки учения, только семя его, и, если мы окажемся доброй почвой, почвой, хорошо увлажненной и взрыхленной, оно вырастет в нас, созреет и даст плоды. Он часто вспоминал слова Христа: “Дела, которые творю Я (воскрешение из мертвых), и он (пошедший за мной, то есть человек) сотворит, и больше сих сотворит...” – и другие: “Шедше научите все языки...”» [Шаров 2022: 181]

Важно, что в романе «До и во время» Владимир Шаров, как и в публицистике, отражает влияние философии Федорова на русскую революцию XX века. Жермена де Сталь, вновь переродившись и проживая свою третью и последнюю жизнь, вновь находит Федорова, которого селит у себя в особняке, и создает кружок Федоровцев.

«Кружок» Федорова реально существовал в 1880-90х годах в период работы Н. Федорова в Румянцевской библиотеке. В него входили выдающиеся деятели русской культуры – В. Соловьев, Л. Толстой, А. Фет, Н. Страхов, В. Верещагин, Л. Пастернак и др. На встречах обсуждались вопросы веры, судьбы культуры, пути России и т.д.

В романе в кружок Федоровцев, последователей Н. Федорова, входят Толстой, Достоевский, Соловьев и др.: «Круг почитателей Федорова был очень широк, и круг этот вслед за ним тоже целиком перекочевал на Ордынку. Состоял он из людей выдающихся. Достаточно назвать имена Толстого и Достоевского, были там и другие замечательные лица, например, Владимир Соловьев; каждый из них в свою очередь имел свиту учеников, то есть Федоров был учителем учителей, и все они, повторяю, по вторникам и пятницам наполняли ее дом» [Шаров 2022: 195].

Но кружку Федоровцев в романе не было суждено напрямую повлиять на ход революции. Когда Федоров уже не мог руководить кружком, он и де Сталь разыграли его смерть. Часть федоровского кружка объединились вокруг

последователя Федорова – Владимира Соловьева, эта часть кружка продолжала разрабатывать революционные идеи, однако на действия они так и не решились даже тогда, когда революция началась.

Вторая часть кружка откололась и присоединилась к Плеханову: именно так произошло влияние идей Федорова на деятельность большевиков. Федоровцы, не найдя общий язык с Плехановым, со временем объединились с Лениным и образовали «независимую фракцию большевиков» [Шаров 2022: 202].

В романе Шарова федоровские идеи оставили след в научной деятельности: для воскрешения людей было необходимо научиться отправлять их в космос, и в репрессиях, которым подвергались люди только с целью беспрепятственного достижения Царствия Небесного и с последующей обязательностью воскрешения всех убитых: «В 1924 году федоровцы и настояли на том, чтобы сохранить Ленина нетленным, как бы спящим в стеклянном гробу, пока Россия не построит для него ракету. Конструированием ее почти тридцать лет занимался федоровец Циолковский. На ракете Ленина должны были доставить в космос, где, освободившись от притяжения Земли, он восстанет из праха и сможет снова возглавить мировую революцию. Принадлежала федоровцам и еще одна, возможно, решающая для судеб революции мысль. Они говорили, что, учитывая, что смерть не окончательна, сейчас правильно и даже необходимо уничтожать, причем для их же собственного блага, каждого, чье существование препятствует общему делу – воскресению всех, когда-либо живших на Земле людей» [Шаров 2022: 203].

То есть реально существовавший в 1880 – 1890гг. кружок федоровцев в романе Шарова обретает особую силу и значимость, через его историю Шаров показывает революционные политические идеи времени. При этом в духе постмодернизма «опустошается» биография, человеческие качества прототипа, но идеи сохраняются и претворяются в причудливых сюжетах.

Таким образом, Шаров воссоздает в романах историю русской философии, связь Федорова с Циолковским, Соловьевым в виде художественного трансфикционального нарратива.

Сделаем ещё одно важное замечание. Идеологическая основа философии Н. Федорова в романе строится на базе религиозной концепции «Москва – Третий Рим», и наследует заложенную в русском народе мессианскую идею. Ифраимов, рассказывая историю Федорова повествователю, говорит: «он [Федоров] не сказал ничего нового, они и сами это знали, и предки их испокон веку это знали, а он только дал понять, что пришел срок. <...> Русь была святой землей, землей, которая была избрана Богом, чтобы вывести на дорогу спасения и повести по ней к Господу все другие народы и языки, – это они слышали от него, но то же знали и сами; и они понимали, что как они, русские, избраны среди других народов, так он избран среди них» [Шаров 2022: 194]. Однако у Н. Федорова в философских работах концепция «Москва – Третий Рим» переосмысливается, он не считает Москву Третьим Римом, объясняет необходимость вступления в общее дело по созданию единого общего мира. То есть романский Федоров явно не повторяет реальные идеи Федорова.

У Шарова есть еще один роман, в котором философия Федорова стала основной романной интриги – «Воскрешение Лазаря» (2002). Герои романа идут дальше героев романа «До и во время», они уже не готовятся к воплощению идей Федорова, а стараются их реализовать. Главный герой живет у кладбища и его цель – воскрешение отца Лазаря, он действует по методикам Николая Федорова: «Федоров, наш первоучитель, говорил, что кладбища надо превратить в кладбища-архивы, кладбища-музеи и библиотеки; за остальных не скажу, но я другого пути не вижу» [Шаров 2019: 111]. В романе целый коллектив работает по наследию Федорова, занимаясь воскрешением отцов: «люди, что поселились на кладбище, разные: одни и вправду надеются победить смерть, другие лишь хотят вернуть прошлое» [Шаров 2019: 54].

Однако идея воскрешения в романе представлена в фантазмагорическом духе применительно к деятельности НКВД. Основная задача следователей – сохранять историю человека, чтобы в дальнейшем можно было воскресить каждого умершего, чтобы те, у кого не осталось потомков, тоже могли быть воскрешены. Задача ЧК – как можно подробнее вести дело о каждом подследственном и как можно дольше сохранять архивные дела: «Убивая человека, вы должны оставить с избытком, чтобы, когда придет время, его без затруднений можно было восстановить. Сразу после смерти обвиняемого его дело поступает в ваш архив или в музей при тюрьме, при лагере — словом, там, где его зарыли. Значит, необходимое для воскрешения уже собрано и готово, причем это не холодные, бесстрастные записи, нет, следствие должно идти предельно жестко, чтобы быть уверенным, что арестованный не скрыл ничего, до дна выложил свои тайны и страхи, привязанности и обиды, вкусы и привычки, словом, все. С первого дня, когда ты себя помнишь, важна каждая мелочь. А дальше настает срок, и человеческий род наконец поворачивает обратно; деторождение прекращается, и сыновья, как и предвидел Федоров, начинают восстанавливать своих отцов, восстанавливают отцов и дети палачей, но тут — отступление от Федорова» [Шаров 2019: 168].

Так причудливо и страшно воплощается в романе идея Федорова о воскрешении отцов.

Как говорил сам Владимир Шаров, целью всего его творчества является попытка объяснить ход русской истории, понять события, происходившие в России в XX веке [Шаров 2009d: 12]. Философия Николая Федорова становится для Шарова универсальным инструментом, который помогает вскрыть истоки совершенно разных стремлений большевиков и страны в XX веке. Страны, которая достигала невероятных открытий в науке и одновременно с этим высылала и уничтожала великие умы, которая боролась с неграмотностью и в короткий срок сделала так, что 90% населения стали грамотными, и которая отправляла массово людей в ссылки в районы, непригодные для жизни.

Михаил Шишкин в статье «Бегун и корабль» пишет о значимости философии Федорова в творчестве Шарова и показывает невозможность достижения Царства Небесного, запланированного Федоровым, в истории России: «Чуть ли не половину твоей карты занимает Николай Федоров. Там нет гор, все скрыты. Низины засыпаны, всюду ровное поле. Вместо рек, текущих по собственной прихоти, – ровные каналы. Города, главные прибежища разврата, роскоши и неравенства, уничтожены. Весь земной шар подчинен русской православной короне. Второе пришествие рукотворно. Нечего ждать милостей у Христа, взять их у Него – наша задача. Святой русский народ может и без Его помощи спасти весь род человеческий. Смерти нет, ребята! Не обязательно ждать ни антихриста, ни Страшного суда, все устроим сами. Для общего дела построения рая на земле создаются трудовые армии. Вот распашем целину и возьмемся за воскрешение мертвых. В царство правды и вечной жизни – в ногу. Федоров – квинтэссенция русской катастрофы. С Христом ли, с Марксом – все кончается ГУЛАГом» [Шишкин 2020: 26]. Таким образом, Шишкин продолжает метафоры Шарова, вступая с ним в диалог.

«Философия общего дела» Федорова стала для Шарова той идеей, которая могла объяснить происходящее в России, а включение Федорова в роман «До и во время» позволило автору изобразить логику Русской истории, объяснить логику действий советской власти в России в XX веке.

Таким образом, сравнив историософские идеи Шарова с идеями представителей русской религиозной философии (которые предстают и героями романов Шарова), мы можем говорить об их сходстве, преемственности, Шаров пребывает в диалоге с предшественниками.

В статье «Авторская историософия в эссеистике В. Шарова» (2015) И.В. Ащеулова сформулировала элементы историософии Шарова, обозначенные в эссеистике писателя: ожидание Второго пришествия, работа по преображению Руси в Святую землю стали смыслом русской истории, движущими силами выступили революции «сверху» и «снизу», история

России циклична, нетерпимость разных революционных векторов приводят к «трагической расколоте русской жизни» [Ащеулова 2015]. Все эти идеи связаны с русской религиозной философией.

Выводы по главе.

В тесной связи с работами русских религиозных философов сформировалась историософия Шарова. Она сводится к следующим идеям. Смысл русской истории опирается, по Шарову, на два мифа – мессианский и эсхатологический. Они формируют русскую историю с самого принятия христианства, но были впервые артикулированы в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Иллариона (XI век), «Сказании о князьях Владимирских» (XVI век, автор неизвестен) и учении «Москва – третий Рим» старца Елезарова монастыря Филофея (XVI век).

Мессианская и эсхатологические идеи движутся в разных направлениях. Мессианское предназначение заставляет верить в богоизбранность и необходимость спасти себя и другие народы, а эсхатологическая идея определяется ожиданием конца и верой в то, что все вокруг находится во власти Антихриста и скоро, когда земля окажется переполнена грехами, случится второе пришествие. Разнонаправленность двух идей повлекла постоянное противостояние тех, кто верит в мессианскую идею, и тех, кто верен эсхатологической. Таким образом, движущей силой русской истории в романах Шарова стали не революции, а вечный **раскол** русского общества, усугубленный реформой патриарха Никона и царя Алексея в XVII веке, последствия которой вошли в историю как Церковный раскол.

Раскол стал «узловой» точкой в истории России и определил дальнейший путь русского народа. Интерпретацией событий русского раскола Шаров видит их Смутного времени и Опричнину Ивана Грозного, реформы Петра I, революцию 1907 и 1917 г., репрессии И. Сталина. Философские идеи В. Соловьева, Н. Бердяева, Н. Федорова, формировавшиеся в конце XIX –

начале XX века, в романах Шарова побуждают героев предпринять попытки нарушить логику русской истории и зарастить раскол.

Но русская история представляет собой не векторное движение, а **циклическое**. В истории России каждое событие проходит путь зарождения идеи пути спасения, её реализации и разочарования в возможности спасения выбранным путем, что влечет разрушение государственного строя. Так происходит и с идеями философов в романах Шарова.

Анализ текстов Шарова в сравнении с работами русских религиозных философов показал, что его авторская историософия опирается на историософские концепции этих философов, писатель использует идеи философов и их образы в своих произведениях.

По нашему мнению, все романы писателя можно считать историософскими, но в особенном смысле. Это историософия в квадрате – то есть составленная из иных, уже существующих в российской мысли историософий; **метаисториософия**, складывающаяся на материале национальных мифов российского общественного и народного сознания. Мифологемы «Москва-третий Рим» (или второй Иерусалим), истовые стремления староверов-раскольников, а потом сектантов к апокалипсису и пришествию Христа, стремление большевиков «разрушить мир насилья до основанья», рассказы друзей отца писателя, вернувшихся из лагерей, сплетаются в общую картину мира, обуславливающую причудливые перипетии русской истории. Авторская историософская концепция основана на комплексе философских идей разных периодов русской мысли: Владимира Соловьева, Николая Бердяева, Николая Федорова, Андрея Платонова и др. Эти концепции Шаров, историк по образованию, изучавший историю, начиная от Смутного времени (этому периоду посвящена его кандидатская диссертация), хорошо знает, и свой миф он выстраивает на парадоксальной порою связи этих представлений, а также документов, писем из архивов и т.п.

В итоге писатель сформировал в своих романах миф столь же фантазмагорический, сколь и естественно вытекающий из реальных духовных

исканий в российской истории. Шаров говорит о том, что его интересуют *модели* истории: «Та история, которую я застал, не была историей людей. Это была история гектаров, урожаев, финансовых потоков, военных походов, мирных трактатов... Для меня совершенно чужая. А вот модели истории мне интересны» [Игрунова 2004: 192].

Каждый роман Шарова – огромный мир, содержащий множество таких моделей. Каждый из его романов по-своему воплощает авторскую историософию. В следующей главе будет рассмотрена романная модель Владимира Шарова.

Глава 3. Метаисторисофский роман В. Шарова «Возвращение в Египет»

3.1. «Возвращение в Египет» как романная модель В. Шарова

В предшествующих главах работы мы сформулировали понимание В. Шаровым русской истории, истоки его концепции, ее суть и те источники, что формировали авторскую концепцию истории, т.е. его историософию. В настоящей главе историософская концепция В. Шарова исследуется в ее литературном воплощении на примере романа «Возвращение в Египет» (2013).

В предпоследнем романе писателя «Возвращение в Египет» 2013 года, философия истории Шарова сформировалась уже в полной мере, не достигнув, однако, мрачного и отчаянного финала, что воплощен в последнем романе «Царство Агамемнона» (2018). Роман «Возвращение в Египет» включает в себя практически все составляющие метаисториософии В. Шарова. Здесь воссоздаются историософские взгляды Н. Бердяева, Н. Федорова, А.И. Герцена, развивается металитературный аспект (осмысление произведений Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского), писатель обращается к историософским идеям художников (А. Иванова, К. Малевича). А герои романа являются практически ровесниками XX века, проживая жизнь вместе с советской Россией. Роман «Возвращение в Египет» представляется нам репрезентативным для анализа методов воплощения в фикциональном тексте историософских идей, используемых В. Шаровым, и столь же характерным образцом его романной поэтики, которая будет проанализирована в дальнейшем.

В основе романа «Возвращение в Египет» лежит история семьи потомков Н.В. Гоголя, считающих своей задачей спасение России, воздвижение на ее территории Небесного Иерусалима. Для этого необходимо дописать третий том поэмы Н.В. Гоголя, которого потомки считают мессией. Они знают, что Гоголь, оглядываясь на Данте, первый том поэмы «Мертвые души» мыслил как «Ад». Часть второго тома и «Выбранные места из переписки с друзьями» – это «Чистилище». Но автор сжег «Рай» – возможный третий том поэмы. И

потомки обязаны выполнить свой долг: спасти Россию, написав третий том. Известно, что прямых наследников Н.В. Гоголь не имел, однако весь род Гоголей на протяжении многих лет старается «сохранять кровь» и верит, если кровь будет разбавлена кем-то вне рода Гоголей, то шансов спасти страну уже не останется. И роль наследника выпадает двоюродному праправнуку Гоголя – Коле Гоголю второму. Между арестом, тюрьмой, лагерными сроками (такова судьба многих его родственников – людей XX века) Коля успевает написать только синопсис будущего тома – синопсис этот в шаровском романе имеет статус текста в тексте. Коле помогает своими письмами весь род Гоголей: их голоса образуют немолкнущий хор свидетелей своего века, и перед читателем разворачивается его панорама – в утопических, трагических прозрениях и прежде всего заблуждениях этих самых свидетелей.

При всей сложности романной организации, у книги есть устойчивая дискурсивная архитектура. В романной структуре переплетаются три основных дискурса: литературный (связанный с Гоголем), исторический (экскурсы в российскую историю) и библейский (спасение в Земле Обетованной или обретение ее на территории России). Каждый из них представляет собой какой-то из национальных мифов: мессианский миф воплощается в первую очередь в литературном дискурсе, а также вместе с эсхатологическим реализуется в библейском дискурсе. Исторический дискурс становится главным для проявления циклического характера русской истории и визуализирует «узел» русской истории – раскол общества. Эти мифы состоят из составляющих-мифологем национальной традиции: литературоцентричность (что сказано писателем-гением – прямо воплотится в жизнь); церковный раскол, разделивший страну и предопределивший непримиримый дуализм национального сознания; революционная идея, приобретающая религиозную эсхатологическую окраску.

Необходимо соотнести романский (сложносоставленный) дискурс с внероманной дискурсивной стихией, опирающейся на национальную

мифологию, растворенную во всей духовной жизни нации, которая и была предметом неустанного размышления Владимира Шарова.

3.2. Дискурсивная организация

Термин «дискурс» сегодня от частого употребления приобрел неопределенное множество значений, остановимся именно на нем, имея в виду не столько лингвистическое, сколько философское понимание дискурса. Прежде всего – в духе философии М. Фуко. Не дав однозначного определения дискурса, Фуко понимал под ним совокупность анонимных исторических правил эпохи, устанавливаемых в конкретном географическом, социальном пространстве и времени – правил, определяющих высказывание [Фуко 1996: 84]. В семиотическом толковании дискурс предстает как отрезок языка, «который может быть представлен на глубоком семантическом уровне как единая системная сеть» [Leech 1997: 284].

Дискурсивный подход предполагает выявление тематических дискурсов в тексте. «"Тематический" дискурс всегда вписан в дискурсивные практики, которые, в соответствии с принятой классификацией областей знания, можно назвать философскими, литературными, экономическими, историческими, религиозными, психологическими и т.д» [Шапинская 2008: 424].

В настоящей работе мы выявим репертуар тематических дискурсов Шарова и проанализируем их на примере романа «Возвращение в Египет» (2013). В этом романе с особой наглядностью претворена модель дискурсивной организации, характерная и для других романов писателя.

О **литературном дискурсе** в романе писали В.Ю. Баль, Ю.В. Меладшина. О значении дискурса семьи, рода в творчестве автора – И. В. Кукулин, И.В. Ащеулова. Библейский дискурс был изучен на примере анализа романов «Репетиции» (1991), «Будьте как дети» (2008), «Возвращение в Египет» (2013) Е.Е. Дмитриевой, М.В. Кирчановым, В.И. Папковым и др. Исторический дискурс занимает центральное место в творчестве В. Шарова и, соответственно, в работах исследователей его текстов. Отдельные аспекты

изучения исторического дискурса в художественных текстах автора изучались А.Ю. Горбенко, А.Л. Бердичевской, М. Эпштейном и др. .

В опоре на существующие исследования отдельных тем и дискурсов Шарова в настоящей работе рассматриваются функции каждого из них в романе «Возвращение в Египет», изучается механизм взаимодействия, художественная интерпретация «дискурса-абстрактной фиксации» [Йоргансон, Филлипс 2008] в индивидуальный художественный романский дискурс.

Письмо Шарова можно назвать историографической метапрозой, предполагающей, согласно определению Линды Хатчеон, помещение фикциональной версии истории внутрь исторического дискурса⁸. Однако Шарова интересуют национальные мифы и дискурсы русской культуры – говоря словами Фуко, археология и генеалогия дискурсов, но в большей степени он словно следует программе Фуко «рассматривать не представления, лежащие, возможно, за дискурсами, но сами эти дискурсы как регулярные и различающиеся серии событий» [Фуко 1996: 80]. Только критический анализ дискурсов Шаров осуществляет не научным, а художественным языком.

При рассмотрении каждого дискурса, обнаруженного в романе Шарова «Возвращение в Египет», мы обозначим следующие составляющие дискурсного поля: семантическое значение, означаемое и означающее дискурса (в соответствии с пониманием дискурса Умберто Эко [Эко 2005]), фигура автора дискурса, коммуникативное поле воплощения дискурса, способ ограничения и прерывания дискурса. Эти категории позволят определить место исторических дискурсов в системе художественного текста Владимира Шарова.

«Возвращение в Египет» – роман, где на первый план выходит литературный дискурс. Это дискурс именно русской литературы, со свойственной ему семантикой – об особой роли литературы в жизни страны,

⁸ «Историографическая метапроза стремится поместить себя в рамки исторического дискурса без потери своей автономности как фикшна» [Хатчеон 2013].

культура и самосознание которой основано на логоцентризме и литературоцентричности.

Фигурой, репрезентирующей российский литературный дискурс, в романе Шарова становится Гоголь. Полное название романа «Возвращение в Египет. Выбранные места из переписки Николая Васильевича Гоголя (Второго)» отсылают к последнему произведению Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», а в тексте романа фигурирует большинство его произведений (ежегодно в своем имении гоголевские потомки ставят пьесу «Ревизор», неустанно изучают повести «Нос», «Шинель», «Старосветские помещики»).

В романе Шарова присутствует Коля Гоголь (Второй) названный потомок и продолжатель Н.В. Гоголя.

Именно Коле Гоголю Второму суждено спасти Россию, по мнению его семьи, тем, что он допишет третий том «Мертвых душ»: «Считая нашим семейным предназначением дописать “Мертвые души“, мама с детства говорила мне: “Ад“ написан, “Чистилище“ было написано, и от него осталось несколько глав, в их числе и финальные, хоть трудно сказать, тот ли это вариант, что устраивал самого Николая Васильевича» [Шаров 2013: 215]. «Мама называет “Мертвые души“ недоговоренным, недосказанным откровением. Гоголь замолчал на полуслове, оттого и пошли все беды. Говорит, что пока кто-то из нас не допишет поэмы, они не кончатся» [Шаров 2013: 76].

Примечательно, что писатель в интервью говорит (конечно, на другом уровне) примерно то же самое о месте гоголевской поэмы в российском общественном сознании: «Я писал роман, считая, что после того, как Гоголь сжег второй том своей поэмы, все мы, вся страна только тем и занимались, что пытались дописать “Мертвые души“: от снов Веры Павловны у Чернышевского, революции, Гражданской войны, коммунизма. Все это были попытки так или иначе завершить гоголевскую поэму» [Пульсон 2014]. Шаров

поддерживает мифологию русской литературы и вне романного текста – в рамках национального дискурса о роли русской литературы.

Дописывание в романе поэмы Гоголя (означающее дискурса) отсылает к означаемому более высокого порядка – этот новый литературный текст должен спасти саму Россию и определить ее судьбу.

Гоголевский потомок в романе Шарова написал синопсис третьего тома «Мертвых душ». Синопсис (по отношению к роману Шарова это текст в тексте) успел наметить развитие судьбы Чичикова. Она призвана соответствовать общему замыслу гоголевской поэмы: вторая и третья части поэмы, по определению Коли, «должны были стать историей обращения души, от рождения почти мертвенной, ее медленным, трудным восхождением к Богу» [Шаров 2013: 329].

Здесь литературный дискурс вступает во взаимодействие с религиозным. «В „Синописе“, вслед за Данте, Коля «разделил вторую часть поэмы на семь глав. Каждая – этап Исхода чичиковской души из адской бездны, ее путь к Богу, к Небесному Иерусалиму» [Шаров 2013: 218]. Чичиков раскаялся, под влиянием Муразова (гоголевский персонаж второго тома здесь продолжает свою жизнь) стал иноком Павлом, проходил послушание в монастыре, где его одолевали бесы, но все же душа Чичикова воскресла.

Чичиков у Коли Гоголя – потомок старообрядцев, он путешествует по России в поисках сохранившихся очагов «древлеправославной веры», ездит по миру, разыскивая в рядах бежавших раскольников будущего праведного епископа.

Исторический дискурс в романах Шарова реализуется одновременно на нескольких уровнях. Это прежде всего история XX века в судьбе одной большой семьи. Род Гоголей представлен читателю в условиях XX века в России. Коля в качестве агронома, журналиста изучает колхозы, ездит по стране, пишет продолжение поэмы «Мертвые души». Ему удается даже заключить договор с Гослитом на публикацию. В тот момент, когда либретто продолжения для согласования с Гослитом уже готово, Коля Гоголь, как и его

отец Василий Паршин, дядя Юрий и еще несколько родственников оказываются арестованы и отправлены в лагерь по делу Гоголей. Идея о необходимости продолжения поэмы «Мертвые души» насторожила НКВД. Либретто было изъято, часть писем также были уничтожены, а сам Коля на 14 лет отправлен в лагерь. Уже после лагеря Коля Гоголь (Второй) возвращается к продолжению поэмы, но пишет только «Синописис» по своим воспоминаниям, он уже не верит в возможность написать настоящее продолжение поэмы, но хочет «зарастить» пропасть между своей жизнью до ареста и после, за счет «Синописиса» срастить эти периоды: «будто не было ни войны, ни лагеря, может быть, даже и революции не было, шло куда не сворачивая, само собой катило и катило по той же дороге, что испокон веков» [Шаров 2013: 187].

Другой пласт истории – исторический дискурс внутри «Синописиса».

Шаров не скупится на введение в текст исторических лиц. В ходе поездок по миру с целью восстановления древлеправославной иерархии его Чичиков встречается с королевой Викторией в Лондоне, Наполеоном III в Париже, Фердинандом I в Вене. «Чичиков в следующем, сорок восьмом году, в той же самой Австро-Венгрии станет не просто свидетелем – активным участником всеевропейской революции» [Шаров 2013: 267]. Так в один кипящий котел Шаров бросает историю и вымысел, исторических и литературных персонажей, переплетая их, как в ленте Мебиуса: например, история поездки Чичикова с Кельсиевым, как и многие эпизоды из описания староверческого движения, явно заимствованы из книги самого В.И. Кельсиева «Исповедь» (1867).

Задачу старообрядческой паствы новый Чичиков видит в создании единого полога Девы Марии, сшитого из представителей истинной веры, который сможет накрыть страну и избавить ее от власти царя – Антихриста. Шаров переходит к одной из самых главных своих идей – о роли раскола в судьбе России. Он писал о расколе и в статьях, и в эссе (см. «Между двух революций» (2005), «Октябрь семнадцатого года или конец истории...» (2018)). По Шарову, поделенная церковным расколом XVII на два лагеря Россия стала

воспроизводить раскол и в политической, гражданской жизни – что и обусловило всю ее историю: всякий раз бунты и революции в России рекрутировали участников протеста из семей раскольников.

Новый Чичиков плотно соединил старообрядческое движение с революционным: «„Колокол“, листовки, прочие издания Вольной русской типографии староверы безотказно переправляют в Румынию, а уже оттуда контрабандой через границу, прямо в Россию. Дальше, затерявшись среди другого товара на огромной харьковской ярмарке, они разойдутся по всей стране; благодаря неутомимым офеням-ходебщикам даже раньше, чем к московским и петербургским студентам, попадут в самые глухие казацкие куреня» [Шаров 2013: 286].

В 1870-е Павел Чичиков включает в свою паству новое звено – уральскую ячейку народников, всю сеть «Земли и воли». Он отмечает в дневнике: «революционеры – настоящее суровье, и покров получается прочнее некуда. Дева Мария будет радоваться: новый полог не разъест никакой грех» [Шаров 2013: 306].

Коля Гоголь проводит своего Чичикова сквозь историю XIX века: на закате своих странствий тот встречается с Герценом, Бакуниным, Чернышевским, Плехановым (впрочем, и с Алешей Карамазовым тоже – собственно литературный дискурс легко взаимодействует с историческим), вступает с ними в союз, отдает им свои сбережения, ибо важно пойти на «любые жертвы, только бы разрушить до основания это царство зла» [Шаров 2013: 213]. Чичиков умирает в одиночестве, в бреду, как Гоголь: «сегодня ночью ему открылся Небесный Иерусалим. Господь прямо с неба спустил ему лестницу, и он поднялся по ней, правда, лишь до шестой ступеньки» [Шаров 2013: 316].

Перед смертью Чичиков отдаст все деньги на продолжение своего дела – на построение Небесного Иерусалима: «Небесный Иерусалим еще только предстоит возвести, и строить его человек будет сам, своими руками, своим потом и кровью. И город он изваяет не из сапфира, а из космического эфира и Эдисонова электричества» [Шаров 2013: 312].

Думается, сама причудливая логика соединения разных идеологий и социальных групп в текстах Шарова вообще и в «Синописе», в частности, во многом определена прежде всего идеями русской религиозной философии. Сама композиция этих идей, воплощенная в пути нового Чичикова, напоминает логику и композицию «Русской идеи» Н.А. Бердяева (1946). Пожалуй, тематические дискурсы у Шарова совпадают с названиями глав Бердяева: «Тема о власти», «Религиозная тема», «Ожидание новой эпохи Святого Духа» и др. [Бердяев 2015: 352].

Оценки Бердяева совпадают с шаровскими идеями и развернуты в романе сюжетно. Так обстоит дело с пониманием раскола прежде всего. Н. Бердяев показал, что расколотость русской истории длится с церковного раскола вплоть до русской революции XX века. Герои В. Шарова уверены, что революция – это последствие Церковного раскола XVII века, и раскольников в стране с каждой революцией только увеличивается. Чтобы страна смогла избавиться от грехов, необходимо зарастить тот раскол, который образовался. Герои романа твердят, что большевики в конце XIX века были выходцами из старообрядцев, это их стараниями коммунизм должен был зарастить раскол. Дядя Ференц (специалист по Гражданской войне) пишет: «К началу века союз большевиков и староверов – реальность. В общий котел раскольники внесли свою древнюю правду, свою несравнимую с Романовыми здешнюю укорененность. Потом, когда большевики перебьют староверов, всё это они присвоят как выморочное наследство. Без раскольничьей правоты СССР существовать не сможет. Когда она иссякнет, придет конец и ему» [Шаров 2013: 628].

Впрочем, до революции 1917 года Гоголь Второй повествование в синописе не доводит, создать третий том у него не получилось. Его собственная судьба никак не располагает к уединенному литературному творчеству. Колю Гоголя второго в XX веке ждет лагерь, затем жизнь в ссылке – в голой казахской степи, скитания с духовным учителем Кормчим,

руководителем секты бегунов. (Религиозные секты в русской истории – естественное следствие гонений на старообрядцев).

Не реализованная в третьем томе «Мертвых душ» дантова триада пародийно претворяется в Колиной жизни. После смерти учителя Коля берет на себя задачу искупать грехи человечества, спуская навьюченного козла отпущения в кальдеру-воронку, напоминающую Дантов ад. А пространство чаемого Рая в романе не обнаруживается. Жизнь и мытарства Коли могут быть поняты как чистилище. Попытка личного искупления невозможна, Гоголь второй умирает в одиночестве и забвении, и детали его смерти напоминают смерть его Чичикова и Гоголя первого.

Этот исход героя романа Шарова, как и сюжет жизни Чичикова в синопсисе, является отражением главного романного дискурса, можно сказать, метанарратива, основанного на **библейском** сюжете и обозначенном в названии романа как «возвращение в Египет». Смысл судеб героев – в неизбежности поражения мечты о свободе от рабства, в неотменимости «возвращения в Египет». Шаров объясняет название романа, толкуя основную свою метафору: «Гоголь был писателем библейским. И мне стало казаться, что, идя из Египта, мы в какой-то момент повернулись и пошли обратно, вернувшись в итоге снова в Египет. Наша история 20 века в моем представлении – это и есть возвращение в Египет» [Скорондаева 2014]. В романе возвращением в Египет Шаров называет бесконечные попытки русского народа – нового избранного народа – обрести счастье и Землю Обетованную. В духе идей Филофея о Москве-Третьем Риме, Россия должна стать Святой Землей. Однако всякий раз попытка обрести Святую Землю заканчивается возвращением в рабство, в царство фараона. Этот перетолкованный романистом библейский сюжет организует судьбы всех героев и сводит все романские дискурсы воедино. Невозможно личное спасение в расколотой надвое стране, где невозможно создать (написать) «рай» третьего тома.

Неизбывность возвращения в рабство, бесполезность попыток обрести свободу сообщает всем линиям романа пессимистический финал. А тематические дискурсы романа, руководимые этим метанарративом, оказываются ограниченными и «подрываются» изнутри.

Так, например, деконструируется тематический **дискурс рода и семьи**, который организует даже повествовательную форму романа (весь текст романа – эпистолярный, переписка членов семьи). Коля, оказалось, – не кровный потомок Гоголя. Мать Коли Гоголя, Мария Гоголь-Быкова, была той, кому было родом предназначено родить потомка с чистой гоголевской кровью и литературным талантом. Она должна была выйти замуж за Кирилла Косяровского (потомка семьи матери Н.В. Гоголя) и родить от него сына. Тогда бы все повторяло рождение самого Н.В. Гоголя (его родители – Василий Гоголь-Яновский и Мария Косяровская). Но обстоятельства сложились иначе, и Мария Гоголь родила сына не от Косяровского, а от молодого красноармейца Василия Паршина, чья бригада стоял у них в городе, и которому она досталась по распределению всех женщин между свободными бойцами. Единственный сын Коля был ровесником советской власти.

Казалось бы, духовная вовлеченность в творческий мир Гоголя может компенсировать отсутствие кровного родства. Однако история Колиного рождения иногда заставляла семью задуматься, не самозванцы ли они: «Мать говорила, что, почему так получилось, что мы, Гоголи, все это должны написать, никто сказать не может, даже не знает – не самозванчество ли это. Может быть, мы и ни на что не способны, и Гоголь тоже ничего не мог: как и мы, был обыкновенным самозванцем. Но это не наша печаль. Господь сам укажет – мы или не мы. В любом случае, работа должна быть исполнена на совесть, путь проложен по всем правилам топографической науки, так, чтобы Новый Израиль стал, будто избранный народ на Синае. Народ, впереди которого в столбе огня и дыма идет и ведет его сам Господь» [Шаров 2013: 218].

Образы **самозванцев** есть во всех художественных текстах В. Шарова. Самозванство в России, как правило, оборачивалось трагически. Судьбы всех Гоголей вписаны в трагическую историю XX века. Этот трагический исход задан изначально: читатель узнает о смерти Коли Гоголя в самом начале, переписка членов семьи предстает в ходе разбора вдовой Коли (она умрет вскоре) его архивов, когда сами корреспонденты тоже уже умерли. В трагедии, как известно, гибнет не герой, а хор. Дописанный шаровским героем третий том «Мертвых душ», то есть его синопсис, оказывается описанием не рая, но (учитывая дантовские реминисценции) все-таки ада. Синопсис повторяет общий сюжет романа: невозможность уйти из рабства и несвободы, возвращение в Египет.

Утопическая идея переписать историю России за Гоголя «подрывается» в романе неоднократно. Мать Коли размышляет: «Возможно, на „Мертвые души“ наложена какая-то печать. Из-за нее Николай Васильевич не смог дописать поэму, и у нас не получится, даже пытаться не стоит» [Шаров 2013: 540].

Попытки Коля Гоголя (Второго) дописать поэму прекращаются вместе с перепиской с корреспондентами – в конце 70-х годов XX века. Иссякает сам род.

Этот пессимистический извод русской истории, основанный на циклической повторяемости, организует романский дискурс Владимира Шарова. Каждый из внутривроманных дискурсов, опирающихся на внероманные, показывает свою утопичность.

М. Липовецкий выявляет две главных формы критики Шаровым дискурсов, встроенных в роман: критика сложной формой (сложная форма романа включает множество рассказчиков, повествование построено как лабиринт, эта форма противопоставляется центральному мифу – русской революции, целью которой является радикальное упрощение жизни) и деконструкция метанарратива (автор смешивает между собой бинарные оппозиции Христос – Антихрист, добро – зло и т.д., он подрывает, смещает и размывает их.

Например, избранность народа у Шарова приводит к тому, что выживают только палачи, истребляющие других) [Липовецкий 2020: 334].

Дискурс власти в романе Шарова подвергается критике посредством деконструкции. Он, с одной стороны, представлен как всемогущий и определяющий все судьбы героев, страны и мира, вплоть до откровенного гротеска: сталинские репрессии герои видят как путь создания мучеников, которые смогут попасть в Рай и молиться за Россию, приближая Второе пришествие и царство Небесного Иерусалима. С другой стороны, дискурс власти отчасти ограничен тем, что сама власть подчинена некой еще более могущественной силе вне ее, вневременной и универсальной: ведь приближение Второго пришествия – извечная цель России, и все, Ленин и Сталин тоже, под предлогом социалистических идей выполняют сверхзадачу, которая подчинит историю России всегдашнему, циклически повторяющемуся порядку.

Для описания этого порядка, равно как и для иллюстрации мифа о возвращении в египетское рабство, Шаров использует метафору палиндрома. Дядя Артемий в романе «Возвращение в Египет» пишет Коле: «Мы живем так, будто что история, что наша собственная жизнь – все, как у твоего Исакиева, построено на палиндромах. Христос с антихристом, Святая Земля и Египет, добро и зло – разницы нет; читай хоть справа налево, хоть слева направо – все едино. Потеряв Бога, запутавшись, мы, не умея отличить правды от лжи, мечемся, мечемся туда-сюда, уходим, возвращаемся, снова уходим и уже давно не понимаем, зачем и откуда» [Шаров 2013: 430].

Палиндром ближе к финалу романа становится образом российского пространства. Поэт-палиндромист однажды напишет Коле: «Вместе с Дантовым адом Вавилонская башня образует палиндром, и как ты бунтуешь против Бога: взбираешься наверх или спускаешься в преисподнюю – разница невелика» [Шаров 2013: 70]. Этот образ подкреплён в романе сюжетно: Коля Гоголь рассказывает о деле палиндромистов, по которому был арестован учитель литературы Исакиев, он был членом объединения палиндромистов и

автором палиндромной пьесы «Потоп». «Суть пьесы сводилась к тому, что, едва гнев Божий иссяк, воды ушли, все отыгралось назад. Человек не желал помнить о Всевышнем, снова грешил, не зная удержу» [Шаров 2013: 199]. Обвинения следователей поэту были серьезные: «цель произведения, которое на равных можно читать слева направо и справа налево – убедить наших людей, что ход истории обратим и скоро Советская Россия вновь сделается романовской монархией» [Шаров 2013: 199].

Сам Исакиев думает: «наша революция есть Исход и Возвращение в Египет. Путь оттуда и путь туда всегда через Красное море, и дело милости Божьей, а то и случая, кто – евреи, или египтяне, или и те и другие погибнут, захлебнутся в его водах» [Шаров 2013: 200].

Удивительно, как библейская история об исходе евреев из Египта в российских реалиях, по Шарову, оборачивается палиндромом, историей возвращения. Согласно библейскому рассказу, Исход является завершением цепи событий, начавшихся с переселения патриарха Иакова и его сыновей в Египет из-за засухи и последовавшего за нею голода в Ханаане. Израильтяне вступают в пустыню, где их ожидает дарование Торы. На горе Синай Бог провозглашает народу Десять заповедей. Однако вскоре народ начал проявлять строптивость и неповиновение, неоднократно нарушая Божественные заповеди, а подойдя к границе Обетованной земли, усомнился в способности Бога обеспечить победу Израиля над многочисленным и могучим врагом, располагавшим хорошо укрепленными городами. В наказание Бог обрек народ на 40-летнее скитание по пустыне, пока на смену поколению рабов не придет поколение свободных людей, воспитанных в духе завета и достойных вступить в Обетованную землю.

Владимир Шаров продолжает историю, описанную в Библии. Разочарование в идее спасения он сравнивает с постоянным возвращением обратно в Египет, но Египет – это и есть Россия. Так пишет дядя Святослав (инженер оборонных заводов): «У Гоголя вся Россия избрана и для спасения нет нужды в Исходе. Она Египет, пока забыли о Боге; но едва вспомним —

снова Земля Обетованная» [Шаров 2013: 662]. Выбирая путь из Египта в Землю Обетованную, русский народ каждый раз меняет направление, и от этих частых смен, теряется, где Египет, а где рай, где наши соратники, а где враги – антихрист: «Слишком часто „люди исхода“ делаются „людьми возвращения в рабство“.» [Шаров 2013: 646]. Следствием сбоя с пути становятся и революции, и войны, и смена власти: «Мы вусмерть запутались, кто из нас египтянин, а кто народ Божий, оттого почему зря режем и режем друг друга» [Шаров 2013: 647].

В конце романа Коля Гоголь (Второй) разговаривает со старым революционером Евтихеевым в Доме престарелых в Усть-Каменогорске. Тот уже как будто понял, что все вернулись в Египет: «мать рассказывает, что с весны каждую ночь слышит, как прибывает нильская вода, под ветром шуршит камыш. <...> вся страна уходит под воду, которая для здешних мест есть благословение свыше» [Шаров 2013: 649].

В интервью В. Шаров не раз говорил, что русская история и его романы в том числе – это комментарий к Священному Писанию. Романная история Исхода из Египта стала одним из таких комментариев: «русская история вся насквозь религиозна. Это попытка повторить ветхо- и новозаветную историю во всех ее важных и даже второстепенных деталях... это выстраданный, выверенный комментарий к тому или иному стиху из Писания, наше понимание, что есть правда, а что – ложь; какой грех допустим, во всяком случае простителен, а какой прямым ведет в ад» [Борисов 2020: 665]. Это библейский миф, погруженный в дискурс российской истории.

Итак, модель организации романа выглядит как иерархия романских дискурсов, главный из которых, имеющий функцию метанарратива, организует на метауровне логику повествования. Этот метанарратив нередко у Шарова вынесен в заглавие. В «Возвращении в Египет» – это библейский сюжет исхода евреев из Египта. Будучи многократно перетолкованным автором, библейский сюжет в романе работает именно как дискурс, как поле возможных высказываний многочисленных нарраторов. Библейский сюжет

как метафора судеб героев погружен в национальный контекст, пространством дискурса становится Россия. Остальные идеологически заряженные романские дискурсы развиваются, следуя логике общего дискурса национальной идентичности: литературный текст руководит жизнью, история идет по кругу, существование человека возможно только через служение его роду... Каждый дискурс реализуется в нарративах с плохим, как правило, финалом, каждая из утопических национальных идей взаимно поверяется; каждый из дискурсов «подрывает» и ограничивает истинность другого: история не дает развернуться литературной задаче, властный дискурс волен распорядиться судьбой рода, библейский дискурс исхода оборачивается возвращением в рабство...

Чтобы проверить релевантность модели, обратимся к иным романам писателя. В них, как правило, так же работает метадискурс. В последнем романе «Царство Агамемнона» (2018) главным становится мифологический сюжет, столь же широко, как в иных текстах писателя, толкующий все иные сюжеты и тоже дискурсивно укорененный в российском материале. Существуют сквозные дискурсы (и национальные мифы), пронизывающие все романы Шарова: во всех романах есть мотивы рода («След в след: Хроника одного рода в мыслях, комментариях и основных датах» (1991), «Мне ли не пожалеть» (1995) и др.), везде в историческом дискурсе рефреном повторяются темы раскола, самозванства, осмысленные в духе русской религиозной философии. Палиндром воплощен в сюжете «Старой девочки». Во всех названных романах Шаров возвращается к теме революции 1917 года. Во всех романах тема власти становится одной из главных. Во многих романах действуют федоровцы, жаждущие воскресить отцов («Воскрешение Лазаря» (2002) и др.), чекисты, желающие приблизить второе пришествие, везде литература распоряжается жизнью, логос – реальностью. В последнем романе Шаров предпринимает попытку через своего героя дописать жизнь Алеши Карамазова, который, мы помним, по замыслу Коли Гоголя Второго, должен был встретиться с Чичиковым.

Шаров создал свою Вселенную, вымышленную и поражающую обжигающей правдой реальности. Но эта авторская вселенная питается первоначальной дискурсивной энергией национальной жизни. Перечитывая сегодня романы Шарова, легко обнаружить в них новые, актуальные сегодня идеи и мотивы: потенциал национальных дискурсов, заложенных в тексте, как будто сам способен порождать новые смыслы.

3.3. Нарративная организация

Роман «Возвращение в Египет» организован как переписка потомков Н.В. Гоголя, эпистолярная форма становится одним из приемов, организующих энигматическую интригу. Это некоторый «хор» корреспондентов Коли Гоголя (Второго), в котором каждый выражает взгляд на вопросы, заданные в предисловии романа.

Для определения характера переписки, определения степени достоверности тех или иных «ответов», даваемых разными корреспондентами, нам предстоит изучить нарративную организацию романа Шарова.

Для выявления абстрактного автора, уровней нарраторов и системы наррации мы будем следовать за В. Шмидом и его определениями, данными в работе «Нарратология» (2003).

Шмид разделит конкретного и абстрактного авторов. По Шмиду, именно абстрактный автор принадлежит произведению, а конкретный автор «к самому произведению не принадлежит, а существует независимо от него» [Шмид 2003: 42]. Абстрактный автор – это некий образ создателя, но и ему «нельзя приписывать ни одного слова в повествовательном тексте. Он не идентичен с нарратором, но представляет собой принцип вымышления нарратора» [Шмид 2003: 54]. Абстрактный автор отличается от конкретного ещё и в том, что в художественном тексте он может выражать идеологические воззрения «радикальнее или одностороннее, чем конкретный автор был в действительности» [Шмид 2003: 56]. Выделение абстрактного автора в романе позволяет нам отделить историософские воззрения писателя, выраженные в

публицистике и в фикциональных текстах. Однако, как мы видели, Шаров-публицист иногда вводит собственные эссе в текст романов и наоборот. Например, текст «Записей деда» был сначала опубликован и присвоен герою романа «След в след» (1991), а после опубликован отдельно в сборнике «Искушение революцией» (2009). А текст эссе «Бал у сатаны» был опубликован в сборнике «Перекрестное опыление» (2018) и в романе «Царство Агамемнона» (2018) отдан герою-повествователю в качестве рецензии на роман главного героя Н. Жестовского. Именно такие переплетения позволяют нам говорить о том, что идеи Шарова-публициста и Шарова-писателя могут рассмотрены в рамках единой историософской концепции писателя.

Вернемся к понятию абстрактного автора в фикциональном тексте. Абстрактный автор позволяет нам также отделить изображаемого нарратора от автора произведения, по Шмиду: «присутствие абстрактного автора в модели повествовательной коммуникации выявляет изображаемого нарратора, его текст в выражаемых в нем значениях» [Шмид 2003: 57].

Прежде чем перейти к определению абстрактного автора и нарраторов в тексте, нужно обозначить понятие нарратора, которое дает В. Шмид. Нарратор является носителем функции повествования, он «всегда предстает как субъект, наделенный более или менее определенной точкой зрения, которая складывается, по меньшей мере, в отборе тех или иных элементов из “событий” для повествуемой “истории”» [Шмид 2003: 67]. Под событием Шмид понимает «исходный нарративный материала», а под историей «результат отбора отдельных элементов» [Шмид 2003: 67].

Обозначим уровни ответственности абстрактного автора и нарратора в художественном тексте. Абстрактный автор, по Шмиду, «вымысливает излагаемые события и излагающего нарратора» [Шмид 2003: 77], именно он является ответственной инстанцией. А нарратор «подбирает повествуемые элементы из событий, соединяет эти элементы друг с другом для создания конкретной истории, оценивает их и обозначает» [Шмид 2003: 77].

В романе «Возвращение в Египет» в предисловии презентуется нарратор, очень похожий на самого конкретного автора – Владимира Шарова. Даже подпись в конце предисловия дает отсылку на писателя – «В.Ш.» [Шаров 2013:]. Но это лишь игра с читателем, на самом деле, в предисловии мы видим нарратора, который дает комментарий ко всему последующему повествованию.

Нарратор, изображенный в предисловии, предстает в роли первичного нарратора. В.Шмид называет несколько критериев воплощения нарраторов, один из них – степень обрамления повествования. Есть три основных степени обрамления – первичный (повествователь обрамляющей истории), вторичный (повествователь вставной истории) и третичный нарратор (повествователь истории внутри другой вставной истории). Кроме этого критерия, мы также будем определять и другие. Способ изображения нарратора: эксплицитный – может называть имя, описывать себя как «я», рассказывать историю своей жизни и т.д., и имплицитный – осуществляется в подборе элементов повествовательного материала, в организации композиции, в оценке подбираемых элементов, но не будет выражен как «я». Диегетичность нарратора: диегетичный нарратор «фигурирует в двух планах – и в повествовании, и в повествуемой истории» [Шмид 2003: 82], недиегетичный нарратор «повествует не о самом себе как фигуре диегесиса, а только о других фигурах» [Шмид 2003: 82]. Также нам понадобится критерий информированности нарратора: нарратор может быть вездесущий, то есть он знает обо всех мыслях и событиях в жизни героев повествуемой истории, и может быть ограниченный по знанию, например, знает только то, что можно увидеть снаружи или узнать от других. Профессиональность нарратора будет тоже играть важную роль в определении нарраторов фикционального текста: профессиональный нарратор знает вопрос, о котором повествует, в рамках своей деятельности, осведомлен о деталях вопроса, непрофессиональный нарратор выступает только некоторым «очевидцем». И последний, важный для нас, критерий надежности нарратора. По Шмиду, надежность нарратора определяется степенью достоверности повествуемой истории, надежный

нарратор был очевидцем или участником рассказываемых событий, а ненадежный – знает только с чьих-то слов или из документов.

Такие критерии определения нарраторов позволят нам в дальнейшем подробнее проанализировать разные типы повествований внутри романа «Возвращение в Египет».

Первичный нарратор, как мы уже говорили, представляется читателю в Предисловии. Мы видим профессионального нарратора, занимающегося изучением материалов в «Народном архиве». Несмотря на «схожесть» нарратора с конкретным автором, мы можем точно определить, благодаря теории Шмида, что он не является абстрактным автором. Первичный нарратор В.Ш. эксплицитно выражен, он ограничен по знанию (владеет только той информацией, которую знает из полученной в архиве переписки Гоголей), он ненадежен (не являлся участников повествуемых событий, является сторонним повествователем). Но главное, что дано читателю в предисловии, нарратор участвует в отборе материала для повествования истории – «нынешняя публикация составила не из самих писем, а из цитат, в сущности, просто выписок, которые я делал по ходу чтения» [Шаров 2013: 12]. Но он не определяет и не придумывает содержание нарратива и не определяет порядок расположения папок: «гоголевские документы поступали в архив безо всякой системы. Казахские письма оказались в шести разных коробках – внутри в двух дюжинах папок – одна была из-под печенья, в другой прежде находились косметические наборы» [Шаров 2013: 12]. И далее нарратор дает комментарий, какие письма в какой папке располагались и поясняет, что публикуются «выписки» в соответствии с теми папками, в которых они располагались. То есть «вымысливание», как говорит Шмид, событий и нарраторов остается в ответственности абстрактного автора. Но в ответственности нарратора остается то, какие выписки из вымышленных абстрактным автором событий повествуются в тексте. Именно из них формируется сама энигматическая интрига повествования, о которой мы писали ранее.

Внутри повествования читатель больше не встретит первичного нарратора, он является недиегетическим нарратором, не участвующем в повествовании, а также ненадежным, так как в повествуемой истории он не принимал участие, а узнает о ней только из представленных писем уже после того, как произошли все события дальнейшего повествования.

Нарратив истории Гоголей представлен в эпистолярном жанре, позволяющем дать «слово» каждому корреспонденту. Таким образом все участники переписки становятся вторичными нарраторами, и практически каждый в фикциональном тексте повествует «свою» историю о различных событиях.

Так как каждый корреспондент становится вторичным нарратором, мы можем определить общие характеристики нарраторов. Все нарраторы выражены эксплицитно: каждое письмо обозначено адресантом и адресатом, например «Коля – дяде Артемию». Нарраторы ограничены по информированности, они не являются участниками описываемых событий. Рассмотрим на примере письма, с которого начинается повествование о роде Гоголей. Письма от Беаты – Кате: «Из Казахстана со случайной оказией пришло грустное письмо от Сони. Не стало Машиного сына Коли. Больше четверти века он и Соня вдвоем прожили на краю пустыни, теперь она пишет, что схоронила мужа и, если будет возможность, ближе к осени вернется в Москву» [Шаров 2013: 17].

Повествование о смерти главного героя Коли ведется в форме пересказа письма от жены Коли – Сони. Также это дает нам основания определить нарратора как недиегетического: герои не участвуют в повествуемых событиях, а знают о них от других, это позволяет определить и ненадежность повествователя – он не был очевидцем событий, а только пересказывает историю. Пересказ, как мы увидим далее, становится центральным способом повествования всех историй в романе. А. Горбенко писал, что пересказ историй является характерной чертой для организации повествования в романах Шарова: «В каждом романе Шарова содержатся радикальные

философские, историософские, теологические доктрины. Характерно, что все они даются исключительно в пересказе, вследствие чего их авторы становятся персонажами рамочных историй первичных или вторичных нарраторов» [Горбенко 2020: 455]. Пересказ, используемый вторичными нарраторами, дает основания обозначить нарратора ненадежным в квадрате.

В романе присутствует один третичный нарратор – Соня (жена Коли Гоголя). Вся история героини рассказывается другими нарраторами, голос самой Сони мы видим одиножды в самом начале романа, во втором письме от Натальи приведена цитата из письма Сони. В этом письме читателю представлены вымышленные Колей воспоминания о том, что он был Моисеем для адвентистов в Хиве. То есть, здесь мы видим рассказ Коли, пересказываемый Соней в письме, а её письмо дано в обрамлении пересказа Натальи. Коля отказался стать проводником адвентистов в молодости, а в конце жизни Коля старается Соне на карте начертить путь, которым они шли через горы: «Коля, будто он был там, объясняет, что они встали и пошли за ним, пошли, пусть и с печалью, но без робости. Он настолько в этом уверен, что почти ликует, рассказывая, как и через какие перевалы они спускались с Памира» [Шаров 2013: 22]. Третичный нарратор, как и вторичный, является эксплицитно выраженным, ограниченным по знанию (Соня знает только то, что рассказывает сам Коля и не понимает, чему верить – рассказываемой истории Колей об отказе вести адвентистов или рассказываемой в конце жизни истории с переходом Памира), и ненадежным. Но, если мы определили вторичного нарратора ненадежным в квадрате, то третичный нарратор становится ещё более ненадежным.

Ненадежность нарраторов дает читателю основание не верить в повествуемую историю и не доверять ни одному письму. Однако в процессе чтения романа читатель, наоборот, все больше доверяет автору и начинает убеждаться, что именно так и было, иначе и не могло быть. Чтобы фикциональный текст работал именно таким образом, задействуются инструменты абстрактного автора – создание эффекта реальности мира, в

частности, с помощью «эффекта документа». Первичный нарратор подробно излагает доказательства документности предлагаемой переписки Гоголей (подробно описывает систему работы «Народного архива», условия приема документов, длительность изучения предлагаемой переписки, характер переписки и даже способ хранения писем – в разных папках).

По Каспэ, образ документности формирует отношение читателя к предлагаемому тексту, документ воспринимается достоверным, «как правдивое и сильное по своему воздействию свидетельство» [Каспэ 2010 : 10]. Документность противостоит множественному пересказу в организации нарративов, и заставляет читателя постоянно находиться на границе доверия и недоверия нарративам.

Документный характер переписки Гоголей формирует в том числе и некоторые особенности повествования и диалога между корреспондентами. Каждое представленное письмо имеет обозначенного адресанта и адресата, но в процессе чтения все письма сливаются в единый диалог. Корреспонденты, будто читая каждое письмо других корреспондентов Коли, тут же отвечают друг другу. Приведем пример отрывков из нескольких писем, следующих друг за другом:

«Дядя Святослав – Коле. Дорогой племянник! <...> во время пасхальной недели у нас за столом отец Амвросий сказал, что Хлестаков антихрист...

Дядя Петр – Коле. Ну, ты и хватил: Хлестаков – антихрист! Да он и на мелкого беса не тянет. Птичка заморская, яркая, к тому же певчая, прилетела, села на ветку, вот народ и собрался. Стоит, смотрит на диво, норовит с рук покормить.

Дядя Ференц – Коле. Хлестаков склевал, что ему насыпали, и скрылся. Никаких козней не строил, плохого тоже вроде бы не хотел – а так по всем прошелся, что уже и не склеишь» [Шаров 2013: 82-83].

Корреспонденты, пишущие Коле, на самом деле ведут диалог друг с другом, сам адресат не участвует в беседе. То есть документ (письмо) становится как бы общедоступным, вне зависимости от адресанта и адресата. И.Каспэ

обозначила, что образ документа как раз и должен иметь маркер универсальности адресата, «почти непременно, хотя чаще имплицитно, присутствует (как правило, помимо другой инстанции адресата – вполне явной и конкретной) некая универсальная адресация “всем и каждому”, которая чрезвычайно легко достраивается до таких метаконструкций, как “история”, “общество”, “культура”» [Каспэ 2010: 8]. Так и письма корреспондентов часто становятся доступны всем, помимо основного адресата. Но для поддержания эпистолярной формы автор сохраняет категории адресанта и адресата в каждом письме, а также часто используются фразы, характерные для переписки «переслал письмо», «первое число месяца является днем корреспонденции», «прошу тебя переслать», «писал мне» и т.д.

Каждый из корреспондентов имеет свою повествуемую историю. Больших вставных нарративов в романе 13, но и у тех, кто не является нарратором вставной истории по типу «Повести капитана Копейкина», тоже выстраивает свой нарратив. Например, характерной чертой повествования является то, что читатель знает судьбу каждого из персонажей только в пересказе другого героя. О судьбе Сони – жены Коли, читатель узнает от Коли и других корреспондентов, о судьбе отца Коли пишет сам Коля. Об истории палиндромиста Исакиева также сообщает Коля, предваряя письма самого Исакиева. А краткие биографические данные обо всех героях даны в папке №1 в письме со списком корреспондентов.

Знание о судьбе героев только из пересказа других также наводит читатель на мысль о недоверии персонажам, читатель не знает, кто эти герои, такая ли у них была жизнь.

В романе важную роль играет мотив странничества, центральным персонажем мотива странничества является секта бегунов с её представителем в романе – кормчим Капраловым. Именно от него Коля Гоголь узнает о секте, о её судьбе, а также погружается в идеологию бегунства. Но в романе Капралову или другим представителям секты бегунов не дано слово. Все слова кормчего корреспонденты и читатель узнает только в пересказе Коли Гоголя,

читатель даже не может быть уверен в существовании секты и самого Капралова, так как «очевидцам» жизни бегунов на корабле, это отец и жена Коли, также не дано слово в романе, от них нет ни одного письма в романе. Но даже если читатель поверит, что секта бегунов существует, а такая была в реальной истории России, то о ненадежности и непрофессиональности собственного изложения идей бегунов Коля однажды пишет: «Иногда речь Капралова становится мутной. Я путаюсь в его метафорах, образах, иносказаниях, только догадываюсь, что он хочет сказать» [Шаров 2013: 353].

Мы показали, что организация нарративов в романе представляет собой сочетание двух противоположных тенденций. С одной стороны, все нарраторы и организация нарратива каждый раз усиливает ощущение ненадежности нарратора, то есть недоверия ему и повествуемой истории. С другой стороны, автор использует черты документности, чтобы придать статус надежности повествуемым историям.

Однако в двух местах в романе тип нарратора Коля Гоголя изменяется. Первое изменение в характере нарратора происходит при повествовании «Синописа». Здесь нарратор из привычного для романа ненадежного, непрофессионального и ограниченного по информированности становится профессиональным (Коля много лет изучал историю Н.В.Гоголя, его произведения, комментарии к ним и т.д.), он всеведущ (Коля знает о мыслях Муразова, Хлобуева, Чичикова, Бакунина, Герцена и других в любой момент времени) и лично выражен (текст может прерваться комментариями нарратора «дядя Артемий, понимаю, ты кипишь...») [Шаров 2013: 241]). То есть, в отличие от вставных историй от других корреспондентов, у «Синописа» не усиливается статус ненадежности за счет нарратора. Даже наоборот, «Синописис» автор будто выводит за пределы остального повествования, усиливая доверие читателя.

Вторая история, нарратор которой также Коля Гоголь, расположена в конце романа в папке №25. История посвящена потопу в степи, в которой стоит корабль бегунов, где проживал и Коля, и его жена Соня, и кормчий Капралов.

История потопа становится значимым местом в построении интриги романа, она представлена читателю в качестве истории «от первого лица». Здесь также изменяется тип нарратора: нарратор впервые в тексте романа становится одним из главных героев повествования, он становится диегетическим и надежным, так как был очевидцем и даже участником повествуемой истории. То есть в структуре фикционального текста только потоп становится историей, которой читатель может доверять, её нарратор надежный.

Кроме критериев надежности, профессиональности, диегетичности и степени информированности нарратора, в тексте романа важную роль играют грамматический и семантический уровни. На протяжении всего текста романа «Возвращение в Египет», как мы уже говорили ранее, все события и диалоги подаются в качестве пересказа, то есть не оформляются кавычками или другими знаками прямой речи, цитирования. Но в тексте есть несколько фрагментов текста, оформленных в виде цитаты. В тексте всегда цитируются, а не пересказываются фразы из Священного Писания: «Кормчий говорит, что странники скитаются по миру всё равно что евреи. Молясь, меряют ногами нескончаемую дорогу и ждут, что вот однажды вострубит великая труба. Тогда, отозвавшись на ее глас, “придут затерявшиеся в Ассирийской земле и изгнанные в землю Египетскую и поклонятся Господу на горе святой в Иерусалиме” (Исайя 27:13)» [Шаров 2013: 47]. Цитируются тексты Н.В.Гоголя и внутри «Сипопсиса»: в качестве цитаты даются отрывки из путевых дневников Чичикова. Таким образом в тексте романа на синтаксическом уровне также подтверждается идея В. Шарова-писателя, что вся история России – это комментарий к Священному Писанию. Только в романе к уровню Священного Писания приравниваются и текст Ветхого и Нового Заветов, и тексты Н.В.Гоголя, и тексты дневников П.Чичикова, ставшего старообрядческим епископом.

На семантическом уровне нужно отметить изменение повествования в конце романа. На протяжении всего текста романа герои используют стандартные формы для эпистолярного жанра: «я думаю/пишу/делаю», при

пересказе используются «мы делали», «он писал». В конце романа Коля Гоголь пересказывает историю бывшего революционера Евтихеева и их разговор в доме престарелых. Вся история, как и привык читатель, пересказывается нарратором Колей, в том числе и детский разговор Евтихеева с его мамой: «Вечером, когда мы сидели на скамейке, Евтихеев сказал, что мать его была дочерью священника <...> И вот ему лет семь, не больше... он в постели, мать... сидит рядом и рассказывает, что с весны каждую ночь слышит, как прибывает нильская вода <...> Мать объясняет, что все мы жертвы этого спора между Богом и фараоном <...>» [Шаров 2013: 758].

Но в последнем абзаце романа привычная форма повествования ломается и читатель перестает понимать, чей разговор он видит дальше, то ли Евтихеева с матерью, то ли Коли с матерью: «Всех можно было бы простить, говорит мать, на всех обидях поставить крест и жить как жили, никому ничего не припоминая. *Я говорю:* “И про младенцев забыть?” *Она:* “Почему бы и нет? Жизнь ведь не подарок, а наказание, она ад, погибель, другое дело смерть – в ней покой и тишина”» [Шаров 2013: 760].

Форма диалога, не использованная до этого в романе ни разу, встречается читателю в последнем абзаце романа, что заставляет читателя воспринимать текст иначе. Дополнительно здесь происходит смешение говорящих, кто этот «Я», который задает вопрос, и кто «Она», которая отвечает. Нам представляется, этот диалог становится как бы диалогом всех героев романа, в том числе и первичного нарратора, с абстрактной матерью (матерью, давшей жизнь, идеологией, матерью Землей или Божьей матерью). Каждый герой романа, вступивший в общий хор корреспондентов, становится участником единственного и завершающего диалога в романе.

Нарративная организация романа «Возвращение в Египет», на наш взгляд, становится инструментом для воплощения историософских взглядов В. Шарова. Множество нарраторов, ведущих диалог и продолжающих друг друга, создает образ немолкнущего хора в романе. Читатель видит, как идеи

переходят от одного человека к другому, как они подхватываются корреспондентами и развиваются.

Образ ненадежного нарратора, заданный как первичным, так и вторичными, третичными нарраторами, позволяет писателю воплощать любые фантасмагоричные идеи на фоне истории России XX века. Изменение же типа нарратора в повествовании «Синописа» и истории потопа на корабле бегунов, помогает расставить акценты в структуре романа. «Синописис» становится редупликацией основного сюжета романа, поэтому тип героя меняется и приближается к первичному нарратору в романе и абстрактному автору (профессиональный, но ещё и всеведущий). Надежность нарратора истории потопа отсылает читателя к эсхатологической идее о переполненности чаши грехов и скором завершении жизни. Именно эта история, как и все священные тексты в романе, являются истинными, они становятся той «правдой», которую показывает абстрактный автор в романе.

Как пишет В. Шмид, абстрактные авторы в произведениях одного конкретного автора часто «в определенных чертах совпадают, образуя что-то вроде общего абстрактного субъекта творчества, некий стереотип» [Шмид 2003: 56].

Другие романы В. Шарова имеют схожую систему наррации. Например, в романе «Будьте как дети» (2008) первичный нарратор и он же главный герой Дмитрий начинает повествование из сумасшедшего дома, в котором лежит после очередного эпилептического припадка. Дмитрий рассказывает о Дусе, организующей жизнь целой коммуны интеллигентов в Москве, она считается юродивой. Так и другие нарраторы в романе, как и в «Возвращении в Египет» являются ненадежными нарраторами, и они вновь пересказывают истории, услышанные от кого-то. Обязательно в каждом романе автор обращается к документности, оттеняя ненадежность нарратора. В романе «След в след» (1991) нарратор изучает архивные папки и приводятся отрывки из работ героев, например, эссе «Записи деда», а в «Будьте как дети» (2008) герои обращаются

к диссертации о В. Ленине и к дневникам вождя, его жены Н. Крупской и Л. Троцкого.

Мы показали, что приемы, используемые В. Шаровым в романе «Возвращение в Египет», универсальны для творчества писателя. Благодаря ненадежным и, часто, непрофессиональным нарраторам Шаров фантазмагорически воплощает «боковые», не нашедшие своей реализации в реальной истории, идеи.

3.4. Повествовательные интриги

Выявление повествовательных интриг в романе «Возвращение в Египет» необходимо для того, чтобы понять, как множество дискурсов метаисторисофского романа Шарова складываются в единое повествование, что их объединяет, что держит читательский интерес.

Уровни нарраторов позволяют нам выделить две центральных нарративных интриги. Первичный нарратор, фигурирующий в начале романа, задает основу для **энигматической интриги откровения**, которую мы разберем в дальнейшем, так как она в романе становится организующей, но не ярко выраженной. А вторичный нарратор – главный герой романа Коля Гоголь (Второй) и его корреспонденты – формируют вторую нарративную интригу, которая выходит на первый план при чтении текста – **рекреативную интригу восстановления**. Именно с неё мы и начнём анализ нарративных стратегий в романе «Возвращение в Египет».

Рекреативная интрига ставит перед собой задачу «восстановления нормального хода жизни как некоего общего достояния» [Тюпа 2015: 14]. Рекреативная интрига реализуется в текстах, в которых читатель ещё в самом начале знает, что произойдёт с героем и его основной интерес заключается не в узнавании итога, а в понимании подробностей и деталей произошедшего с героем. В. Тюпа так формулирует содержание рекреативной интриги: «нарративный интерес восприятия поддерживается не ожиданием конечного результата, а нюансами детализации и развертывания речевой ткани

высказывания» [Тюпа 2015: 14]. Роман «Возвращение в Египет» начинается с предисловия, в котором повествователь описывает найденный архив семейной переписки потомков Н.В. Гоголя, сданный в Народный архив в Москве после смерти корреспондентов с целью сохранения истории. То есть читатель уже в предисловии узнает, что все авторы писем уже умерли. В первых же письмах читатель начинает больше узнавать о смерти главного героя и Колей Гоголем, и его корреспондентами формулируются основные вопросы, на которые читателю предстоит найти ответ в процессе чтения романа.

В первой папке романа читатель узнает следующее: Коля Гоголь (Второй) скончался в Казахстане, был женат. В конце жизни рассказывал, что являлся предводителем адвентистов в Памире и вёл их к спасению, но его родственники в этом сомневаются, несмотря на уверенность рассказчика: «Знаешь, я ещё весной заподозрила, что Коля собрался уходить. В апреле Соня прислала мне странное письмо про Хиву и про Памир <...> Что же до того, что Коля прожил в горном селении не один десяток лет, что-то проповедовал, кого-то спасал, то Соня права – это вообще чушь. Я его жизнь знаю, Памир в неё не вмещается» [Шаров 2013: 21]. В этой же папке писем представлен список корреспондентов Коли Гоголя (Второго) из 21 человека, в нем есть известные художники, гоголеведы, историки, шпионы, врачи, режиссёры и т.д.

Внутри списка есть две детали, которые вызывают интерес читателя и заставляют задаться вопросом, а что дальше, зачем это? Первая деталь – у некоторых членов списка обозначены роли из пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор», в списке есть полицейские, почтмейстер, слуги, слесарша и т.д., но нет городничего и самого Хлестакова. Вторая деталь, вызывающая желание понять, что будет дальше, заключается в различии описания корреспондентов: о матери и отце Коли Гоголя (Второго) указана только информация о родстве, у других же корреспондентов коротко сформулирована история их жизни, центральные интересы, а у одного из корреспондентов, дяди Артемия, в папку с краткой сводкой о родственниках даже приложено эссе о повести «Нос» Н.В. Гоголя.

Таким образом, в Предисловии и первой папке писем в романе заданы несколько деталей, которые и вызывают интерес читателя к последующим событиям, чтобы понять, каким образом сформировалась переписка корреспондентов и что все же произошло с Колей Гоголем (Вторым), почему он умер и был ли он спасителем адвентистов в Памире.

Формируется рекреативная интрига, при помощи нескольких интригостроительных приёмов. В определении приёмов интригостроения мы опираемся на работы В. Тюпа, Г. Жиличевой и О. Гримовой. Роман разделен на Предисловие и 25 папок писем корреспондентов. Объем папок не равномерный, папки расположены не всегда в хронологическом порядке. Один из главных приёмов построения рекреативной интриги как раз основан на расположении папок с письмами в романе. **Инверсия** позволяет задать интерес читателя к судьбе Коли Гоголя (Второго). Первая папка писем обозначена 1993 и 1956 годами, далее фигурируют две папки 1957 и 1958 годов. В этих трёх папках читателю даны основные сведения о последних годах жизни главного героя, о его отношениях с отцом и матерью, о его интересах. Разрывают хронологический порядок две папки детской корреспонденции 1931 – 1940 годов. Детством обозначается весь период жизни Коли – до ареста отца и его собственного. В детских папках читатель узнает все о замысле потомков Н.В. Гоголя завершить поэму «Мёртвые души», тут же представлены мысли и идеи семьи Гоголей о других его произведениях («Ревизор», «Старосветские помещики», «Нос» и др.). Использование инверсии в расположении папок и самого рассказывания истории позволяет автору дать ряд фактов о жизни и идеях героев романа и увлечь читателя в процесс понимания, получения ответов на вопросы «Как это произошло? Произошло ли это на самом деле? и Случилось ли это в итоге?».

Одной инверсии для построения рекреативной интриги недостаточно и автор также использует приём **паралепсиса** (Ж. Женетт называет термином «предоставление меньшего объема информации, чем в принципе необходимо» [Женнет 1998: 395]). Рассмотрим на примере истории рождения самого Коли

Гоголя (Второго). О том, что Коля не является чистым Гоголем по крови (рождённым от двух потомков Гоголей) читатель узнает в папке №4 (1931 – 1937 годы): «Более того, хотя с пелёнок я и ношу знаменитую фамилию, прав на это у меня немного. Мать, урождённая Гоголь-Быкова, действительно принадлежала к этому роду, отцом же моим был крестьянин-бедняк из села Стриженово Калужской губернии Паршин Василий Христофорович» [Шаров 2013: 78]. И только в папке №24 рассказана история рождения Коли Гоголя (Второго) и отношений его матери и отца.

При помощи того же паралепсиса рассказана и история жены Коли Гоголя (Второго) – Сони. Соня появляется также в начале романа, именно с пересказов её писем начинается роман и история Коли. Буквально в первом письме читатель узнает, что Коля Гоголь у Сони второй муж, оба мужа её умерли. И дальше вплоть до папки №10 о Соне никто не вспоминает, не пишет, а вся папка №10 посвящена смерти Вяземского – первого мужа Сони (папка состоит из четырех отрывков писем). И далее история Сони раскрывается сразу в нескольких папках – в папках № 11, 12, 13. Приём паралепсиса используется нарратором в первую очередь для повествования об истории Коли и Сони Гоголей. Оба – потомки Н.В.Гоголя, но со смешанной кровью (мать Сони, как и мать Коли, была изнасилована посторонним роду человеком), но именно от них мог родиться последний «чистый» Гоголь. Однако детей у них не было.

Ещё один приём пропуска и отдаления раскрытия подробностей – **пролепис** (по Ж. Женетту это «опережающий рассказ о некоем позднейшем событии» [Женнет 1998: 317]), используемый в романе, позволяет нарратору сохранять интерес читателя не на основе неизвестности, а на основании желания узнать подробности событий, ответить на вопрос, почему так произошло. Рассмотрим на примерах использование пролеписиса в романе.

В первой папке пересказывается история Коли Гоголя (Второго), скитающегося вместе с адвентистами по Памиру в поисках пути из рабства: «Теперь же, когда этих адвентистов, как и других русских сектантов, режут в

Фергане целыми деревнями, когда тех, кто ещё жив, надо спасать, выводить из дома рабства, Коля, будто он был там объясняет, что они встали и пошли за ним, пошли, пусть и с печалью, но без робости. <...> Он рассказывает очень уверенно, с бездной подробностей и деталей, называет имена проводников...» [Шаров 2013: 22]. Но читатель не знает, как начинался этот путь, почему Коля уверен, что он вывел адвентистов и главное, куда вёл путь. Читатель видит лишь уверенность Коли, что так и было, и полную неуверенность корреспондентов Коли в реальности происходящего. Подробности этого события будут раскрыты только в папке №16. Здесь даны и сведения, как оказался Коля среди адвентистов, и чем закончилась вербовка: «Именно в этом гареме три бывших студента Алма-Атинского университета вербовали меня в руководители адвентистов – своих единоверцев. Я тогда ясно понимал, что это развилка, шанс решительно изменить свою жизнь, о котором давно просил. И всё же после долгих разговоров о Священном Писании и вообще о жизни отказался. <...> Сейчас, вспоминая предложение адвентистов, я всё отчётливее сознаю, что мне предлагалось стать для этого народа Моисеем и однажды, когда настанут плохие времена, вывести его из дома рабства» [Шаров 2013: 579].

Это значит, что, помимо и без того сложной структуры романа, авторского повествования, существует еще ненаписанный роман, возможное будущее Коли (подобно тому, как Коля описал возможное будущее Чичикова).

Построение основного нарратива связано с приёмами умалчивания подробностей жизни героев, а также сам нарратив построен по принципу инверсии. Внутри рекреативной интриги воплощается и **любовная интрига**, она также подчинена рекреативной и является дополнительным элементом, чтобы раскрыть нарративную стратегию. В ходе любовной интриги развивается история Коли Гоголя (Второго) и Сони. Любовная интрига развивается по схеме утрата – поиск – обретение, но так как она подчинена рекреативной интриге, то в нарративе схема перевернута и повествование начинается с обретения (читатель знает, что Коля и Соня прожили совместно

30 лет), далее рассказывается история поиска (отношения Коли и Сони после смерти мужа Вяземского, Сонины поиски, сомнения Коли в правильности совместной жизни) и завершается любовная интрига утратой (читателю сообщается, что Коля и Соня были предназначены друг другу семьей ещё с детства). Любовная интрига становится одним из инструментов для реализации основной нарративной стратегии повествования вторичных нарраторов в романе.

Необходимо обозначить ещё один прием, используемый автором в организации рекреативной интриги, – **встраивание текста-в-тексте**. В рамки рекреативной интриги встроена «Синописис» продолжения поэмы «Мертвые души», написанный Колей Гоголем (Вторым) после освобождения из лагеря. Его задачей было восстановить то, что Коля планировал до ареста. Использование Шаровым вставного текста «Синописиса», совместно с перечисленными ранее приемами построения рекреативной интриги, выстраивает систему восприятия жизни Коли Гоголя (Второго) и помогает понять цель и итог жизни героя.

«Синописис» мы выделяем в отдельный нарратив, так как он, в отличие от всего текста романа, принадлежит только Коле Гоголю и другие корреспонденты не включаются в повествование. Поэтому мы можем выделить этот сюжет в отдельный нарратив и провести его самостоятельный анализ. «Синописис» в отличие от основного текста романа построен по привычной читателю схеме повествования и в его основе лежит **авантюрная интрига**. Авантюрная интрига формирует «рецептивную установку слушателя на парадоксальное ожидание неожиданностей» [Тюпа 2015: 16]. В сюжетной основе авантюрной интриги лежит история Павла Чичикова, его путешествия и испытания, которые он преодолевает в процессе создания единой старообрядческой паствы: «дальше постепенно раскручивается шпионский роман, действие которого я время от времени буду прерывать новеллами на манер повести о капитане Копейкине» [Шаров 2013: 245], – так комментирует Коля Гоголь сюжет «Синописиса».

Авантюрная интрига воплощается при помощи нескольких приемов. Первый, самый явный, выражен в названии глав текста «Синописа». Текст поделен Колей Гоголем на 10 отдельных писем. Каждое из писем содержит подзаголовок, подобно Дантовской «Божественной комедии», описывающий этапы прохождения Чистилища и Земного Рая. Павел Чичиков, по замыслу Коли, должен пройти семь кругов Чистилища и Земной Рай, чтобы войти в Небесный Иерусалим: «я решил своё «Чистилище» разбить на что-то вроде семи кругов. Каждая – этап Исхода чичиковской души из адской бездны, её путь к Богу, к Небесному Иерусалиму» [Шаров 2013: 218]. Первые пять писем посвящены Чистилищу, 3 и 4 круги, 6 и 7 круги были объединены в одно письмо, а далее ещё 5 писем посвящены прохождению Земного Рая. Павел Чичиков, вслед за Данте, проходит каждый круг Чистилища. Первый круг: Чичиков, благодаря Муразову, узнает о старообрядцах, о их вере и судьбе в истории России: «Чичиков начинает интересоваться и всем, что касается раскола. Муразов охотно рассказывает об Аввакуме и братьях Денисовых, о Выге, Ветке и нынешних монастырях на Иргизе. На Чичикова эти рассказы действуют» [Шаров 2013: 233]. Во втором круге Павел Чичиков на два года остается в монастыре и борется с внутренними бесами, только после того как он смог изгнать всех бесов, Павел становится старообрядческим иноком Павлом. Третий и четвертый круг посвящены привычным для Павла Чичикова Н.В. Гоголя путешествиям и приключениям в дороге.

В 1831-1832гг., согласно синопису, проходит Московский собор староверов, на котором было принято решение о необходимости воссоздать старообрядческую паству и лучше всего на роль представителя старообрядцев подходил именно инок Павел.

Дальше начинается тот самый шпионский роман, о котором говорил Коля Гоголь. Павел Чичиков получает наследство от Муразова, которое нужно потратить на богоугодные цели. И Павел получает возможность вновь вернуться к страннической жизни: «Для Чичикова приходит пора вернуться к кочевой, страннической жизни, и он рад перемене. Тем более что на этот раз

речь идет о совсем других душах» [Шаров 2013: 246]. Чичиков вместе со спутником, иноком Авраамием, под видом дворянина и чиновника шестого класса (Чичиков) и купца третьей гильдии (Авраамий) отправляются в Месопотамию и Персию на поиски живущей ещё церкви, «никогда не отступавшей от православного благочестия» [Шаров 2013: 247]. Преодолевая препятствия, они едут в Австро-Венгрию, встречаются в Вене с императором Фердинандом, отправляются в другие страны и там тоже встречаются с историческими личностями, которых мы рассмотрели в рамках исторического дискурса в романе. Получив австрийские паспорта и поддержку от первых лиц, они вновь отправляются на Восток в Османскую империю. Балканы – Константинополь – Греция – Малая Азия – Иерусалим – Иудейская пустыня и Синай – Египет (Мицраим, Каир) – после этого герои вновь вернутся в Константинополь.

Возвращение в Константинополь Павла Чичикова происходит в пятом круге Чистилища, в соответствии с названиями писем. В Константинополе они находят подходящего для возрождения старообрядческой церкви митрополита Амвросия и тайно везут его в Белую Криницу. Чичиков, Авраамий и Амвросий отправляют в путь на этот раз в образе казаков. Приключения третьего и четвертого кругов Чистилища завершились успешным восстановлением древней иерархии, и Павел Чичиков был первым посвящен в новые епископы. Шестой и седьмой круги вновь были объединены Колей Гоголем в одно письмо. Здесь самое узкое место Чистилища, его завершение, и Павлу Чичикову необходимо его преодолеть, чтобы войти в Земной Рай. Чичиков назовет в своем дневнике этот период так: «Отправлен к больным, в карантине сидящим» [Шаров 2013: 263]. Так епископ Павел будет ездить по России, нигде не остановившись больше чем на одни сутки, и «вернет в поповство несколько сотен душ» [Шаров 2013: 265]. Узким горлышком для Чичикова станет Пражское восстание. Однажды Чичиков приезжает на «созыв в Праге панславянского съезда в качестве посланника от старообрядческих поселений Буковины» [Шаров 2013: 267]. Здесь он выступает с речью, обличает в

преследованиях, пытках и казнях романовскую империю, Австрийскую империю, вызывая восторг у делегатов. «Двадцатого июня, как раз в Духов день, который Чичиков ещё в России считал днем начала своего духовного выздоровления, в Праге возникают массовые волнения» [Шаров 2013: 268], начинаются они от отеля, где проживал Чичиков, и сам Чичиков тоже принимает активное участие в восстании, вместе с Бакуниным.

Далее в *Земном Рае* Чичиков продолжает ездить по России, но повествование в *Земном Рае* отличается от *Чистилища*. Приключения Чичикова отходят на второй план, хотя его поездки не прекращаются до самой смерти, но на первый план выходят размышления Павла Чичикова о своем пути и пути старообрядческой паствы. Здесь на первый план выходит **интрига поиска идентичности героя**.

Ольга Седакова в работе «*Земной рай в Божественной Комедии Данте: о природе поэзии*» отмечает, что авантюренность «*Божественной комедии*» больше направлена на испытание и изменение самого повествователя: «И если *Комедия* есть в своем роде эксперимент и авантюра, то эта авантюра и этот эксперимент имеют в виду не получение некоторых тайных и новых знаний о невидимой части мироздания, а прежде всего – испытание и изменение самого повествователя, его очищение, обновление, Капзитапаге (преображение, превосхождение человеческого)» [Седакова 2009: 6]. В «Синописе» читатель видит, что авантюренность является именно основой для испытаний и изменения самого Павла Чичикова. Об этом говорит и Коля Гоголь. В романе текст «Синописа» предваряют комментарии Коли Гоголи о процессе его создания и о тех идеях, которые легли в основу продолжения поэмы «*Мертвые души*». «Уверен, ты будешь удивлен, в какую сторону я думал повернуть поэму <...> Два письма о Гоголе и малороссийском епископате, о его роли в русском расколе произвели на меня чрезвычайное впечатление. В «Синописе» я использовал их и в хвост, и в гриву» [Шаров 2013: 221].

Такое предисловие к «Синопису» и имеющееся представление читателя о герое Павле Чичикове создают ощущение *неоднозначности авантюры*,

которая будет представлена в тексте. Предваряющие комментарии Коли настраивают на высокую авантюренность (“авантюренность Бомарше”), О. Гримова охарактеризовала такой тип авантюренности следующим образом: «вероятно, синонимичная витальности, гибкости и остроте ума, креативности, жажде постижения мира во всем его многообразии, по этической шкале оцениваемая как “добро”» [Гримова 2019: 203]. А читательский опыт скорее формирует представление о «низкой авантюренности, корыстной предприимчивости, этически далеко не безупречной» [Гримова 2019: 203]. Именно неоднозначность авантюрной интриги вызывает необходимость для Павла Чичикова на протяжении всего «Синописа» выбирать, определяться, верным ли он путем идет, нужно ли ему принимать на себя ту или иную роль. В «Синописе» рассказывается, каким был Павел Чичиков до начала своего пути к Земному Раю: «Именно доверенным лицом зла, его законным эмиссаром он год за годом ездил по другим помещикам и скупал у них души почивших в бозе» [Шаров 2013: 238]. Мы видим, каким стал Павел Чичиков после освобождения от бесов: «После искуса он даже внешне делается другим. Располагающая упитанность, гладкость фигуры и лица, которые с удовольствием описывал Николай Васильевич, как и фрак цвета наваринского дыму с пламенем – его любимого, уйдут невозвратно. Он изменится так сильно, что никто из прежних знакомых его уже не признает» [Шаров 2013: 237]. И далее: «Павла Ивановича из первой части поэмы в иноке Павле узнать нелегко. Староверы отзываются о нем как о человеке “железной воли и тонкого ума”» [Шаров 2013: 244].

В Земном Рае «Синописа» чаще включается в структуру дополнительный режим **ментатива**, чаще появляется осмысление Чичиковым происходящих событий с ним и старообрядческой паствой в целом. Отношения нарратива и ментатива были охарактеризованы О. Гримовой: «Событийный ряд, таким образом, выполняет функцию “поставщика материала” для рефлексии, направленной на выведение неких значимых для авторского задания “формул”» [Гримова 2019: 204]. Осмысление происходящего Чичиковым

выражается в форме комментариев в дневниках (хотя дневник Чичиков ведет все время, но обращается Коля Гоголь к нему в Земном Рае): «В этой части поэмы я тогда перед войной предполагал строго держаться чичиковского дневника...» [Шаров 2013: 280]. Дневники Чичикова, как и Земной Рай, посвящены комментариям Пятикнижью Моисеева: «В дневниковых книжках Чичикова (всего их одиннадцать) остались и эти переводы, и выписки из текстов, обративших его особое внимание» [Шаров 2013: 273].

Далее в 5 письмах Земного Рая будут переключаться нарратив на ментатив. Так как «Синописис» реализуется в излюбленном В. Шаровым формате пересказа, то чаще всего и размышления Чичикова читатель видит в форме пересказа Коли Гоголя: «Ныне плотнее других губерний чичиковскими прихожанами заселен горнозаводской Урал от Екатеринбургa, Первоуральска, Нижнего Тагила до Воткинска. Служа и проповедуя среди работных людей, Чичиков каждый день с радостью убеждается, что в этом крае измена Всевышнему так и не сумела пустить корни» [Шаров 2013: 283]. И далее Коля Гоголь рассказывает о тесных отношениях Чичикова с Кельсиевым, Чайковским, Огаревым, помощью журнала «Колокол» в распространении листовок среди старообрядцев и снова возвращается к дневникам: «Первое свидетельство начавшейся работы – запись в дневнике от 15 мая пятьдесят четвертого года, что и староверы, и те, кого Чичиков уже тогда называл народниками, убеждены, что весь Божий мир попал под власть антихриста, и готовы на любые жертвы, только бы разрушить до основания это царство зла» [Шаров 2013: 289]. В конце жизни не события, а именно размышления Чичикова становятся развязкой истории. Перед смертью Чичиков рассказывает, что во сне, наконец, увидел Небесный Иерусалим: «Сказал, что удивился, найдя в Иерусалиме не только храмы, но и прекрасные дворцы <...> Завершил же рассказ тем, что, Слава Богу, не обманул землевольцев: город и вправду возведен из эфира и электричества, потому на равных, что в солнечный день, что в безлунную ночь, весь светится изнутри» [Шаров 2013: 316].

Таким образом, авантюрная интрига в «Синописе» становится основой для развития интриги становления героя. Павел Чичиков проходит путь становления: от Чичикова из поэмы Н.В. Гоголя, преодолевает испытания изгнания бесов и поиска митрополита, сам становится епископом старообрядческой церкви, но тут начинаются испытания в новой роли – роли епископа Павла. Сначала Чичиков проходит испытание странствием и возвращается в поповство множество людей, после паства начинает распадаться под давлением власти и Чичиков пытается не опустить руки, находит силы в революции и сотрудничестве с народниками, в конце жизни именно народникам он передает оставшиеся деньги на революцию в России. Но Небесный Иерусалим все равно остается недоступен Чичикову, его тело осталось полно греха: «Душа его была уже в Раю, видела Святой город, а тело, отяжелевшее от грехов, он так и не сумел оторвать от земли, оно будто вросло в неё» [Шаров 2013: 316].

Текст «Синописа» в романе «Возвращение в Египет» играет важную роль для понимания строения всего художественного текста. «Синопис» в романе выступает **редупликацией** для интриги, окольцовывающей весь роман Шарова, для **энигматической интриги**. Судьба Чичикова, его путь поиска идентичности повторяет в сжатом виде этапы развития идей всего романа. Л.Е. Муравьев в работе «Редупликация (mise en abyme) и текст в тексте» дает важную для нашего анализа характеристику, позволяющую определять «Синопис» именно в качестве редупликации основной интриги: «Амбицией редупликации является стремление расположить один и тот же объект рассказывания на разных уровнях, будь то образ, мотив, идея или событие» [Муравьев 2016: 46]. «Синопис», построенный по логике Чистилища и Земного Рая, вслед за Данте, дает основания для рассмотрения центральной интриги романа в этой же логике – пути спасения Гоголей и русского избранного православного народа.

«Строй энигматической интриги ориентирован не на гносеологическую загадку, а на онтологическую тайну, предполагающую не исчерпание интриги

разгадкой, а лишь цепь прояснений, приближений, прикосновений к запредельному для человеческого опыта содержанию жизни» [Тюпа 2015: 17].

Энигматическая интрига в романе В. Шарова поддерживается поиском ответов на несколько вопросов, сформированных, но явно не произнесенных в романе. Главный вопрос «Как соединить две важные части жизни человека и народа?» сформулирована в предисловии нарратором следующим образом: «помню странное ощущение, что ноги семят в одну сторону, а головы катятся в другую» [Шаров 2013: 12]. Он же в дальнейшем формулируется в самом повествовании вторичными нарраторами (корреспондентами Коли Гоголя (Второго)): «Его [Гоголя] ойкумена – пограничные состояния, стыки и временные зазоры. Территория, где сходятся жизнь и смерть, сходит с ума ещё вчера обычный человек <...> И вот в эту щель, как она ни узка, Гоголь умудряется забиться, заполнить её и загрузить собой» [Шаров 2013: 79]. И второй вопрос, в поисках ответа на который находятся все персонажи романа: «Избран ли Н.В. Гоголь, вслед за ним весь род Гоголей и вообще русский народ?». В ходе изучения творчества Н.В. Гоголя корреспонденты стараются доказать, что Н.В. Гоголь был избран, и вот одно из доказательств, сформулированное в эссе дяди Артемия: «В этой мистике дана вера Гоголя, что он как мессия предназначен соединить собой, а может быть, и в себе самом католичество и православие» [Шаров 2013: 36]. Этим вопросом задается и сам Коля Гоголь (Второй): «А что, если и я избран? А что, если и вправду спасусь?» [Шаров 2013: 42]

Энигматическая интрига охватывает структуру всего романа «Возвращение в Египет» и имеет кольцевое построение, по Б. Томашевскому: «Одна новелла (обрамляющая) раздвигается. Изложение её растягивается на весь роман, и в неё внедряются в качестве перебивающих эпизодов все остальные новеллы» [Томашевский 1925: 202].

Эпистолярная форма романа позволяет реализовывать одновременно поиск разных ответов на центральные вопросы энигматической интриги. В романе читатель видит и разные точки зрения корреспондентов, и вставные

тексты, в которых они высказывают высказывающие свои идеи и взгляды на заданные вопросы. В. Шаров в письме М. Шишкину писал о процессе работы с эпистолярной формой романа: «Настоящие проблемы начались, только когда пришло время решать, какое письмо за каким пойдет. Я, честно говоря, на этот счет особо не мандражировал, считал, что обычная человеческая хронология сама все выстроит. Но потом понял, что «Мертвые души» должны быть где-то ближе к середине, а не к концу «Египта», что они не вывод, а основа для других писем» [Шишкин 2020: 51].

Например, после пересказа «Синописа» дядя Ференц пишет Коле: «спустя год как первый том “Мертвых душ” вышел из печати <...> распространился слух, что народился антихрист именем Чичиков. Он на корню скупает человеческие души, чтобы не дать Господу их спасти» [Шаров 2013: 344]. Также представлены размышления об истории России, одни считают историю России историей Исхода из Египта, другие же считают её возвращением в Египет, а кто-то считает, что Россия уже много веков мечется между Египтом и Красным морем, постоянно переходя среди расступившихся вод и возвращаясь тем же путём обратно.

Развитию энigmatической интриги помогают и **сквозные элементы и темы** размышлений, переписки, включенные в роман. Центральными темами обсуждений корреспондентов стали история Н.В. Гоголя, его избранности, история старообрядческой секты бегунов, у кормчего которых вторую половину жизни живет Коля Гоголь (Второй) с отцом и женой Соней, история Церковного раскола XVII века, а точнее вопроса упразднения его последствий – единение двух направлений веры. В процессе переписки и размышлений на заданные темы корреспонденты каждый раз возвращаются к вопросам основной интриги и через повторяющиеся элементы читатель в том числе видит варианты ответов на вопросы «Избран ли я, Н.В. Гоголь и весь русский народ?» и «Как зарастить две движущиеся в разном направлении части?».

Как одну из ярких особенностей художественных текстов В. Шарова исследователи называли изменение скорости и плотности повествования:

«контраст между замедлением и ускорением повествования сам по себе является лишь разновидностью более широкой дихотомии, на которой, как мне кажется, строятся романы Шарова, а точнее, на контрасте плотности и сложности, с одной стороны, и ясности – и даже прозрачности, – с другой» [Реди 2020: 399]. Для формирования энигматической интриги также важен ритм повествования: «Формирование основной интриги происходит на уровне вербализации наррации, и особенно значимую роль здесь играет ритм эпизодизации, постепенно приобретающий собственный “семантический ореол”» [Гримова 2019: 236].

Владимир Шаров по-разному работает с рекреативной интригой и интригой энигматической. В рамках рекреативной интриги в тексте расставлены акценты на важные события в жизни героев, которые раскрывают этапы жизни Коли Гоголя и его семьи (жены, мамы, отца). Эти этапы чаще всего вынесены в отдельные небольшие по объему папки. Например, в папке №8 (Москва, октябрь – середина ноября 1958г.) читатель узнает о том, что мама Коли болеет, сам Коля уезжает из Старицы, где жил после выхода из лагеря, архивы на Лубянке ещё не открыли. Папка представляет собой одну страницу с тремя выдержками из писем корреспондентам. А в рамках энигматической интриги темп повествования строится иначе, чаще всего автор, наоборот, замедляет наррацию, прибегает к **ретардации**, тем самым ставя акцент на заданных вопросах и предлагая разные способы ответов на них.

Одним из самых ярких примеров ретардации, используемых Шаровым, является разобранный ранее нарратив «Синопсиса». Он встроен в качестве элемента, соединяющего жизнь Коли Гоголя (Второго) до ареста (1940) и после ареста (1954) и располагается в папке №7 (1955 – 1956г.), представляя собой 10 объемных писем. Коля Гоголь писал дяде Артемию прежде, чем начать пересказ «Синопсиса»: «Готовься, это может быть и сотня страниц» [Шаров 2013: 227].

«Синопсис» является самым важным элементом, замедляющим движение. В нем повествователь и дает ответы на поставленные вопросы, и проигрывает

этапы жизни одной из идей, о которых переписываются корреспонденты в жизни. Павел Чичиков, уверовавший в собственную избранность и избранность русского старообрядчества, в итоге жизни разочаровывается и в своей избранности (его тело отяжелело от грехов), и в избранности старообрядцев (они под влиянием власти отошли от старообрядчества и переходили в синодальную веру). Показан и сам путь, который проходит и страна, и герой – разочарование в имеющемся строе, устройстве жизни и государства: поиск новой идеи, жизнь идеями, столкновение с препятствием или «узким горлышком», которое большинство не сможет пройти, как следствие, разочарование в идее, поиск новой идеи и революция для очищения старого и начала всего нового.

Есть и другие, не менее важные отступления в тексте, замедляющие ход основной интриги. В тексте романа есть около 13 вставных историй, схожих с «Повестью о капитане Копейкине» в поэме «Мертвые души», раскрывающих на примере других героев важные идеи и смыслы повествования.

На наш взгляд, нарратив энигматической интриги, по подобию с «Синописом» **состоит из двух частей**. Первая часть представляет собой первые восемь папок писем и в её центре – идея спасения России при помощи завершения поэмы «Мертвые души». В этой части нарратива корреспонденты приводят свои комментарии к большинству произведений Н.В. Гоголя: они остаются уверены, что Гоголь избран, и именно его поэма поможет привести русский православный народ в Небесный Иерусалим. Коля Гоголь (Второй), как и Павел Чичиков, даже оказывается мессией (в конце жизни Коля уверял, что вывел и спас адвентистов от греха, перевел через Памир), в лагере «Кедрачи» Коля Гоголь был агрономом и их лагерь был самым лучшим в округе: «зэки с других зон констицынскую считали за Землю Обетованную» [Шаров 2013: 194]. Но итогом этой идеи должны были стать второй и третий том «Мертвых душ». Однако и Павел Чичиков в «Синописе» не смог попасть в Небесный Иерусалим, и сам Коля Гоголь после лагеря уже не верил в возможность дописать поэму: «Конечно, к “Мертвым душам” я уже не

вернусь» [Шаров 2013: 221]. Завершается первая часть отъездом Коли Гоголя (Второго) из Старицы, в которой он жил после лагеря, в которой писал письма с «Синописом». Эта часть была, так называемым Чистилищем, которое было необходимо пройти семье Гоголей.

Следующая часть посвящена более широкому вопросу. Корреспонденты пытаются ответить на новый вопрос: «Если не Гоголь, то кто мессия и выведет русский избранный народ в Небесный Иерусалим?» и также ищут путь для сращения последствий Церковного раскола XVII века.

Во второй части романа герои начинают поиски заново. Первая папка второй части (папка №9) посвящена вопросу избранности Руси: «Наша избранность никуда не девается, только, как змея, меняет кожу. В восемнадцатом году так произошло с православием. Впрочем, у всего живого цикл повторяется» [Шаров 2013: 357]. И далее каждая папка писем посвящена той или иной теме и их порядок представляет собой путь, описанный в «Синописе». В нарративе для подтверждения и акцента на теме повествователь замедляет темп и встраивает дополнительные истории, пересказываемые корреспондентами.

Например, папка №13 включает три больших истории, рассказывающих о разочаровании и видении греховности мира. Первая история – история Матфея Лошадникова, до 1928 года – члене партии, исключенного из партии за дар плакальщика: «рыдал и рыдал, предвидя для народа новые, главное неисчислимы бедствия» [Шаров 2013: 468]. В 1938 он был арестован за пессимизм и подрыв веры в светлое будущее: «что Лошадников, что намоленные иконы в самом деле плачут, сочувствуя нам. Но, может, и так, что они просто переполнились людским горем и бедами. Всё это в них больше не вмещается» [Шаров 2013: 468]. Также в нарративе есть и «узкое горлышко», которое проходят не все и после него, не пройдя его, вновь возвращаются в основной массе назад. Узким горлышком стал для Коли Гоголя период его вербовки адвентистами: «понимал, что это развилка, шанс решительно изменить свою жизнь» [Шаров 2013: 579]. А для страны этим стали

Ходынская и Трубная площадь: «Пятьдесят лет между Ходынской и Трубной – тесные врата. Мы ломались в них, не жалея ни себя, ни других. Ломались так, будто нас и впрямь преследовал антихрист» [Шаров 2013: 592]. После «узкого горлышка» все больше обсуждается возвращение избранного народа в Египет, корреспонденты также разочаровались (папка №24, где выясняется, что Коля и Соня не родят «чистого» Гоголя: открывается история зачатия Коли и Сони от насилия красноармейца). В конце романа Коля Гоголь «возвращается в Египет», то есть смиряется с рабской участью: он принимает цикличность жизни, ежедневно накапливая грехи свои и народа и нагружая козла отпущения чужими грехами. В финале показан и бывший революционер Евтихеев, сидевший вместе с отцом Коли в лагере: он живет в доме престарелых и прекращает бороться за идею, наблюдая за «нильской водой», которую видела его мать перед своей смертью. Нильская вода – это знак его «возвращения в Египет», отказа от поиска истины.

Прием ретардации позволяет нарратору расставить акценты на значимых темах в переписке корреспондентов Коли Гоголя (Второго), замедляет повествование и заставляет читателя задуматься, соединить между собой все темы и обсуждения и прийти вместе с героями к развязке. Развязка энигматической интриги утопична, показывает гибель идеи.

В результате анализа нарративной организации романа «Возвращение в Египет» мы видим, что центральным нарративом романа является нарратив с энигматической интригой. И ответы на вопросы, задаваемые нарратором в предисловии о том, какой путь выбрать, чтобы соединить «ноги, семяющие в одну сторону, и головы, катящиеся в другую» [Шаров 2013: 12], отражают историсофскую концепцию Владимира Шарова. Расколотость каждого русского человека и общества в целом заставляет каждый раз начинать путь заново. И пока русский народ не сможет преодолеть «узкое горлышко» конфликта различных идей, пока не сможет выбрать одну идею, объединиться в её достижении надолго, возможности выйти из вечного цикла не будет.

Проверим, как работают повествовательные интриги на примере других романов В. Шарова. Главной чертой романов писателя стало использование рекреативной интриги для организации сюжета романа. Роман «След в след» (1991) начинается с повествования о смерти приемного отца первичного нарратора, именно историю семьи приемного отца Ф.Н. Голосова и будет составлять по запискам, архивным делам и дневниковым записям повествователь романа С.П. Колоухов. Повествование о каждом из членов семьи в дальнейшем будет предваряться также фактами о том, как завершилась жизнь члена семьи. В романе «Мне ли не пожалеть...» (1995) повествование тоже начинается с истории уже взрослых потомков Лептагова (композитора, дирижера хора), сестер Лептаговых. История же самого В. Лептагова тоже начинается с его кончины. Организация центрального сюжета романа при помощи рекреативной интриги позволяет писателю отражать трагичный опыт судеб людей XX века.

Дополнительной интригой в романах становится авантюрная интрига, как в романе «Царство Агамемнона» (2018) (роман начинается с сюжета об авантюрах самозванца внука князя Михаила Романова), или любовная интрига в романе «До и во время» (1993) (формируется вокруг героини Жермены де Сталь), также автор использует и назидательную (притчевую) интригу в романе «Будьте как дети» (2008) (читатель видит путь Дуси от человеческой природы женщины к святости).

Интригой, воплощающей историософские вопросы писателя, становится в романах энигматическая интрига. В романе «Будьте как дети» (2008) центральный нарратив формируется библейским мифом из Евангелия от Матфея о возможности войти в Небесный Иерусалим невинным детям. Все герои романа так или иначе задаются вопросом, как войти в Небесный Иерусалим. В романе библейский текст трактуется по-разному. Слова «Иисус услышал мольбу матерей и отказ учеников и, обращаясь к ним, сказал: пустите детей и никогда не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Евангелие от Матфея 19:14) привели главную героиню

юродивую Дусю к тому, что она вымолила смерть маленькой девочке Саше. А героем Владимиром Лениным они были поняты иначе, и сам Ленин, в понимании повествователей о его жизни в романе, стремился в конце жизни стать ребенком, поэтому не препятствовал развитию болезни. Ленин с помощью Троцкого организовал «крестовый поход» к Святой земле детей-сирот из детских домов страны. Для них были разработаны подробные карты, а их Моисеем стал отец Никодим. Энигматическая интрига организована рядом событий, которые посвящены поиску способа войти в Небесный Иерусалим, и все герои, по-разному понимая библейский путь, предпринимают свои попытки. Однако, как и в «Возвращении в Египет», все герои терпят неудачи и не обретают путь в Небесный Иерусалим.

3.5. Функционирование романной модели В. Шарова

Анализ дискурсивной и нарративной организации романа «Возвращение в Египет» показал, что это метаисторисофский роман, воплощающий характерные национальные дискурсы русской истории. Воссоздание множества дискурсов позволяет автору обращаться к разным историсофским концепциям. Писатель представляет на каждый из дискурсов различные точки зрения, которые принадлежат многочисленным нарраторам. Но так или иначе нарраторы сливаются в единый хор (при помощи формы наррации, или прямого образа хора) и все нарраторские истории подчиняются какому-либо национальному мифу (библейскому, культурному, историческому). Объединяются дискурсы и множество нарраторов тремя центральными нарративными интригами: рекреативной (формирующей сюжет романа), авантюрной (организующей вставные тексты) и энигматической (задающей вопросы, на которые герои в течение всей жизни ищут ответ).

При помощи нарратологического анализа романа «Возвращение в Египет» мы показали, как устроены романы В. Шарова, их дискурсивную и нарративную организацию. Об отдельных аспектах нарративной организации романов Шарова шла речь в первой и второй главах работы (анализировалась

художественная структура романа «След в след», «Репетиции», «До и во время», «Воскрешение Лазаря», «Будьте как дети». Важно обратиться к последнему роману Владимира Шарова, ставшему его творческим итогом и завещанием.

Сравним устройство романа «Возвращение в Египет» (2013) с последним романом «Царство Агамемнона» (2018), чтобы проверить нашу гипотезу о наличии авторской единой романной модели.

Роман «Царство Агамемнона» уже рассматривался во второй главе настоящей работы с точки зрения воплощения в нем идей русской религиозной философии. Здесь мы обратим внимание на архитектонику, на модель построения романа.

Роман «Царство Агамемнона» представляет собой тетрадь с записями разговоров, вставными статьями и вырезками из журналов. Автор заметок – Глеб, филолог, литературовед. Глеб по заданию издателя занимается изучением и сбором текстов писателя Николая Жестовского, но в связи с событиями XX века, в котором жил Н. Жестовский, все материалы сохранились в разных местах: часть в архивах Лубянки, часть осталась в сибирских поселениях, а другую часть можно найти только в воспоминаниях людей, знавших Жестовского. Глебу удастся встретиться с дочерью Н. Жестовского и стать её регулярным собеседником. Глеб устроился медбратом и дом для престарелых, где она живет. Именно из записей разговоров Глеба с Галиной Николаевной Телегиной (дочерью Н. Жестовского) и состоит текст романа Шарова. Из уст Галины Николаевны, называвшей себя Электрой, Глеб узнает историю жизни Н. Жестовского. Жестовский – автор двух романов «Царство Агамемнона» и «Литургика», оба романа ни дочь, ни Глеб не видели, так как первый роман «Царство Агамемнона» был изъят при одном из арестов Жестовского, а также были изъяты и копии, хранившиеся у знакомых писателя. Об этом романе Галина знает только от своего мужа, Сергея Телегина, так как ему удалось прочитать несколько отрывков в деле Жестовского, а часть знает из рассказов самого отца Н. Жестовского или

рассказов матери – жены Жестовского. Второй роман «Литургика не был дописан, но активно обсуждался отцом с дочерью Галиной, а также она помогала перепечатывать и править отрывки из него. Оба романа сложились из различных идей и взглядов самого Н. Жестовского и окружавших его исторических реалий XX века. Н. Жестовский застал революции 1917 и 1918 гг, скитался несколько лет по Уралу в образе царя Михаила Романова, за счет чего и смог пережить холода и скрыться от ареста, но в итоге все же был арестован. После освобождения женился на матери Галины, которая родила ему двоих детей. Мать из-за ревности дочери к отцу стала называть Галину Электрой, так и прижилось в их семье: мать – Клитемнестра, Жестовский – Агамемнон, Галина – Электра, а её брат Зорик – Орест. Клитемнестра металась между Н.Жестовским и Сергеем Телегиным, к которому периодически уходила вместе с детьми. Когда Электра выросла, мать была вынуждена вернуться к Агамемнону, так как Электра и С. Телегин поженились, у них родился сын. В конце жизни Н.Жестовский становится отцом Никифором и уходит жить один на болота, именно там он пишет «Литургику», в которой ему помогает Галина (Электра). Роман завершается письмами от отца Никифора отцу Игнатию, которые писала вместо своего отца Электра. А начинается роман с истории самозванца – потомка рода Романовых, Евгения Романова – внука Михаила Романова (русского шпиона, по совместительству сына Галины Телегиной, внука Николая Жестовского).

Изучению романа «Царство Агамемнона» посвящена работа В. Березина «В реке времени» (2020), он встраивает роман в череду предшествующих романов и обнаруживает возможность объединения романов писателя в цикл: «"Царство Агамемнона" – magnum opus Шарова. Не оттого, что это лучшая его вещь (все хорошо, но по-разному), а оттого, что она, подобно магистралу, пятнадцатому сонету из венка, включает в себя части и смыслы других романов» [Березин 2020: 138]. И. Кукулин в работе «Электра, сестра Палисандра: нарративы фантастического родства и их функции в романах Владимира Шарова» (2020), обращает внимание на формирование гротескной

генеологической связи, на самозванный образ родства, родство, толкающее на обман и ложь. А. Бердичевская ставит акцент на особенности нарративной организации романа: «у романа “Царство Агамемнона” не счесть авторов. Его созидают, о нем рассказывают, в нем живет и умирает множество действующих лиц истории – реальных от вымышленных отличить невозможно» [Бердичевская 2020: 171]. Также к анализу романа обращаются Б. Беленкин, М. Эпштейн, М. Липовецкий и другие в процессе анализа того или иного аспекта творчества В. Шарова как к роману, воплотившему многие аспекты историософской концепции писателя. В работе мы обратимся именно к романной модели, реализованной в «Царстве Агамемнона».

Роман «Царство Агамемнона» построен на пересечении трех центральных дискурсов: литературного, исторического и мифологического. Литературный дискурс сформирован образами повествователя (Глеба, литературного редактора, изучающего творчество Н. Жестовского) и главного героя романа Николая Жестовского (автора романов «Царство Агамемнона» и «Литургика»). Жестовский пишет одноименный роман «Царство Агамемнона» в качестве пятого тома «Братьев Карамазовых» (характерен здесь мотив «дописывания» классика, как в «Возвращении в Египет»). Роман был начат как история об Алеше (Мессии), но Смердяков (Антихрист) вновь победил: «И вот пятый отцовский том «Карамазовых» не о младшем из братьев – Алеше, как предполагал Достоевский; она книга презренного смерда, который, будто античный герой, восстал, поднялся против нашей общей неправды. Готов извести ее под корень» [Шаров 2018m: 214].

Исторический дискурс подчиняет жизнь героев реалиям XX века. Жестовский был вынужден прожить несколько лет в образе Михаила Романова, четыре раза был арестован и отправлен в лагерь (в последний раз сидел на поселении в Ухте). Причины были разные, но чаще всего – доносы о контрреволюционной деятельности самозванца, или сомнительном характере его романа «Царство Агамемнона». И сам Жестовский был завербован следователем и еженедельно писал доносы на коллег с завода, даже на родную

дочь. Очередной арест Жестовского и изъятие рукописей романа вынудили отказаться героя от идеи создания романа по мотивам греческого мифа.

Дискурс греческого мифа становится главным, он руководит жизнью всех героев. Повествование истории начинается словами: «перед нами история Электры» [Шаров 2018m: 39]. Вся жизнь героев предстает как греческий миф, с постоянными повторами и четким распределением ролей в мифе: «похоже, и её [Электры] жизнь, и жизнь её родни впрямь строилась по греческим лекалам» [Шаров 2018m: 54]. Главный герой романа Н. Жестовского «Царство Агамемнона» Гавриил Мясников организует убийство М. Романова (как и реальный Г. Мясников), чтобы дать шанс свершиться революции. В романе Жестовского революция для Мясникова была шансом вырваться из вечного угнетения, самодержавия и рабства, а он сделал первый шаг к завершению самодержавия, эту бесконечную цикличность Жестовский сравнивает с греческим представлением о мире: «Вслед за Мясниковым отец писал революцию как вселенских масштабов катаклизм, как космического размаха смуту, цель которой разорвать греческую удавку, затянутую на народном горле» [Шаров 2018m: 273].

Дискурс греческого мифа переплетается с историческим и литературным.

В романе также есть и дополнительные дискурсы, характерные для романов Шарова: история рода, библейский и др. Так, Н. Жестовский в конце жизни становится отцом Никифором и пишет «Литургику»: «литургия для меня не просто ось веры. Я убежден: всё, что составляет мир, что мы видим, слышим, понимаем, есть законные, обязательные части единой литургической службы» [Шаров 2018m: 69]. Есть в романе и самозванцы (им, можно сказать, посвящен весь роман), и власть (выражается через деятельность НКВД в большей степени).

Переплетение всех дискурсов происходит в процессе разговоров повествователя Глеба и дочери Жестовского – Галины Николаевны (Электры). Автор доводит до предела использование пересказа в романе. Первичный нарратор Глеб занимается изучением творчества Н. Жестовского, большая

часть романа представляет собой дневниковые записи Глеба о разговорах с дочерью Жестовского – Галиной, которые ведутся в доме для престарелых, где Глеб работает медбратом. Галина рассказывает свою историю, историю своей семьи и отца (много из рассказанного она знает по историям, услышанным от отца), а также Галина становится повествователем романа Жестовского «Царство Агамемнона». Если история жизни отца дается читателю в виде тройного пересказа (отец рассказывал Галине – Галина Глебу, а Глеб записывает в дневнике), то повествование о романе в романе, тексте Жестовского, автор доводит до абсурда.

Текст романа Жестовского был изъят при его аресте и сама Галина не имела возможности его прочитать, его читал только муж Галины – Сергей, но только часть, и пересказал его Галине, другую же часть Сергей прочитал в записях допроса и также рассказал Галине. Таким образом, роман пересказывается пять раз, и именно в таком виде предстает перед читателем, что заставляет усомниться в существовании романа Жестовского «Царство Агамемнона». И в случае с романом даже документность (записи с допросов, дневниковые записи Глеба) не могут преодолеть ненадежность повествователя, а усугубляется ненадежность нарратора преклонным возрастом Галины Николаевны и «гранью между рассудком и бредом», на которой она находится.

Бесконечный пересказ становится инструментом формирования рекреативной интриги в романе, то есть восстановления нормального хода жизни как некоего общего достояния. Как и в других романах Шарова, повествование начинается с конца, и это заявляется нарратором прямо: «начну с финала, который превратил эту историю в фарс» [Шаров 2018m: 7]. Далее идет история самозваного внука Михаила Романова Евгения (сына Галины Николаевны и внука Н. Жестовского). История Галины Николаевны (Электры) начинается в романе с последних лет её жизни вне дома престарелых: в левшанском приходе узнают об обмане, который на протяжении почти пятнадцати лет она скрывала, подделывая письма от отца Никифора (в миру Н. Жестовского), адресованные старцу прихода отцу Игнатию. В ходе

построения интриги читатель постепенно узнает о жизни самой Электры, о её матери, о её муже и сыне, а также историю Н. Жестовского. Таким образом, история каждого всегда начинается с конца жизни героя, и организуется рекреативная интрига.

Роман изобилует вставными текстами: это эссе «Бал у сатаны» вошедший в роман и в сборник эссе В. Шарова, и история из журнала «Эсквайр» об авантюрных приключениях внука Жестовского, и тексты допросов. Большинство из них построены по принципу авантюрной интриги. Но и история самого Жестовского иногда представляет собой повествование о приключениях героя, например, рассказ о скитаниях Жестовского по Уралу в образе Михаила Романова.

Но главной интригой, обрамляющей весь роман, вновь становится энигматическая, то есть предполагающая приближение к разгадке онтологической тайны.

Каждый нарратор в романе задается вопросом: «Что – вера, а что – ересь? Кто спаситель, а кто – Антихрист. Не обманулся ли, правильно ли распознал их?» Эссе повествователя Глеба «Бал у сатаны» посвящено этому вопросу: «Антихрист – вот он уже, но главное, как было предсказано, мы обманулись, приняли его за Спасителя...» [Шаров 2018m: 41] Электра в конце жизни усомнилась в правильности наследования царства Агамемнона и рассказами Глебу хочет доказать, что была права всю жизнь: «она вдруг испугалась выморочного имущества. Перестала понимать, а стоило ли стараться... не жалея сил расширять отцовское наследство на юг и на север, на запад и на восток? Потому что все было замешано на большой крови, а раз так – получалось, что ты и кровь перенимаешь на себя» [Шаров 2018m: 55]. Но и эта интрига подчиняется главному дискурсу – греческому мифу, ни читатель, ни герои не получают прямого ответа на вопрос. Но в конце романа вновь встречаются с тем же вопросом, а, значит, греческий цикл начинается заново и к спасению никто не пришел. «Мясников ненавидел греческое понимание жизни, мир, в котором всё и всегда повторяется, никуда не отклоняясь идет по

кругу, кончается в той же самой точке, где началось, и в этой же самой точке начинается снова» – так устроен и роман В. Шарова «Царство Агамемнона», судьбы героев начинаются и завершаются в романе в той же самой точке.

Таким образом, структура последнего романа писателя «Царство Агамемнона», его стилистика, приемы дискурсивной и нарративной организации схожи со структурой иных его романов, и прежде всего с романом «Возвращение в Египет», который мы рассмотрели подробно в настоящей главе.

Выводы по главе

Проверив модель метаисториософского романа, выявленную нами в ходе анализа романа Шарова «Возвращение в Египет», на других романах писателя и в особенности на последнем, «Царство Агамемнона», мы можем сделать вывод, что модель работает на всех романах Владимира Шарова.

В процессе изучения этапов формирования историософской концепции мы показали, что в ранних романах писатель сосредоточен на отдельных аспектах историософии (родовое устройство в романе «След в след» (1991), эсхатологическое ожидание Второго пришествия репетируется в романе «Репетиции» (1992)). В поздних романах писатель фантазмагорически воплощает все составляющие своей историософской концепции. Эти составляющие организуют характерные национальные дискурсы, репрезентированные в дискурсе романном, авторском.

Анализ нарративной организации романов Владимира Шарова позволил выявить составляющие нарративной стратегии автора. Сюжетообразующей становится рекреативная интрига, множество нарраторов образуют хор нарраторов-современников повествуемых событий, но важно отметить, что каждый из нарраторов рассказывает не свои истории, а пересказывает истории и идеи других. Нарраторы как бы воспроизводят чужой текст, но проверить достоверность повествуемого текста невозможно.

Как уже было сказано в первой главе, определение жанровой природы романов автора представляется трудной задачей в связи с использованием Шаровым в романах различных литературных инструментов. Благодаря нарратологическому анализу мы можем определить протожанровые черты романов Шарова. В. Тюпа в ходе анализа нарративных дискурсов выделяет нарративы, используемые в речевых жанрах, повлиявшие на формирование основных литературных жанров. В.Тюпа проанализировал четыре долитературных жанра: сказание и сказку, притчу, анекдот, жизнеописание. Мы, вслед за В. Тюпой, можем отнести романы В. Шарова к сказаниям. В. Тюпа характеризует черты жанровой структуры сказания: картина мира является прецедентной и выстроена по принципу круговорота жизни – смерти – жизни, в котором происходит то, что должно происходить. Герой сказания – актант, т.е. исполнитель действий, он выполняет свою судьбу, не имеет возможности собственной воли, выбора действий. Герой, как и само знание повествуемого события, представлено общим знанием, знанием всего общества (сказание пересказывается и является «хоровым словом общенародной “хвалы”» [Тюпа 2012: 75]). И предназначается сказание для всех, имеет репродуктивный характер, т.е. «способен хранить и передавать коллективное знание (предание) аналогичному адресату» [Тюпа 2012: 76]. Но романы Шарова можно определить не только как сказания, основывая на романной метаинтриге. Сам Шаров и некоторые исследователи определяют романы и как притчи. Например, М. Шишкин пишет о структуре романов писателя: «Во всех романах [Шарова] один и тот же сюжет. Сперва вводится притча, неловко, путано. Метафора бережно держит роман в пригоршни, чтобы не расплескался. Начинаются поиски ее смысла, читатель вместе с героями отправляется в путь за спасением, за Богом» [Шишкин 2020: 66]

В. Шаров на примере разных героев и идей показывает, что история России представляет собой не последствия выбора отдельных правителей или героев, а воплощение воли самой судьбы России.

Заключение

В настоящей работе прослежены этапы формирования исторического мировоззрения В. Шарова, проанализированы философские идеи, определившие его концепцию национальной истории. Концепция истории и набор национальных мифов, описанные Шаровым в эссеистике, в его романах предстали в художественной форме, выразительно воплотившей ключевые идеи и мифы как национального сознания, так и самого писателя.

Самой значительной чертой вышеуказанной концепции, сформировавшейся у В. Шарова ещё при работе над диссертацией в 1984 году, стало понятие «узел истории». Именно такие «узлы истории» исследует писатель на протяжении всего своего творчества. В диссертации Шарова «узлом истории» автору, вслед за историком С.Ф. Платоновым, представляется Смутное время. Этот период представлял собой борьбу между верховной властью и аристократией, в дальнейшем, по Шарову, борьба между верховной властью и аристократией (или дворянством, или пролетариатом, в зависимости от периода истории) станет основой последующих революций в России. Также, благодаря работе над диссертацией, Владимир Шаров после изучения периода опричнины, пришёл ко второму важному для авторской историософии выводу о том, что история страны строится на отношениях между властью и подданными, освященных религиозным содержанием, поскольку концепция «Москва – Третий Рим» прежде всего была направлена на сакрализацию верховной власти (царь – помазанник Божий).

В последующем творчестве Шарова идеи, заложенные в период научной деятельности, получили развитие. В эссеистике Шарова прослеживается связь событий в истории России от XVII до XXI века, автор устанавливает причины исторических катаклизмов в России. Мессианская идея стала корнем всех революций в России, самой крупной и значимой из которых стал Церковный раскол XVII века. Эсхатологическая же идея заложила неизбежность революций после раскола XVII века, так как неистовое ожидание Второго

пришествия и отсутствие его наступления вынуждает искать новые пути решений, уничтожая предыдущую историю.

В романах Шаров словно собрал компендиум мифов, движущих национальное сознание: библейские, древнегреческие мифы, мифология советского периода, литературная мифология. Переводчик романов Шарова Оливер Реди в статье «Как сделаны романы Шарова»: «Репетиции» и «До и во время» показывает, как накладываются друг на друга мифы в романе «До и во время»: «по мере развития действия романа накапливаются различные слои прошлого: политическая история и мифология (французская революция, русская революция, поиски рая на земле, пародия на коммунизм, построенный в одной стране, которую олицетворяет палата) накладываются на библейскую историю и мифы из обоих Заветов (Потоп, Ковчег, Вавилонская башня, Апокалипсис) – в соответствии с принципом Шарова, убежденного, что вся российская история и культура являют собой «комментарий» к Священному Писанию» [Реди 2020: 406].

Часть мифов, нашедших воплощение в творчестве Шарова, уже были проанализированы исследователями – А. Пантюхиной, М. Липовецким, М. Эпштейном, А. Бердичевской и др. В настоящей работе стояла задача проследить генезис мировоззрения Шарова и определить текстуальные стратегии претворения и национальной мифологии, и мифологии авторской, в его текстах, полагали необходимым определить специфику историографического письма автора.

Мы проследили влияние философского контекста на формирование историософии Шарова. Одна из главных составляющих концепции истории автора – идея об определяющем влиянии на общенациональное сознание и историю России в целом концепции «Москва – Третий Рим». По Шарову, именно эта идея влияла в дальнейшем на характер отношений власти и народа (религиозный характер опричнины в том числе был обусловлен концепцией Филофея), она же сформировала отношение к власти как заместителю Бога на

земле, мессианскую роль России в мировой истории и её эсхатологический характер.

Авторская историософия, таким образом, формируется и на основе научной деятельности Шарова, и на базе других авторских концепций, литературных и религиозных, поэтому роман Шарова можно назвать метаисториософским.

В настоящей работе рассмотрено влияние русской религиозной философии XX века, но перспективой исследования может стать более глубокое изучение и других источников. Историософские концепции В. Соловьева, Н. Бердяева, Н. Федорова нашли отражение не только в эссеистике Шарова, но и в фикциональных текстах на уровне идей или героев романа. Эта особенность прозы Шарова и дает основание назвать его романы метаисториософскими.

Анализ воплощения авторской историософии в фикциональных текстах был проведен на примере предпоследнего романа В. Шарова «Возвращение в Египет» (2013). Этот роман стал, на наш взгляд, особенно показательным для творчества писателя. Именно он был отмечен четырьмя премиями. В нем соединились главные направления выражения историософской мысли в России – философские (идеи Н. Бердяева и Н. Федорова), политические (работы А. Герцена, И. Кельсиева), литературные (размышления Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского), художественные (А. Иванов, К. Малевич) и др.

Роман ярко демонстрирует характерное для Шарова взаимодействие методов модернизма (сотворение мифа) и постмодернизма (стиль, построенный на игре бесконечных цитат). Для претворения историософии в фикциональных текстах Шарову служат постмодернистские инструменты организации текста, становящиеся не принципом организации романа, а инструментами, воплощающими идеи автора.

Мы проверили нашу гипотезу о наличии единой романной модели В. Шарова на примере анализа последнего романа автора «Царство Агамемнона» (2018).

В основе каждого романа В. Шарова лежит единая романная модель: обрамляющий нарратив формируется библейским мифом (только в последнем

романе «Царство Агамемнона» (2018) библейский миф заменяется греческим мифом), воплощается библейский миф на базе исторического дискурса XX века (иногда Шаров обращается и к истории XVII века, например, в романе «Репетиции» (1992), но главные герои и повествователи живут в XX веке, в последнем же романе «Царство Агамемнона» (2018) главный герой живет в XX веке, а повествование происходит уже в XXI веке).

На фоне исторического дискурса с библейским мифом переплетаются также и другие мифы - например, литературный или миф воскрешения, миф рода. Для характерного в России «перемешивания» различных идей Шаров в интервью и эссе использовал образ варева в русских кабаках: «русская действительность конца XIX – начала XX веков кажется мне подобным варевом. В котел брошено несметное число самых разных идей и настроений, кажется, не забыто ничего, о чем люди думали за последние две-две с половиной тысячи лет... В котле огромная температура, огромное давление, и в этом напролет кипящем, бурлящем бульоне идеи, будто мясо от костей, легко отдаляются от времени – когда, и от людей – которые их проповедовали. А дальше сами по себе распадаются на части и снова без малейшего сопротивления соединяются в какие-то немислимые (во всяком случае, прежде) союзы и конфигурации» [Шаров 2018j: 208].

Нарратологический подход к анализу романов В. Шарова позволил нам воссоздать романную модель писателя. Нарративная интрига романов Шарова восходит к жанровой конвенции сказания, то есть в них писатель обличает логику и судьбу русской истории и России, но не дает оценки ей.

Множественные нарраторы и нарративы, в том числе трансформации русских философских и литературных идей, воплощают множественные диегетические миры. А.И. Корчинский отмечает, что диегетический мир является не вымышленным миром как таковым, а «является “нарративным аналогом” действительного мира, “ментальной проекцией”» [Корчинский 2021]. Диегетический мир представляет отобранные нарратором факты и события, обогащенные воображаемым дополнением «схемы» диегетического

мира до целого. Диегетический мир «впервые синтезируется в воображаемом автора/нарратора и подвергается вторичному воображаемому синтезу читателя» [Корчинский 2021]. То есть множественные нарративы в романах В. Шарова являются множественными диегетическими мирами, воплощающими реальный мир, но каждый из диегетических миров представляет свою «нарративную схему» и свои детали воображаемого автором или нарратором и читателем.

В перспективе понимания нарратива как воплощения диегетического мира можно объяснить природу фантастического у Шарова в рамках нарративной онтологии. В.П. Руднев в контексте нарративной онтологии называет понятия «истина» и «ложь» иллюзорными, считая, что «на их место становятся вопросы «“Что будет дальше?” и “Чем это кончится?”» [Руднев 2015: 1608]. «Истина и ложь суть ярлыки, которые мы навешиваем на реальность» [Руднев 2015: 1616]. Автор осмысляет постмодернистскую реальность как множество миров, в виде ленты Мебиуса, движущейся в противоположные стороны. Такое представление о мире представлено и в метаисториософских романах В. Шарова: страна, по Шарову, после раскола бесконечно движется в разных направлениях, создавая новые и новые концепции и идеологии. Но герои романов писателя каждый раз стремятся к тому, чтобы определить, какой мир действительный, какая идеология сможет спасти Россию и помочь ей достичь Царствия Небесного. Множественность миров обуславливается, по М.Б. Менскому, наличием коллективного бессознательного, которое и создает это множество миров. В бесконечных мирах ленты Мебиуса в нарративной онтологии наррация отвечает на вопросы, задаваемые и героями романов В. Шарова, «что будет дальше и чем кончится?» В связи с множественностью миров и множественностью жизней Руднев приходит к выводу, что истина и ложь существуют одновременно по принципу «все сразу». Нарраторы в романах В. Шарова, как мы показали ранее, создают множество диегетических миров, в каждом из которых одновременно живут и сами, и их идеи, и в

каждом из них ответы на вопросы «что будет дальше и чем кончится?» являются для одного мира истиной, а для другого – ложью.

Поясним, как соотносятся нарративизация в фикциональном мире и нарративизация, направленная на осмысление обществом человеческого существования. В.В. Бабич пришел к выводу о том, что нарративность не только организует опыт человека и мира, но нарративы и «конституируют нашу самость, принимают участие в создании intersubъективного мира и влияют на то, как мы взаимодействуем с другими» [Бабич 2024: 52]. Таким образом, нарратив переходит из инструмента организации опыта в инструмент интерпретации реальности, а также начинает влиять и формировать существование, онтологию: «нарративные интерпретации оказывают реальное влияние на наше существование, формируя его: они позволяют конструировать нашу самость, принимают участие в создании intersubъективного мира и влияют на то, как мы взаимодействуем с другими. С эмпирической точки зрения это означает, что интерпретации имеют реальные, материальные, мирообразующие последствия» [Бабич 2024: 52].

В таком представлении нарративности мы можем понимать нарративы в романах писателя как множественные миры, повествующие о различных истинах и организующие опыт истории России.

Создание множественных миров позволило Владимиру Шарову создать модель метаисториософского романа, в котором одновременно конструируются и интерпретируются разные историософские концепции, нарративизируется исторический опыт. Находясь одновременно в романе, каждый из миров попеременно претендует на главенство, но также отходит и на второй план, переплетаясь с другими идеями в различных нарративах. Автор же получает возможность не высказывать собственную оценку историософским идеям, передавая возможность высказывания нарраторов, которые и определяют в каждом из нарратологических миров истину и ложь.

При всей оригинальности организации художественных текстов Владимир Шаров оказывается в ряду писателей-современников, которые также задаются

вопросами о целях и смыслах русской истории, о её логике. Историсофские идеи, сходные с шаровскими, можно встретить в творчестве Ю. Буйды (исследователи отмечают такие составляющие центрального мифа творчества писателя как род с отцами-основателями во главе, обращение к культурной мифологии [Куриленко 2024]). В романах Ф. Горенштейн обращается к библейскому и историческому дискурсу, к культурным мифам, представляя модель человеческой истории также, как и В. Шаров, цикличной [Пантюхина 2020]. В романах П. Крусанова также проявляются черты историсофского мифологического романа, автор опирается на литературный и философский контекст, чтобы сформировать собственный миф. Задачей его мифа становится поиск объединения раздробленности картины мира, поиски истины [Пахомова 2012]. К числу авторов, чьи романы литературоведы причисляют к историсофским, относятся и Т. Толстая, В. Сорокин, М. Шишкин и другие. У названных трех авторов историсофская концепция во многом перекликается с шаровской: в части циклического характера русской истории (в романе «Кысь» исторические циклы воспроизводятся от взрыва до взрыва, а опричнина в романе Сорокина «День опричника» воссоздается в ближайшем будущем, славянские боги в романе Шишкина «Взятие Измаила» создаются заново в новые эпохи в образах героев), в части роли религии в изображении российской жизни любой эпохи, в воссоздании мессианского (изображение богоизбранной власти) и эсхатологического (особенно в антиутопиях Т. Толстой) мифов и др.

В представленном исследовании мы проследили процесс формирования историсофских взглядов Владимира Шарова на протяжении всего творческого периода и в разных дискурсах (научном, эссеистическом, фикциональном), определили «формулу» авторской историсофии и характер её воплощения в фикциональных текстах писателя разных периодов. Предложенная нами модель историсофской концепции и метаисторисофского романа, а также методика анализа нарративных инстанций и повествовательной интриги романа может быть использована при

анализе художественных текстов других авторов, а также при выявлении общих тенденций современной литературы

Творчество Владимира Шарова заслуживает пристального изучения. Ещё предстоит подробно изучить литературные и философские реминисценции в фикциональных текстах писателя, так как мы затронули лишь часть тех идей и концепций, к которым обращается В. Шаров. Перспективно было бы сопоставить модели метаисторисофских романов авторов-современников, и не только современников. Дальнейшие исследования могут быть продолжены в том числе с использованием предложенных материалов и выводов настоящей работы.

Библиографический список

Источники

1. Андреева О. «Жизнь — это только испытательный срок». Писатель Владимир Шаров о литературе и смысле русской истории [интервью] [Электронный ресурс] // Горький, 2018. URL: <https://gorky.media/context/zhizn-eto-tolko-ispytatelnyj-srok/> (дата обращения 04.11.2024).
2. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. П.: YMCA-PRESS, 1967. С. 67 – 106.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
4. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука, 2015. 320 с.
5. Бердяев Н.А. Смысл истории. СПб.: Азбука, 2016. 256 с.
6. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: АСТ, 2004. 352 с.
7. Березин В. Есть образ мира, который я хочу записать [интервью] // Дружба народов, 1996. №8. С. 172 – 177.
8. Бойко М. Герои на длинном поводке [интервью] [Электронный ресурс] // Независимая газета, 2008. URL: http://www.ng.ru/person/2008-06-05/2_sharov.html (дата обращения 05.09.2024).
9. Борисов Г. «Отказ от детей – растянутое самоубийство» : беседа с Владимиром Шаровым [интервью] // Владимир Шаров: По ту сторону истории / Сборник статей и материалов; под ред. М. Липовецкого и А. де Ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 650 – 661.
10. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // [Соч.] Николая Гоголя. СПб: тип. Деп. внеш. торговли, 1847. 287 с.
11. Иваницкая Е. Абсурд нашей жизни [интервью] [Электронный ресурс] // Московские новости, 2002. №39. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/absurd-nashei-zhizni/dossier_2264/ (дата обращения: 04.11.2024).
12. Игрунова Н. Я не чувствую себя ни учителем, ни пророком [интервью] // Дружба народов. 2004. №8. С. 191 – 198.
13. Кельсиев И.В. Исповедь. Литературное наследство. Т. 41. С. 253 – 468.

14. Липовецкий М.Н. Каждый мой новый роман дополняет предыдущие [интервью] [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас, 2008. № 3 (59). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/kazhdyj-moj-novyj-roman-dopolnyaet-predydushhie.html> (дата обращения 10.08.2024).
15. Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным / Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачев и др. СПб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI век. С. 14 – 101.
16. Платонов А.П. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2009. Т. 2. 464 с.
17. Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. М.: Типография В.С. Балашева, 1888. 372 с.
18. Платонов С.Ф. Иван Грозный (1530-1584). Пг.: Брокгауз-Ефрон, 1923. 160 с.
19. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории / Вступит. ст. А. Н. Фукса. М.: Высш. шк., 1993. 736 с.
20. Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб.: Типография И.Н.Скороходова, 1901. 520 с.
21. Послания старца Филофея // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачев и др. СПб: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. С. 290 – 305.
22. Сказание о князьях Владимирских // Библиотека литературы Древней Руси. / под ред. Д.С. Лихачев и др. СПб: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV – первая половина XVI века. С. 278 – 289.
23. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений. М.: Традиция, 1997. Том III. 743 с.
24. Шаров В.А. «Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож» // Перекрестное опыление: сборник эссе. М.: ArsisBooks, 2018a. С. 54 – 74.
25. Шаров В.А. «Когда Шера в форме» // Перекрестное опыление: сборник эссе. М.: ArsisBooks, 2018b. С. 6 – 30.
26. Шаров В.А. «Я прожил жизнь» // Перекрестное опыление: сборник эссе. М.: ArsisBooks, 2018c. С. 244 – 276.

27. Шаров В.А. Александр Горелик // Перекрестное опыление: сборник эссе. М.: ArsisBooks, 2018d. С. 114 – 134.
28. Шаров В.А. Бал у сатаны (его эстетика и этика) // Перекрестное опыление: сборник эссе. М.: ArsisBooks, 2018e. С. 169 – 181.
29. Шаров В.А. Будьте как дети. М.: Издательство АСТ, 2017. 448 с.
30. Шаров В.А. Верховые революции // Искушение революцией (русская верховная власть): эссе. М.: ArsisBooks, 2009a. С. 97 – 154.
31. Шаров В.А. Возвращение в Египет. М.: АСТ, 2013. 759 с.
32. Шаров В.А. Воскрешение Лазаря. М.: ArsisBooks, 2019. 368 с.
33. Шаров В.А. До и во время // След в след. Мне ли не пожалеть. До и во время. М.: Издательство АСТ, 2022. С. 111 – 255.
34. Шаров В.А. Записи деда // Искушение революцией (русская верховная власть): эссе. М.: ArsisBooks, 2009b. С. 155 – 170.
35. Шаров В.А. Игорь Вулох // Перекрестное опыление: сборник эссе. М.: ArsisBooks, 2018f. С. 75 – 80.
36. Шаров В.А. Икона Святого Георгия Победоносца с клеймами // Искушение революцией (русская верховная власть): эссе. М.: ArsisBooks, 2009c. С. 79 – 96.
37. Шаров В.А. Как я писал «Репетиции» // Перекрестное опыление: сборник эссе. М.: ArsisBooks, 2018g. С. 94 – 113.
38. Шаров В.А. Конфликт цивилизаций: подводная часть // Искушение революцией (русская верховная власть): эссе. М.: ArsisBooks, 2009i. С. 203 – 228.
39. Шаров В.А. Между двух революций (Андрей Платонов и русская идея) // Искушение революцией (русская верховная власть): эссе. М.: ArsisBooks, 2009d. С. 9 – 54.
40. Шаров В.А. Мне ли не пожалеть // След в след. Мне ли не пожалеть. До и во время. М.: Издательство АСТ, 2022. С. 256 – 368.
41. Шаров В.А. О «Записных книжках» Андрея Платонова // Искушение революцией (русская верховная власть): эссе. М.: ArsisBooks, 2009e. С. 55 – 68.

42. Шаров В.А. О Геке Комарове // Перекрестное опыление: сборник эссе. М.: ArsisBooks, 2018h. С. 81 – 93.
43. Шаров В.А. О прошлом настоящего и будущего // Искушение революцией (русская верховная власть): эссе. М.: ArsisBooks, 2009f. С. 229 – 238.
44. Шаров В.А. О сырьевых и несырьевых странах (письмо Александру Эткинду) // Перекрестное опыление: сборник эссе. М.: ArsisBooks, 2018i. С. 182 – 196.
45. Шаров В.А. Октябрь семнадцатого года и конец истории // Перекрестное опыление: сборник эссе. М.: ArsisBooks, 2018j. С. 197 – 243.
46. Шаров В.А. Опричнина // Родина, 1991а. №1. С. 22 – 24.
47. Шаров В.А. Опричнина Ивана Грозного: что это такое? // Искушение революцией (русская верховная власть): эссе. М.: ArsisBooks, 2009g. С. 171 – 202.
48. Шаров В.А. Переписка Ивана Грозного (1530-1584) с Андреем Курбским (1528-1583) // Перекрестное опыление: сборник эссе. М.: ArsisBooks, 2018k. С. 135 – 169.
49. Шаров В.А. Проблемы социальной и политической истории России второй половины XVI – начала VII вв. в трудах С.Ф. Платонова: дисс. ... канд.ист.наук. М., 1984. 179 с.
50. Шаров В.А. Рама воды. Сборник стихов. М.: ArsisBooks, 2016а. 88 с.
51. Шаров В.А. Репетиции. М.: Издательство АСТ, 1992. 352с.
52. Шаров В.А. След в след. М.: ArsisBooks, 2016b. 244 с.
53. Шаров В.А. След в след. Хроника одного рода в мыслях, комментариях и основных датах // Урал, 1991b. № 8. С. 37 – 86.
54. Шаров В.А. Старая девочка. М.: Астрель, 2012. 478 с.
55. Шаров В.А. Столица и провинция: два пути понимания жизни // Искушение революцией (русская верховная власть): эссе. М.: ArsisBooks, 2009h. С. 69 – 78.
56. Шаров В.А. Ходынка // Перекрестное опыление: сборник эссе. М.: ArsisBooks, 2018l. С. 31 – 42.

57. Шаров В.А. Царство Агамемнона. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018m. 669 с.
58. Шаров В.А. Школьный учитель // Перекрестное опыление: сборник эссе. М.: ArsisBooks, 2018n. С. 43 – 53.
59. Шаров В.А. Это я: я прожил жизнь [Электронный ресурс] // Дружба Народов, 2000. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2000/12/eto-ya-ya-prozhil-zhizn.html> (дата обращения: 13.02.2023).
60. Шохина В. Ни с кем из тех людей, кого я описал, я не боюсь встретиться... [интервью] // Независимая газета, 1993. №41 (565).

Исследовательская литература

61. Абашева М.П., Аристов Д.В. Военная проза 1990–2000-х годов: генезис и поэтика // Вестник ТГПУ, 2010. Вып. 8 (98). С. 139 – 144.
62. Абашева М.П., Киосе О.А. «По образованию я историк...» История в научном, публицистическом и художественном дискурсах Владимира Шарова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 2024. Т. 16, № 3. С. 111 – 119.
63. Абашева М.П., Киосе О.А. Метаисториософский роман Владимира Шарова «Возвращение в Египет» // Литература в контексте современности: сб. материалов XIII Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием (г. Челябинск, 10 октября 2021 г.). Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2021. С. 3 – 8.
64. Абашева М.П., Киосе О.А. Русские идеи. Дискурсивная организация романа Владимира Шарова «Возвращение в Египет» // Филология и культура, 2024. №4(78). С. 188 – 194.
65. Аксенова О.А. Историческая личность в системе персонажей постмодернистского повествования (на материале современной историографической метапрозы) // Вестник Костромского государственного университета, 2007. Т. 13, № 2. С. 59 – 63.

66. Андреев А.Л. Послесловие // Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 161 – 200.
67. Ащеулова И.В. Авторская историософия в эссеистике В. Шарова // Вестник Томского Государственного Университета. Филология, 2015. № 4 (36). С. 71 – 86.
68. Ащеулова И.В. Историческая проза В. Шарова в контексте русской исторической прозы второй половины XX начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. Филология, 2013. № 1 (21). С. 80 – 97.
69. Ащеулова И.В. Проза В. Шарова в контексте постмодернистского псевдоисторического дискурса // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2012. Т. 2. С. 42 – 49.
70. Бабич В.В. Нарративная идентичность: между онтологией и эпистемологией (опыт XX века) [Электронный ресурс] // Философия и культура, 2024. № 7. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43834
71. Бавильский Д. Ниши Шарова // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де Ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 370 – 395.
72. Баль В.Ю. Идея национального возрождения в романе В. Шарова «Возвращение в Египет»: диалог с Гоголем // Библиотека Журнала Русин, 2015. № 3 (3). С. 41 – 54.
73. Баль В.Ю. Гоголевская традиция в контексте ветхозаветного сюжета «Исхода» в романе В. Шарова «Возвращение в Египет» // Вестник Томского государственного университета, 2014. № 383. С. 13 – 20.
74. Баринов Д.А., Ростовцев Е.А. Платонов Сергей Федорович [Личная карточка, 1927] [Электронный ресурс] // ОА СПбГУ. Ф.1. Опись личных карточек профессорско-преподавательского состава за 1920-1940-е гг. Л. 919-919 об. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/839-platonov-sergey-fedorovich.html> (дата обращения: 12.12.2024).

75. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. [Текст] / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
76. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. М.: Прогресс, 1983. С. 306 – 349.
77. Бахтин М.М. Избранное. Том I: Автор и герой в эстетическом событии / Сост. Н.К. Боневская. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 544 с.
78. Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2012. 881 с.
79. Беленкин Б. Комментарий историка к «Царству Агамемнона» // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 173 – 181.
80. Белкин Б. Мне повезло. О встречах с Владимиром Шаровым и его книгами // Знамя, 2019. № 4. С. 143 – 151.
81. Бердичевская А. Пространство Шарова и «великая шаткость» // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 156 – 172.
82. Березин В. В реке времени // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 77 – 87.
83. Бреева Т.Н. Жанровая специфика исторософского романа в русской литературе XX века // Вестник ТГГПУ, 2010. № 2 (20). С. 138 – 147.
84. Бреева Т.Н. Концептуализация национального в русском исторософском романе ситуации рубежности: дис. ... д-ра филол.наук. Екатеринбург, 2011. 452 с.
85. Габриэлова А. Рифмы и рефрены: художественное время в романах Владимира Шарова // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 330 – 344.

86. Габриэлова А. Философско-исторический гротеск в романе В. Шарова «Возвращение в Египет» // Вопросы литературы, 2015. №3. С. 177 – 185.
87. Горбенко А. Homo conservat omnia: история как палимпсест нарративов в романах Владимира Шарова // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де Ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 447 – 467.
88. Горски Б. Шаров и правда, или Путь Гоголя // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де Ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 501 – 532.
89. Гримова О.А. Поэтика современного русского романа: жанровые трансформации и повествовательные стратегии: монография. Екб.: ИНТМЕДИА, 2019. 280 с.
90. Гройс Б. Русский космизм: биополитика бессмертия [Электронный ресурс] // Ad marginem, 2015. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/1886/> (дата обращения: 04.03.2024).
91. Данилина Г.И., Хавралёва О. В. «Спор о России» в книге Владимира Шарова «Искушение революцией» (2009): традиция и дискурс // Вестник Тюменского Государственного Университета. Гуманитарные Исследования. Humanitates, 2019. Т. 5. № 4. С. 98 – 111.
92. Дмитриев А. Между двух Платоновых, или Наука «данного иного» // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де Ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 349 – 368.
93. Дмитриева Е.Е. Сибирь, земля обетованная: От «Мертвых душ» Н. Гоголя к «Возвращению в Египет» В. Шарова (европейский и библейский контексты) // Сибирско-французский диалог и литературное освоение Сибири XVII-XX веков. Материалы международного научного семинара. М.: ИМЛИ, 2016. С. 49 – 61.

94. Добренко Е.А. Судный день русской литературы. Пост-классический роман: Канон и трансгрессия [Электронный ресурс] // Филологический класс, 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudnyy-den-russkoy-literatury-post-klassicheskiy-roman-kanon-i-transgressiya> (дата обращения: 16.11.2024).
95. Дронова Т.И. Категория жанра в современном литературоведении (к проблеме идентификации историософского романа) [Электронный ресурс] // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика, 2012. Т. 12. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-zhanra-v-sovremennom-literaturovedenii-k-probleme-identifikatsii-istoriosofskogo-romana> (дата обращения: 04.03.2024).
96. Дунаевская О. Когда часы остановились. // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 9 – 22.
97. Ефимов Н.И. «Русь – новый Израиль»: Теократ. идеология своеземного православия в до-Петр. письменности: [Посв. памяти патриарха соврем. рус. церк. историографии – проф. Е.Е. Голубинского]. Казань : тип. Ф.П. Окишева, 1912. 50 с.
98. Женетт Ж. Фигуры. М.: Изд-во им.Сабашниковых, 1998. Т.1. 944 с.
99. Жиличева Г.А. Нарративные стратегии провокации и откровения в русском романе 1920 – 1950-х годов / Новосибирский государственный педагогический университет. Новосиб.: Новосибирский государственный педагогический университет, 2012. 299 с.
100. Жуков Е.М. История // Советская Историческая Энциклопедия, 1965. Т. 6. Стлб. 1022.
101. Зайцева Н.В. Историософия как метафизика истории: опыт эпистемологической рефлексии. дисс. д-ра философ. наук. Чебокс., 2005. 297 с.
102. История русской литературы XX—XXI веков [Электронный ресурс] : учебник и практикум для вузов / В. А. Мескин [и др.] ; под общей редакцией

- В. А. Мескина. М.: Издательство Юрайт, 2024. 411 с. URL: <https://urait.ru/bcode/536293> (дата обращения: 10.09.2024).
103. Йоргансон М.В., Филлипс Л.Д. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. Х.: Гуманитарный Центр, 2008. 352 с.
104. Кайдаш С. Лоно Жермены де Сталь как колыбель русской революции // Независимая газета, 1993. №40 (565).
105. Каспэ И.М. Когда говорят вещи: документ и документность в русской литературе 2000-х. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 48 с.
106. Киосе О.А. Биографический нарратив в романах В. Шарова // Диалоги о культуре и искусстве: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Пермь, 12 – 14 октября 2022 г.). Пермь: ПГИК, 2022. С. 909 – 912.
107. Киосе О.А. Гоголевские мотивы в романе Владимира Шарова «Возвращение в Египет» // Молодая филология – 2017. Язык и литература: актуальные исследования: сб. ст. по матер. ежегодной научной студенческой конференции (г. Пермь, 25 – 26 апреля 2017 года). Пермь: ПГГПУ, 2017. С. 90 – 93.
108. Киосе О.А. Исторические персонажи в романе Владимира Шарова «Возвращение в Египет» // Молодая филология – 2018. Человек, культура, социум: сборник статей по материалам ежегодной научной студенческой конференции (г. Пермь, 24 – 25 апреля 2018 г.). Пермь: ПГГПУ, 2018. С. 71 – 75.
109. Киосе О.А. Между историей и вымыслом: В.И.Кельсиев в романе «Возвращение в Египет» // Сборник материалов международной научной конференции «Русская литература в меняющемся мире 2023»: 26 – 27 октября 2023 г. Ер.: Издательство РАУ, 2024. С. 150 – 160.
110. Киосе О.А. Философия Николая Федорова в художественной историософии Владимира Шарова // Современная наука: актуальные

- проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, 2024. № 12. С. 211 – 216.
111. Киосе О.А. Философия революции в творчестве Владимира Шарова // Эпистола. Филологический журнал, 2022. Т. 2, № 4. С. 56 – 65.
112. Киосе О.А. Церковный раскол как историософская концепция в публицистике В. Шарова // Молодая филология – 2019: Лингвистика, литературоведение, методика преподавания филологических дисциплин: сб. ст. по материалам студенческой научной конференции (8–9 апреля 2019 г., г. Пермь). Пермь: ПГГПУ, 2019. С. 54 – 58.
113. Кирчанов М.В. Русская история как изобретенная традиция в прозе Владимира Шарова: Образы бегства как возвращения и изгнания как травмирующего «крестного хода» и «крестового похода» в романах «Будьте как дети» и «Возвращение в Египет» // Филологические заметки, 2020. №18 (1). С. 45 – 71.
114. Ковтун Н.В., Ларина М.В. Образ «Первого вождя» в прозе Владимира Шарова: Мифология и символика // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты, 2021. №3 (47). С. 120 – 139.
115. Корчинский А.В. Диегетический мир и исторические формы воображаемого [Электронный ресурс] // Журнал Narratorium, 2021. URL: <https://narratorium.ru/2021/12/23/521/>
116. Костырко С., Роднянская И. Сор из избы // Новый мир, 1993. № 5. С. 186 – 189.
117. Кошелев В.А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. М.: НЛЮ, 2000. 512 с.
118. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка [А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [рук. проекта, гл. ред. д.филол.н. С.А. Кузнецов]. СПб.: Норинт, 2000. 1535 с.
119. Кукулин И. Электра, сестра Палисандра: нарративы фантастического родства и их функции в романах Владимира Шарова // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого;

- А. де Ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 424 – 446.
120. Куриленко М.В. Проза Юрия Буйды: мифопоэтика, циклизация, мотивика. Дисс. ... канд.филол.н. Пермь, 2024. 182 с.
121. Ларина М.В. Театр идей и бесконечный перформанс истории: поэтика романа Вл.Шарова «Репетиции». Сибирский филологический форум, 2020 №2 (10). С. 86 – 95.
122. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950 – 1990е годы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. Т. 2: 1968 – 1990. 688 с.
123. Липовецкий М. Теология террора: исторический метасюжет в романах Шарова // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де Ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 177 – 199.
124. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1997. 317 с.
125. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Русско-Балтийский инф.центр БЛИЦ, 1996. 159 с.
126. Лихина Н.Е. Актуальные проблемы современной русской литературы: Постмодернизм: Учеб. пособ. / Калинингр. ун-т. – Калининград, 1997. 59 с.
127. Лобин А. М. Концепции истории и формы их художественной репрезентации в русской литературе начала XXI века: дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2018. 399 с.
128. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука, 2023. 320 с.
129. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.
130. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Академический проект, 2018. 551 с.
131. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251 – 292.
132. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2022. 448 с.

133. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Эксмо, 2023. 512 с.
134. Маньковская Н.Б. «Париж со змеям» (Введение в эстетику постмодернизма). М.: ИФРАН, 1995. 220 с.
135. Маркова Т.Н. Роль архаических повествовательных форм в обновлении русской прозы// Уральский филологический вестник. Русская литература XX-XXI веков: направления и течения, 2018. № 3. С. 37 – 42.
136. Марчевская И.В. Русская религиозная философия в контексте постсоветской культуры: автореф.дисс. ... канд.филос.наук. Рост.-на-Дону, 2004. 22 с.
137. Машевский А. «О литературном процессе» и литературе в свете принципов и критериев // Вопросы литературы, 1994. №3. С. 318 – 327
138. Меладшина Ю.В. Гоголевский текст в романе В.А. Шарова «Возвращение в Египет. Выбранные места из переписки Николая Васильевича Гоголя (Второго)»: дис. ... канд. филол. наук. П., 2019. 228 с.
139. Меладшина Ю. В. Интерпретация Исхода в романе В. А. Шарова «Будьте как дети» / Ю. В. Меладшина // Диалоги о культуре и искусстве : Материалы X Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Пермь, 15–17 октября 2020 года. Том 1. Пермь: ПГИК, 2020. С. 368 – 373.
140. Меладшина, Ю. В. Мотив странничества в романе В. Шарова "Возвращение в Египет" / Ю. В. Меладшина // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сборник статей VI Международной научной конференции молодых ученых, Екатеринбург, 10 февраля 2017 года. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2017. С. 28 – 34.
141. Меладшина Ю. В. Преображение Павла Ивановича Чичикова в романе Владимира Шарова "Возвращение в Египет" / Ю. В. Меладшина // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология, 2018. Т. 28, № 5. С. 727 – 735.
142. Меладшина Ю. В. Тема старообрядчества в творчестве Н.В. Гоголя и В.А. Шарова // Технологос, 2023. № 1. С. 93 – 100.

143. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, 2021. 480 с.
144. Пантюхина А.И. Роман В. Шарова «След в след»: власть текста в истории // Филологический класс, 2016. №1(43). С. 88 – 95.
145. Пантюхина А.И. Художественные версии национальной истории в романах о современности (Ф.Горенштейн, В. Шаров, М.Шишкин). дисс. канд.фил.н. Т., 2020. 253 с.
146. Папков В. Бегство в Египет как палиндром (Владимир Шаров. Возвращение в Египет) // Новый мир, 2014. №12. С. 199 – 202.
147. Пахомова С.С. Повествовательные стратегии в современной прозе (П. Крусанов, В. Шаров, А. Королев): дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2012. 223 с.
148. Полонский В. В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 2008. 285 с.
149. Померанц Г. Кривизны творчества // Литературная газета, 1993. №40 (окт.06).
150. Пропп В.Я. Русская сказка (Собрание трудов В.Я. Проппа.) Научная редакция, комментарии Ю. С. Рассказова. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
151. Пульсон К. Владимир Шаров: Без работы распадаюсь на части // Российская газета, 2014. N 212 (6484).
152. Райнеке Ю.С. Исторический роман постмодернизма и традиции жанра: Великобритания, Германия, Австрия: дисс... канд.фил.наук. М., 2002. 212 с.
153. Реди О. Как сделаны романы Шарова: «Репетиции» и «До и во время» // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де Ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 396 – 423.
154. Реди О. Шаров. Реди. «Репетиции» [Электронный ресурс] // Год литературы.РФ, 2018. URL: <https://godliterature.ru/public-post/sharov-redirepeticii> (дата обращения 14.05.2023).
155. Рикёр П. Время и рассказ. Том I. Интрига и исторический рассказ. Москва: СПб, 2000а. 311 с.

156. Рикёр П. Время и рассказ. Том II. Конфигурация в вымышленном рассказе. . Москва: СПб, 2000b. 224 с.
157. Руднев В.П. Проблема истины и лжи в нарративной онтологии // Философия и культура, 2015. №11(95). С. 1608 – 1617.
158. Русакова О.Ф. Историсофия: толкования предмета и типология // Антиномии, 2002. № 3. С. 3 – 28.
159. Рыжиков Т.В. Эсхатологический сюжет в русской прозе рубежа XX – XXI веков. дисс. ... канд.фил.н. Краснодар, 2006. 185 с.
160. Семенов Ю.И. О русской религиозной философии конца XIX - начала XX века [Электронный ресурс] // Философия и общество, 1997. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-russkoy-religioznoy-filosofii-kontsa-xix-nachala-xx-veka> (дата обращения: 14.11.2024).
161. Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2004. 584 с.
162. Скорондаева А. «Русский Букер» получил Владимир Шаров с романом «Возвращение в Египет» [Электронный ресурс] // Российская газета, 2014. URL: <https://rg.ru/2014/12/05/buker-site.html> (дата обращения 09.11.2024).
163. Скоропанова И.С. Деконструкция исторического нарратива в романе В. Шарова «До и во время» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог, 2005. № 7. С. 184 – 198.
164. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. учеб. пособие. М.: Флинта Наука, 2007. 608 с.
165. Соловьев В.С. Русская идея. М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова, 1911. 51 с.
166. Сорокина Т.Е. Историсофские доминанты в романах в. Шарова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2013. № 3. С. 39 – 45.
167. Сорокина Т.Е. Современный русский роман как явление историсофской идеи // Культурная жизнь Юга России, 2011. №1. С. 66 – 68.

168. Сорокина Т.Е. Художественная историософия современного русского романа: дис. ... д-ра филол. наук. Красн., 2011. 473 с.
169. Сорокина Т.Е. Эсхатологические мотивы художественной историософии Владимира Шарова // Культурная жизнь Юга России, 2009. № 4. С. 69 – 72.
170. Татаринов А.В. Пути новейшей русской прозы [Электронный ресурс] : учеб. Пособие / А.В. Татаринов. М.: ФЛИНТА, 2015. 248 с. URL: <https://www.litres.ru/book/a-v-tatarinov/puti-noveyshey-russkoy-prozy-9360608/> (дата обращения: 13.09.2024).
171. Томашевский Б. Теория литературы (Поэтика). Ленинград: Гос-ое издательство Ленинград, 1925. 232 с.
172. Тюпа В. И. Введение в сравнительную нарратологию. М.: Intrada, 2016. 145 с.
173. Тюпа В.И. Введение в теорию коммуникации. Авторский ридер к лекционному курсу. РГГУ, 2012. 119 с.
174. Тюпа В. И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
175. Тюпа В. И. Нарративная стратегия романа «Доктор Живаго» // Поэтика «Доктора Живаго в нарратологическом прочтении. Коллективная монография. М.: Intrada, 2014.С. 76 – 104.
176. Тюпа В. И. Этнос нарративной интриги // Вестник РГГУ, 2015. № 2. С. 9–19.
177. Тюпа В.И. Жанровая природа нарративных стратегий // Филологический класс, 2018. № 2 (52). С. 19 – 24
178. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екб.: Издательство Уральского университета, 2002. 527 с.
179. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. 2-е изд. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1998. 800 с.
180. Фридлиндер Г.М. От «Мертвых душ» к «Братьям Карамазовым» // Достоевский: Материалы и исследования / РАН, ИРЛИ; гл. ред. Н. Ф.

- Буданова, акад. Г. М. Фридендер. СПб. : Наука, 1996. Т. 13: К 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. С. 16 – 22.
181. Фуко М. Порядок дискурса. Инаугурационная лекция в Коллеж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года // Фуко М. Воля к истине: По ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. С. В. Табачникова. М.: Магистериум, 1996. С. 47 – 96.
182. Хатчеон Л. Историографическая метапроза: Пародийность и интертекстуальность истории (перевод). [Электронный ресурс] // Журнал «Гефтер», 2013. URL: <http://gefter.ru/archive/8455> (дата обращения 15.11.2023).
183. Шапинская Е.Н. Дискурсивный подход // Вопросы социальной теории, 2008. Том II. Вып. N 1(2). С. 423 – 434.
184. Шишкин М. Бегун и корабль // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де Ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 36 – 79.
185. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
186. Шмидт С.О. Сергей Федорович Платонов // Портреты историков: Время и судьбы: В 2 т. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история. С. 111.
187. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
188. Эпштейн М.Н. Летописец Священной истории (вместо послесловия). // Перекрестное опыление: сборник эссе. М.: ArsisBooks, 2018. С. 106 – 108
189. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX – XX веков. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.
190. Эпштейн М.Н. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р.Элинина, 2000. 368 с.
191. Эпштейн М.Н. Сатанодицея: религиозный смысл русской истории по Владимиру Шарову // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де Ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 148 – 163.

192. Эткинд А⁹. Владимир Шаров как историк // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 286 – 309.
193. Cieszkowski A. Prolegomena zur Historiosophie. Paris: Editions Champ Libre, 1973. 204 p.
194. Emerson C. The Russian Revolution as fantastic sunaesthetic event (Sigizmund Krzhizhanovskii and Vladimir Sharov) // Journal of European Studies, 2020. Vol.50(I). P. 36 – 45.
195. Emerson C. К вопросу о Шарове и Льве Толстом // Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / под ред. М. Липовецкого; А. де ля Фортель. М.: Новое литературное обозрение (Научная библиотека), 2020. С. 220 – 256.
196. Emerson Carol. Vladimir Sharov on History, Memoir, and a Metaphysics of Ends // Slavic and East European Journal, 2019. 63.4. P. 597 – 607.
197. Gorski B. Cultural Capitalism and Literary Evolution in Contemporary Russia. // COLUMBIA UNIVERSITY, 2018. 283 с.
198. Leech D. Semantics. Penguin Books, 1977. P. 284.
199. Proffitt M. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс] // Oxford University Press. URL: https://www.oed.com/dictionary/historiosophy_n?tab=factsheet#252091569 (дата обращения: 11.01.2025)

⁹ Указанный материал произведен иностранным агентом А.Н. Эткиндо́м.